Б.В. Магомедов

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПРЯСЛИЦА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Керамічні пряслиця черняхівської культури

Ceramic spindlewhorls of Chernyakhov culture

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПРЯСЛИЦА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Б.В. Магомедов

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПРЯСЛИЦА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КИЕВ ▪ 2015

УДК: 904.21(4-11)“639”
ББК: Т4(45)273.123.01черн-410.3
М 127

Рецензенты:

проф., д. и. н. *Р.В. Терпиловский*
к. и. н. *О.В. Петраускас*

Утверждено к печати решением Ученого совета
Института археологии НАН Украины 21.05.2015 г.,
протокол № 4

Магомедов Б.В.

М 127 Керамические пряслица черняховской культуры / ИА НАН Украины. — Киев, 2015. — 170 с.; 18 рис., 6 табл., илл.

ISBN 978-966-02-7692-5

Пряслица в древних обществах были частью женской субкультуры. Они могут быть показателем присутствия разных культурно-этнических компонентов в археологических культурах. Черняховский комплекс прясел возник в основном на базе традиций пришлого германского населения вельбарской культуры и в меньшей степени пшеворской культуры. И только в регионе Верхний Днестр полностью преобладала традиция местной зубрицкой культуры. В разных черняховских регионах в небольшой степени заметно влияние других местных культур — фракийских, сарматской и киевской.

Книга рассчитана на археологов и историков, всех кто интересуется археологией и этнической историей Украины.

УДК: 904.21(4-11)“639”
ББК: Т4(45)273.123.01черн-410.3

ISBN 978-966-02-7692-5

© Б.В. Магомедов, 2015

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ
NATIONAL UKRAINIAN ACADEMY of SCIENCES
INSTITUTE of ARCHAEOLOGY

Б.В. Магомедов

КЕРАМІЧНІ ПРЯСЛИЦЯ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

B.V. Magomedov

CERAMIC SPINDLEWHORLS of CHERNYAKHOV CULTURE

КИЇВ ▪ 2015
KIEV ▪ 2015

Магомедов Б.В.

Керамічні пряслиця черняхівської культури / ІА НАН України. — Київ, 2015. — 170 с.; 18 рис., 6 табл., іл.

Прясельця в давніх суспільствах були частиною жіночої субкультури. Вони можуть бути показником присутності різних культурно-етнічних компонентів в археологічних культурах. Черняхівський комплекс прясел виник переважно на базі традицій прийшлого германського населення вельбарської культури і у меншій мірі пшеворської культури. І лише в регіоні Верхній Дністер повністю переважала традиція місцевої зубрицької культури. У різних черняхівських регіонах помітний незначний вплив інших місцевих культур — фракійських, сарматської і київської.

Книга розрахована на археологів і істориків, усіх хто цікавиться археологією і етнічною історією України.

ISBN 978-966-02-7692-5 © Б.В. Магомедов, 2015

Magomedov B.V.

Ceramic spindlewhorls of Chernyakhov culture / Institute of archaeology, National Ukrainian Academy of Sciences. — Kiev, 2015. — 170 p., 6 tab., fig.

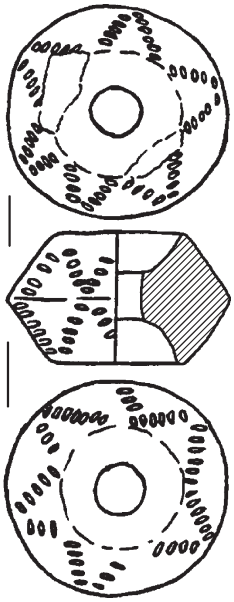
In the ancient societies spindlewhorls were the part of women's subculture. They can illustrate the presence of different cultural-ethnic components in the archaeological cultures. The chernyakhov's complex of spindlewhorls appeared mainly on the base of traditions of the alien German population of Wielbark culture and, in less degree, of Przeworsk culture. The tradition of the local Zubritska culture fully prevailed in the Upper Dniester region. The influence of other local cultures (Thracian, Sarmatian and Kiev cultures) could be noticed in a small degree in the different chernyakhov's regions.

A book is counted on archaeologists and historians, on all who is interested in archaeology and ethnic history of Ukraine.

ISBN 978-966-02-7692-5 © B.V. Magomedov, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Прядение нитей для ткани является одним из древнейших видов домашнего производства. Необходимым инструментом для ручного прядения было веретено, которое в простейшем виде представляет собой деревянный стержень с грузом-маховиком на нижнем конце. До широкого внедрения токарного станка в позднем средневековье, когда появилась возможность вытачивать деревянное веретено любой формы, маховиком служило пряслице (или прясло) [1] — утяжелитель, как правило, из обожженной глины (керамики). В быту некоторых народов Восточной Европы эти приспособления доживают до начала XX века [Післарій 1982].



Прясла различаются по размеру и массе. Легкие экземпляры применялись для изготовления нити более тонкой или со слабо скрученными волокнами и наоборот. Поэтому разные прясла применялись для различного прядильного волокна. Для шерсти требовались прясла меньшего размера и веса, чем для льна [Maik 2012, s. 56]. В женских погребениях древних народов нередко находят по два и более прясел разных типов и размеров, очевидно, в качестве сменных деталей веретена. Хотя находки прясел в количестве пяти и, тем более, десяти требуют другого объяснения (черняховский могильник Ружичанка, погр. 19, и вельбарский могильник Масломенч, погр. 474 [Винокур 1979, с. 117; Maik 2012, s. 54]).

На могильниках разных археологических культур прясла обычно сопровождают женские захоронения, поскольку прядение традиционно было исконно женским занятием. Таким образом, эта категория вещей является частью женской субкультуры.

1 В украинском языке употребляется также слово «кружало».

При изучении прясел следует учитывать, что их типы могли перемещаться в пространстве только вместе с носителями этой субкультуры — или с группой населения, или с отдельными женщинами, которые попали в иную культурную среду в качестве пленницы или жены. В новом культурном окружении традиция использования привычного типа прясел могла передаваться по женской линии к следующему поколению вместе с навыками домашнего хозяйства.

В редких случаях прясла встречаются в захоронениях мужчин. О.В. Гопкало собрала статистические данные по черняховским погребениям с антропологическими определениями скелетов [Гопкало 2011, табл. 2]. Всего известно 73 таких комплекса, в инвентаре которых присутствуют прясла. Из них только 6 (8,2 %) определены как мужские. Остальные 67 погребений (91,8 %) принадлежат женщинам, в том числе все, где найдено более одного прясла. Для кочевников раннего железного века наличие этих предметов в могилах мужчин предположительно объясняется их использованием в качестве амулетов [Мошкова 2012, с. 349], что вполне возможно и для других культур и эпох. Пряслице могло быть также последним подарком от жены, чтобы умерший не забыл о ней в загробном мире. В любом случае оно оставалось предметом женской субкультуры.

Пряслица являются обычной находкой на памятниках черняховской культуры и, тем не менее, редко привлекают внимание исследователей. Однако их изучение в плане происхождения отдельных типов (форм) и декоративного оформления дает дополнительный материал по вопросам черняховского этногенеза и межэтнических связей.

Подавляющее большинство черняховских прясел изготовлено из глины с последующим обжигом, но применялись и другие материалы. Престижные импортные изделия из стекла, вероятно, использовали также и в качестве бус [2] [Кропоткин 1970, с. 41; Гопкало 2008, с. 21—22, 28, 33—34: типы II/25—27, X/2, X/4, XIII/11—13]. Костяные прясла в виде сегмента шара изготовлены из круглых суставов костей крупного рогатого скота (Каборга, Утконосовка, Одая, Романковцы, Чернелив-Русский, Михэлешень и др. [Магомедов 1979, табл. XII, *3*; 1983, рис. 5, *12*; Никитина 1996, с. 30, табл. 4, *28*; с. 136, табл. 28, *4*; Герета 2013, рис. 66, *30*; Şovan 2005, pl. 281, *71*]).Такие же стеклянные и костяные изделия хорошо известны в вельбарской и пшеворской культурах. Единственное известное нам прясло из оленьего рога найдено среди остатков мастерской по обработке этого материала на поселении Великая Снитинка [Магомедов 1992, рис. 11, 4]. Изредка встречаются прясла, выточенные из мягкого камня — мергеля (Рипнив II, Ракобуты, Журавка [Баран 1981, с. 102; Обломский 2010, рис. 71, *17*]). На могильнике Лохвица найдена крупная шаровидная бусина из полудрагоценного минерала халцедона [Березовец, Петров 1960, с. 89, рис. 6, *4*; Гопкало 2008, табл. IX/IV, *4*], однако ее размеры (диаметр 30 мм, диаметр отверстия 8 мм) позволяют предположить ее использование в качестве пряслица. Вполне вероятно ис-

2 Использование пряслиц из стекла подтверждается находкой из вельбарского могильника Новы Лович. Здесь стеклянное и янтарное пряслица входили в конструкцию частично сохранившегося деревянного веретена [Hahula 1994, s. 134—135, tabl. IX, *1*].

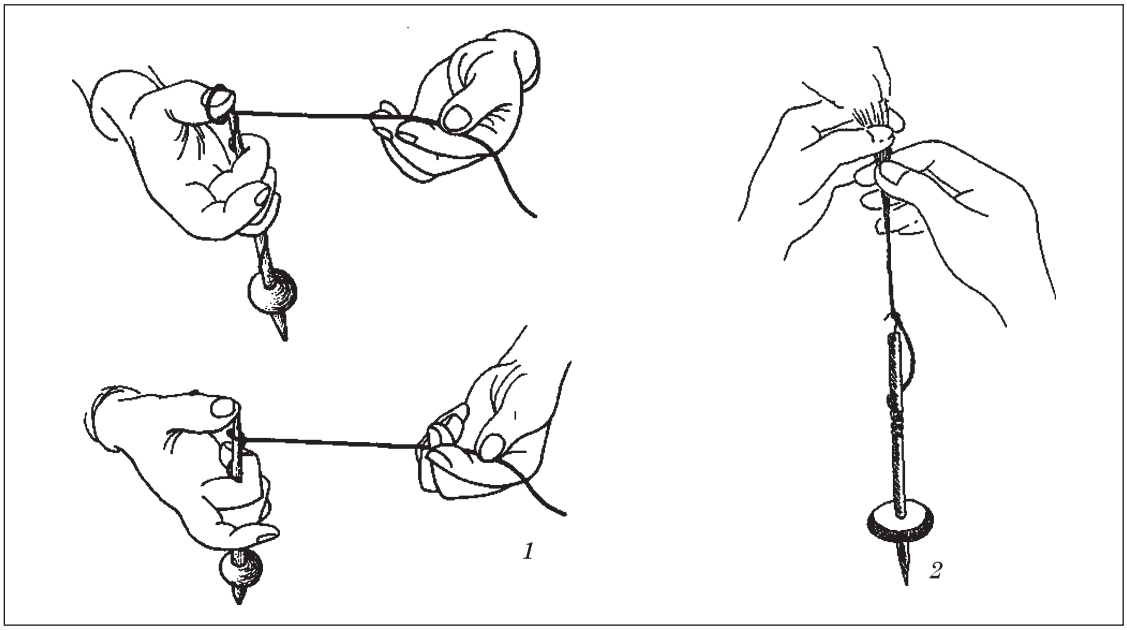


Схема 1. Способы закрепления нити на верхней части веретена (по: *1* — La Baume 1955, S. 36; *2* — Koster 1979, p. 9)

Scheme 1. Methods of fixing the thread on the upper part of spindle (by: *1* — La Baume 1955, S. 36; *2* — Koster 1979, p. 9)

пользование деревянных прясел или цельнодеревянных веретен с утяжелителем, но среди археологических находок такие вещи по естественным причинам отсутствуют. Также практически не сохраняются в земле изделия из необожжённой глины.

На всей территории черняховской культуры встречаются прясла, сделанные из обточенных черепков от посуды местного изготовления, а также из стенок и днищ импортных сосудов. Видимо, красным амфорным черепкам отдавалось предпочтение, так как они встречаются не только в регионах, богатых керамическими импортами — Причерноморье, Молдова, Мунтения (Каборга, Каменка-Анчекрак, Михэлэшень, Будешть [Магомедов 1979, табл. II, *16*; XIV, *4*; 1991, рис. 20, *2, 3*; Şovan 2005, pl. 252, *29*; Vornic 2006, fig. 26, *7*], но и в украинской Лесостепи (Демъянив II, Легедзино, [Баран, Гопкало 2006, табл. 26, *35*; Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010, рис. 14, *2*]). В этой работе мы не учитывали в статистике прясла из черепков, так как они не имеют культурной специфики.

Гораздо реже, чем прясла, при раскопках встречаются другие детали деревянных веретен. Для того, чтобы придать веретену вертикальное положение, нить в его верхней части закреплялась при помощи простой петли или металлического крючка, что известно по этнографическим примерам и используется до сих пор (схема 1). В черняховских погребальных комплексах такие крючки находят вместе с пряслицами. Эти так называемые «крюковидные» или «клюковидные булавки» изготовлены из квадратной в сечении, тордированной (винтообразно скрученной) бронзовой проволоки (длина 25—30 мм, толщи-

на 1—1,5 мм). Очень вероятно, что большинство подобных предметов делали из железной проволоки, которая, как правило, в земле не сохраняется. Такие же «булавки» были распространены в Центральной и Северной Европе, в том числе в пшеворской и вельбарской культурах [Godłowski 1981, s. 76; Werner 1988, S. 253—254].

Деревянные веретена иногда украшались металлическими оковками в виде коротких трубок диаметром около 1 см [Wielowiejski 1994, s. 71—72; Hahula 1994]. Возможно, такими оковками являются серебряные трубки из слоя могильника Петрикивцы [Магомедов, Левада, Абашина 1993, рис. 22, *8*].

Предметом нашего исследования являются керамические прясла, изначально изготовленные как деталь веретена [3]. Многие черняховские пряслица являются ремесленной продукцией гончарных мастерских. Правильная геометрическая форма, состав глины и равномерный горновой обжиг серого цвета говорят о том, что их изготовляли параллельно со столовой или, реже, с кухонной посудой. В погребениях встречаются слабо обожженные пряслица. Как и некоторая часть посуды из погребального инвентаря, они могли быть приготовлены специально к похоронам второпях и без соблюдения обычной технологии. Лепные пряслица часто сделаны не так тщательно, обжиг имеют неровный, вероятно, в открытом очаге. Среди них больше отклонений от традиционных типов.

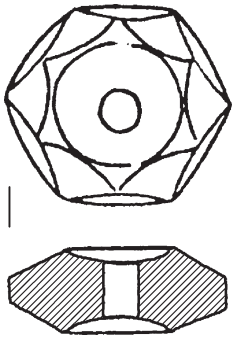
Целью этой работы является выяснение происхождения отдельных форм черняховских прясел и способов их декоративного оформления, как одного из показателей культурно-этнического состава населения. Для этого мы привлекли в качестве аналогий находки прясел из памятников предшествующих и соседних археологических культур. Большинство исследователей в настоящее время отводят главную роль в создании черняховской культуры переселенцам с северо-запада — носителям вельбарской и, в меньшей степени, пшеворской культур. Субстратным населением в западной части Центральной Украины могли быть остатки позднезарубинецких племен (хотя об их контактах с пришлым населением достоверных археологических данных пока нет), в Среднем Поднепровье и восточнее — население киевской культуры и памятников «горизонта Боромля». На западной окраине черняховской культуры ее предшественниками было население липицкой и зубрицкой культур, на юго-западе — фракийские народы — геты и даки. В южных степях обитали кочевые сармато-аланы, которые оставались юго-восточными соседями «черняховцев» до конца римской эпохи.

3 Отдельные опубликованные части этой работы [Магомедов 2014a; 2014b; Magomedov 2015] представлены в настоящем издании в переработанном виде.

ГЛАВА I

Классификация форм и декоративного оформления черняховских прясел

Систематизация пряслиц в рамках всей черняховской культуры до сих пор не была разработана. Такие разработки были сделаны более или менее подробно для небольших регионов [Баран 1981, с. 102; Никитина 2008, с. 84—86, Строцень 2008, с. 106—107] или для отдельных крупных памятников (поселение и могильник Будешть, поселение Журавка, могильник Чернелив-Русский [Vornic 2006, p. 191—193; Обломский 2010, с. 163; Тиліщак 2013]). Имеются публикации с систематизацией пряслиц некоторых культур, которые интересуют нас как смежные с черняховской во времени или по территории [Петрашенко 1988; Обломский 1991, с. 53—55, 104—107; Шарова 2004; Chytrá 2011]. Для более отдаленных эпох эта тема наиболее успешно поднималась при изучении прядения у скифского населения Украины VII—III вв. до н. э. [Гаврилюк 1987, с. 119—123; Щербань 2007, с. 36—58]. В последней из названных работ содержатся интересные наблюдения, связанные с изготовлением и использованием пряслиц, независимо от их происхождения. Там же собраны наиболее полные библиографические сведения о предмете исследования.



Декоративное оформление черняховских прясел привлекало внимание исследователей только в редких случаях его необычности, как правило, без обобщений. По возможности мы учли опыт наших коллег в описании пряслиц, в частности, для обозначения их отдельных частей. Мы применяем достаточно устоявшиеся термины — площадка (основание), боковая поверхность, боковое ребро, канал (схема 2).

Мы просмотрели изображения нескольких тысяч пряслиц черняховской культуры. Из них использованы в статистических расчетах 930 экземпляров из полных публикаций памят-

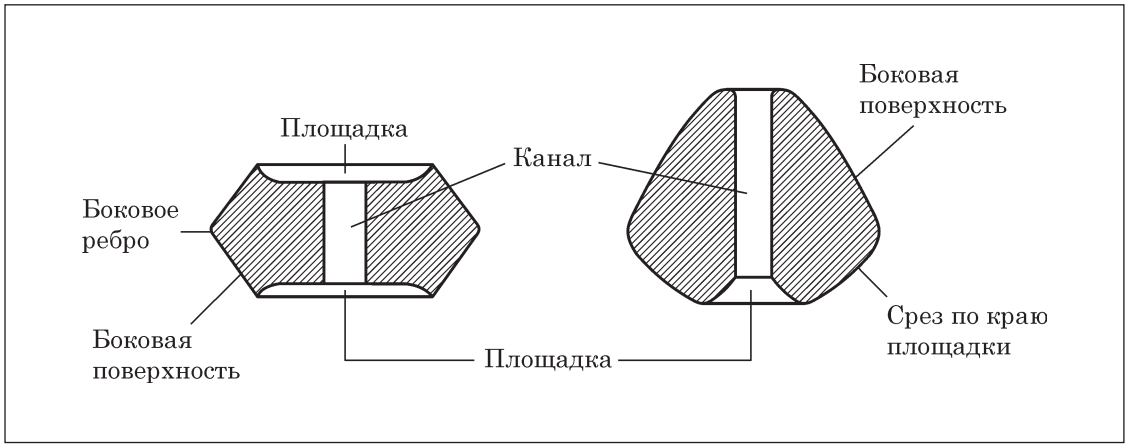


Схема 2. Схема формообразующих поверхностей пряслиц

Scheme 2. Scheme of shape-generating surfaces of spindlewhorls

ников, а также иногда из отчетов. В основном это могильники. Большой массив материала, к сожалению, не годится для статистической обработки. В ряде случаев невозможно установить тип прясел, так как их изображения подавались без разрезов, а иногда в позиции «вид сверху». Материалы поселений нередко публиковались выборочно. Так, на поселении Хлопков, по словам автора, было найдено 52 прясла, но в публикации представлено лишь 13 образцов [Некрасова 1988, с. 72—73]. Рисунки из таких неполных публикаций использованы только для создания типологии. Но даже при строгом отборе наша статистика не может быть полностью точной. На многослойных поселениях в число черняховских могли попадать прясла из другого культурно-хронологического контекста (Журавка, Хлопков, Черепин, Теремци и др.).

В этой работе мы стремились представить в рисунках и на картах все разнообразие форм и декора черняховских прясел, а также аналогии к ним из других культур (рис. 1—16). На основной карте (рис. 17) черняховские памятники с находками прясел представлены по регионам.

Ранее мы предложили членение территории черняховской культуры на культурно-географические регионы по признакам общих особенностей в домостроении, погребальном обряде, типах керамики и с учетом их хронологии [Магомедов 2001b, с. 17—18]. При описании типов прясел пункты находок (памятники) сгруппированы в пространстве несколько иначе, в соответствии с задачей нашей работы и с наличием достаточного археологического материала (рис. 17). Это регионы с несколько условными названиями: Центральная Украина (включает левый берег Среднего Днепра и порожистую часть Днепра), Северо-Западная Украина, Верхний Днестр (фактически область между верховьями Днестра и Западного Буга), Средний Днестр, Восточная Украина (в регион включено поселение Хохлово в сопредельной Белгородской области России), Причерноморье (с Нижним Днепром), Молдова (на территории Республики Молдова, Румынии и Украины между Днестром и Дунаем), Мунтения (или Валахия, на территории Румынии).

Следует иметь в виду, что количество прясел, учтенных в наших таблицах, по некоторым регионам относительно невелико (Верхний Днестр, Мунтения, Причерноморье — от 35 до 51 единицы). Поэтому некоторые наблюдения могут иметь предварительный характер. Регион Трансильвания в этой работе практически не рассматривается, так как в полных публикациях памятников нам не удалось найти достаточное количество полноценных изображений пряслиц.

I.I. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ПРЯСЕЛ

В основе типологического деления пряслиц традиционно лежит их геометрическая форма. В соответствии с этим в категории «керамические прясла черняховской культуры» мы различаем такие виды:

1) **вид A** — биконические прясла;
2) **вид B** — конические прясла;
3) **вид C** — сферические прясла;
4) **вид D** — цилиндрические прясла;
5) **вид E** — прясла с выделенными основаниями;
6) **вид F** — прясла «луковичной» формы.

В эту схему укладываются практически все черняховские прясла, кроме нескольких экземпляров, рассмотренных ниже как «уникальные формы». Внутри видов прясла могут различаться по форме площадок, их наличию или отсутствию, по форме боковой поверхности и ребра, по пропорциональному соотношению частей. Соответственно выделены типы и их варианты, которые при необходимости объединены в группы и подгруппы. Типы или варианты являются конечными (наименьшими) кластерами типологической схемы черняховских прясел. Они соответствуют понятию «форма», которая может быть идентичной формам прясел в других археологических культурах. Всего в нашей типологии (вместе с уникальными формами) насчитывается 32 формы прясел. В дальнейшем, при накоплении новых материалов, количество форм может увеличиваться.

При статистической обработке коллекций памятников (табл. 1—4) количественные и процентные показатели представлены для всех перечисленных видов. Прясла уникальных форм (8 единиц), а также прясла со сложным пластичным декором, которые невозможно однозначно отнести к определенному виду или типу (11 единиц), представлены только в количественных показателях. Последние рассмотрены в разделе «Виды декоративного оформления прясел».

Вид A (схема 3). Симметрично биконические прясла. Форма образована двумя равновеликими конусами, имеющими общее основание. Оба конуса могут иметь симметрично усеченные вершины (усеченно-биконические прясла), а боковое ребро такой фигуры бывает срезано по кругу. Ведущий вид для черняховской культуры (80,8 % от суммы прясел всех видов). Группы различаются по форме бокового ребра.

Группа A1. Прясла с четко выделенным или слабо закругленным боковым ребром. Подгруппы различаются по наличию и форме площадок.

Подгруппа А11 (рис. 1) [4]. Усеченно-биконические прясла; площадки (основания) углублены.Типы различаются по форме боковых поверхностей.

Тип А111. Боковые поверхности в профиле прямые. Варианты различаются по форме площадок.

Вариант А111а. Площадки «воронковидной» формы.Прясла имеют различные пропорции и модификации профиля. Это самая массовая форма пряслиц для всей черняховской территории, кроме региона Верхний Днестр. Она же является ведущей для вельбарской и пшеворской культур. Встречается в зубрицкой, липицкой и (редко) в киевской культурах.

Вариант А111b. Площадки имеют плоскую поверхность и четко выраженный бортик [5]. Редкая форма. Находки: Центральная Украина (Великая Снитинка — 3 экз., Башмачка [Смиленко 1992, рис. 35, *4*]), в основном левый берег Среднего Днепра (Хлопков, Переяслав-Хмельницкий, Соснова, Барбара, Компанийцы), также Молдова (Данчены, Михэлэшень), Северо-Западная Украина (Романове Село). Такие прясла встречаются в вельбарской и пшеворской культурах.

Тип А112. Боковые поверхности в профиле вогнутые по обе стороны бокового ребра. Редкая форма. Находки:Молдова (Бырлад, Михэлэшень), Центральная Украина (Великая Бугаевка, Соснова), Восточная Украина (Успенка), Причерноморье (Беленькое [Росохацкий 1989, табл. 69, *11*]). Характерны для вельбарской культуры.Форма встречаются редко в пшеворской и единично в липицкой культурах.

Подгруппа А12 (рис. 2). Усеченно-биконические прясла; площадки плоские. Типы различаются по форме боковых поверхностей.

Тип А121. Боковые поверхности в профиле прямые. Варианты различаются по относительной ширине канала (центрального отверстия).

Вариант А121а. Прясла со средним диаметром канала: меньше 0,3 диаметра прясла. Разные пропорции по высоте. После варианта А111а вторая по массовости форма пряслиц для всей черняховской территории, кроме региона Верхний Днестр. Форма также относится к ведущим для вельбарской и пшеворской культур, но в последней высокие экземпляры не обнаружены.

Вариант А121b. Прясла с большим диаметром канала: около 0,4 диаметра прясла. Находки: Центральная Украина — Среднее Поднепровье (Обухов 1, Обухов 1а, Хлопков — 2 экз.). Они соответствуют пряслам киевской культуры, тип 5 (низкие биконические) по А.М. Обломскому [1991, с. 53, 104]. Прясла этого типа (относительная ширина канала обычно от 0,4 до 0,6 диаметра прясла или 10—15 мм) в киевской культуре наиболее многочисленны и являются одним из ее этнокультурных показателей [Терпиловский, Абашина 1992, с. 63—64].

4 Ссылки на иллюстрации из публикаций или на авторские рисунки см. в подрисуночных подписях (рис. 1—15). Для прясел малочисленных форм, не отраженных в наших иллюстрациях, ссылки даны в тексте. Приношу сердечную благодарность коллегам, предоставившим неопубликованные материалы: Ю.Ю. Башкатову, М.В. Любичеву, А.С. Милашевскому, Б.С. Строценю, а также А.Н. Некрасовой за рисунки из ее личного архива.

5 Такая же особенность отмечена на одном прясле типа А22 (рис. 3, *33*).

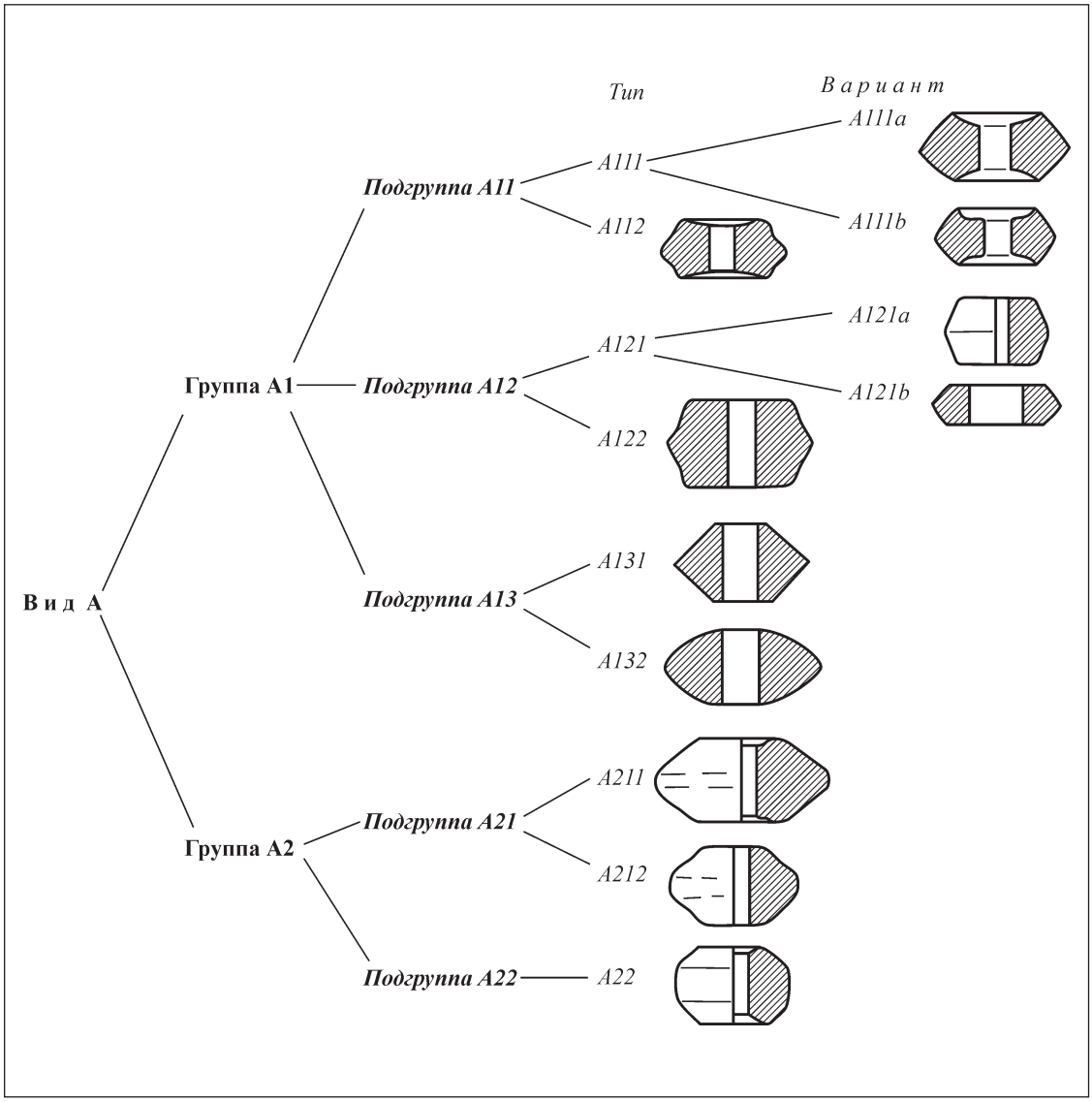


Схема 3. Типологическое членение прясел вида А

Scheme 3. Typological segmentation of spindlewhorls of species A

Тип А122. Боковые поверхности в профиле вогнутые по обе стороны бокового ребра. Редкая форма. Находки: Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский — 2 экз.), Центральная Украина (Черкассы-Центр), Молдова (Бырлад, Данчены [Рафалович 1986, табл. L, *22*]). Так же, как близкий тип А112, форма характерна для вельбарской культуры и является очень редкой и менее выразительной на пшеворских памятниках.

Подгруппа А13 (рис. 3). Площадки отсутствуют. Типы различаются по форме боковых поверхностей. Многие прясла изготовлены небрежно, что затрудняет четкое деление на типы.

Тип А131. Боковые грани в профиле прямые. Находки: Молдова (Будешть — 5 экз., кроме представ-

ленных на рисунке: [Vornic 2006, fig. 109, *4*], Михэлэшень, Яссы-Фабрика), Мунтения (Тыргшор — 2 экз.), Верхний Днестр (Черепин [6] — 3 экз., кроме представленных на рисунке: [Баран 1961, табл. XIV, *7, 17*]), Средний Днестр (Бакота [Винокур, Горішній 1994, рис. 26, *11*]), Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский), Центральная Украина (Синица, Обухов 1, Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 217, *2*], Хлопков). Такие формы присутствуют в вельбарской культуре и очень редко в пшеворской. Они известны также в зубрицкой (Пидберизци, Загаи), липицкой (Верхняя Липица) и карпской (Цифешть) культурах [Козак 2008, рис. 134, *25*; 1992, рис. 19, *9*; Цигилик 1975, рис. 50, *11*; Bichir 1973, pl. CLII, *3*].

Тип А132. Боковые грани выпуклые (прясла линзовидной формы). Находки: Молдова (Будешть — 5 экз., Михэлэшень — 4 экз., Бырлад), Мунтения (Могошань, Тыргшор [Diaconu 1965, pl. CXXXVII, *5*]), Верхний Днестр (Черепин — 2 экз., кроме представленного на рисунке: [Баран 1961, табл. XIV, *10*]), Средний Днестр (Оселивка [Никитина 1988, табл. 52, *6*]), Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский — 4 экз.), Центральная Украина (Обухов 1 — 2 экз., Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 220, *2*], Черкассы-Центр [Куштан, Петраускас 2011, рис. 7, *3*]). Все разновидности присутствуют в вельбарской культуре. Редкие пшеворские линзовидные прясла имеют, за единичными исключениями, существенное отличие — вогнутые основания. Аналогии известны в зубрицкой (Сокильники, Лынив), липицкой (Майдан-Гологирский) и карпской (Кукорэнь) культурах [Козак 2008, рис. 139, *8*; 1994, рис. 23, *6*; Цигилик 1975, рис. 52, *9*; Teodor 1975, fig. 50, *7*].

Группа А2 (рис. 3). Боковое ребро вертикально срезано. Редкая форма. Подгруппы различаются по относительной высоте прясел.

Подгруппа А21. Пропорции низкие. Диаметр прясла составляет больше, чем 1,5 его высоты. Типы различаются по форме площадок.

Тип А211. Площадки углублены. Находки: Центральная Украина (Великая Снитинка, Деревяна, Журавка), Средний Днестр (Добринивци), Северо-Западная Украина (Кобилля), Молдова (Будешть [Vornic 2006, fig. 108, *7*], Михэлэшень [Şovan 2005, pl. 282, *77*]). Форма известна в пшеворской культуре и единично в липицкой культуре (Майдан-Гологирский) [Цигилик 1975, рис. 52, *16*].

Тип А212. Площадки плоские. Находки: Центральная Украина (Легедзино, Великая Снитинка). Аналогии — в вельбарской культуре (кроме приведенной на рисунке, также: [Kokowski 1993, rys. 59; Jaskanis 1996, Taf. LXXV/556, *2*]).

Подгруппа А22. Пропорции высокие. Диаметр прясла составляет меньше, чем 1,5 его высоты.

Тип А22. Находки: Молдова (Лецкань), Средний Днестр (Оселивка, Сокол-Острова [Вакуленко, Приходнюк 1984, рис. 18, *7*]), Центральная Украина (Гавриловка), Восточная Украина (Головино — 2 экз., кроме представленного на рисунке: [Обломский 2001—2002, рис. 23, *17*], Войтенки — 2 экз., кроме представленного на рисунке: [Любичев и др. 2009, рис. 100, *7*]). Аналогия — в вельбарской культуре.

6 В Черепине не учтено три прясла формы 131, так как они относятся к зубрицкому горизонту поселения (жилище V и аналогичные из культурного слоя) [Козак 2008, с. 39].

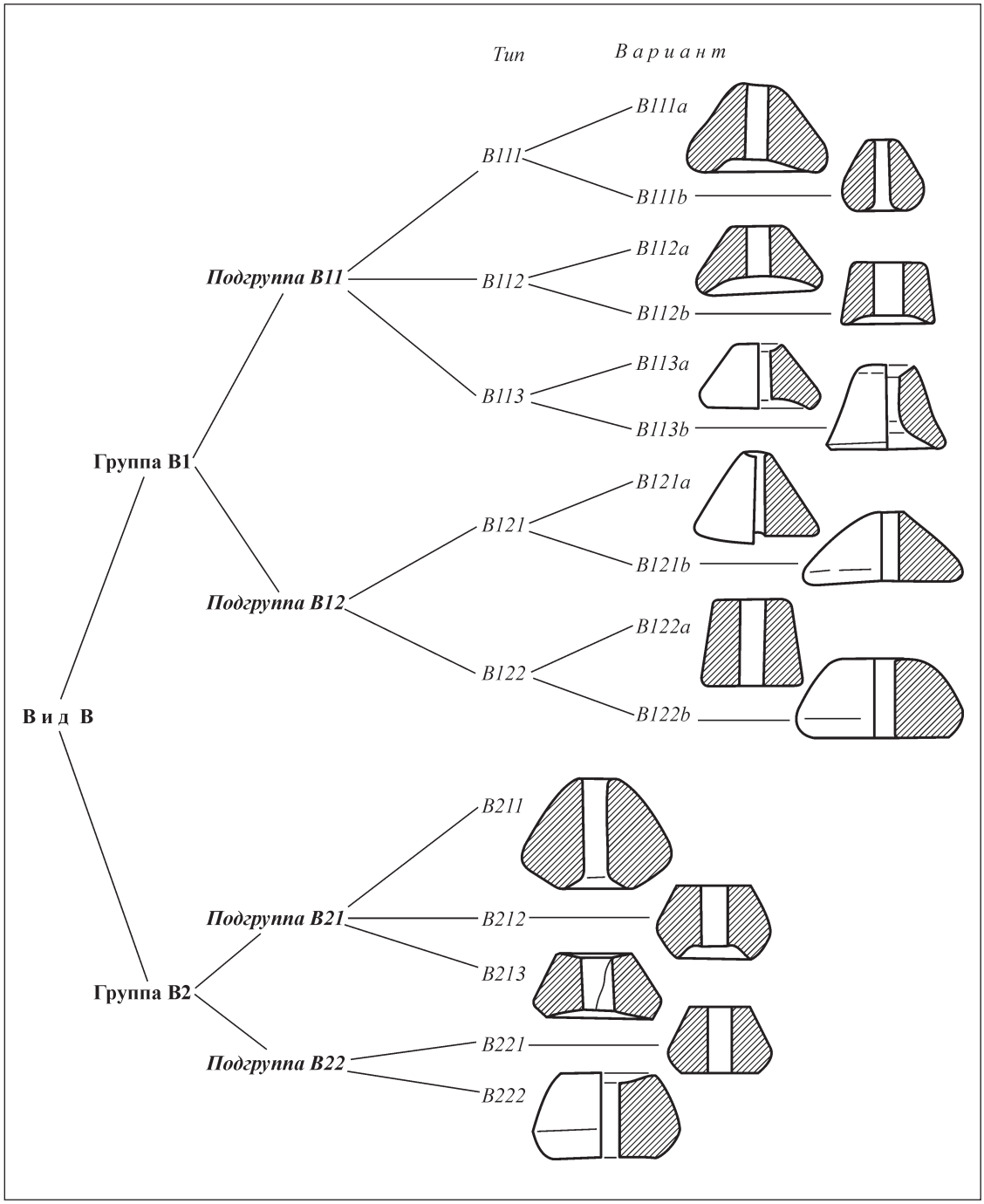


Схема 4. Типологическое членение прясел вида В

Scheme 4. Typological segmentation of spindlewhorls of species B

Вид В (схема 4). Конические прясла. Форма образована конусом, который может иметь усеченную вершину, а ребро основания бывает срезано по кругу (схема 2). Хотя среди черняховских прясел этот вид состав-

ляют всего 7,1 %, он является типологически наиболее разнообразным. Группы различаются по признаку отсутствия или наличия достаточно заметного среза по краю нижней площадки (основания).

Группа B1. Без среза по краю основания или срез ниже 1/4 высоты. Подгруппы различаются по форме нижней площадки.

Подгруппа B11. Основание вогнутое. Типы различаются по наличию и форме верхней площадки.

Тип B111 (рис. 4). Верхняя площадка отсутствует. Варианты различаются по относительной высоте прясел.

Вариант B111a. Прясла средней высоты. Находки: Верхний Днестр (Куропатники, Бовшив, Шкло-2 — 2 экз. [Пелещишин 1999, рис. 1, *12, 13*]), также Средний Днестр (Оселивка), Северо-Западная Украина (Черенелив-Русский), румынская Молдова (Бырлад—Валя Сяке — 4 экз., кроме показанных на рисунке: [Palade 2004, fig. 20, *5*; 30, *2*]), Мунтения — 2 экз. (Дрэгенешть-Олт [Trohani, Zorzoliu 1983, fig. 4, *3*; 5, *4*]). Такие же формы имеют изделия из пшеворских, зубрицких и сарматских памятников. Аналогия из липицкой культуры, которая имела фракийские и пшеворские корни, наиболее вероятно, отражает пшеворскую традицию. Происхождение этого варианта прясел, вероятно, сложное — пшеворско-зубрицкое и сарматское.

Вариант B111b. Форма близка варианту 111a, но прясла более высокие: наибольший диаметр меньше 3/4 высоты прясла. Прясла иногда имеют небольшие размеры. Находки: Мунтения (Тыргшор, Бэлтень), Молдова (Будешть). Подобная форма является одной из ведущих для сармат Нижнего Дуная и Молдовы. Близкая форма из дакийского поселения Мэтэсару в Мунтении, очевидно, также имеет сарматское происхождение.

Тип B112 (рис. 5). Верхняя площадка плоская. Варианты различаются по соотношению верхней площадки и максимального диаметра.

Вариант B112a. Верхняя площадка малого диаметра (меньше 2/3 максимального диаметра). Находки: в основном Средний Днестр (Чорнивка — 2 экз., Добринивци, Иванковцы) и Верхний Днестр [7] (Рипнив, Бовшив), также Северо-Западная (Чернелив-Русский) и Центральная Украина (Легедзино, Малополовецкое). Аналогии есть в зубрицкой и пшеворской культурах, отдельные находки известны в вельбарской культуре и у сармат.

Вариант B112b. Верхняя площадка большого диаметра (больше 2/3 максимального диаметра). Находки: в основном Верхний Днестр (Демьянов — 2 экз., Черепин, Рипнив), также румынская Молдова (Бырлад—Валя Сяке). Похожие фракийские прясла имеют важное отличие — плоское основание (см. вариант 122a). Можно предположить, что форма имеет фракийское происхождение, но под влиянием пшеворско-зубрицких прототипов варианта 112a приобрела вогнутое основание.

Тип B113 (рис. 6). Верхняя площадка вогнутая. Варианты различаются по пропорциям прясел.

Вариант B113a. Прясла низкие, высота меньше 2/3 диаметра. Находки: в основном Средний

7 На поселении Ракобуты (Верхний Днестр) найдено пряслице такой же формы, но изготовленное из мергельной породы [Баран 1981, табл. LXXI, 14].

Днестр (Чорнивка — 3 экз., Оселивка — 2 экз., Одая), также Верхний Днестр (Гряда, Рипнив, Бовшив), Молдова (Данчены — 2 экз.), Мунтения (Тыргшор), Центральная Украина (Привольное, Барбара, Рыжавка [Кропоткин 1962, рис. 67, *4*]), Восточная Украина (Войтенки). Аналогии есть в пшеворской и зубрицкой культурах, в группе памятников «горизонт Боромля», один экземпляр в липицкой культуре.

Вариант B113b. Прясла высокие, высота больше 2/3 диаметра. Находки: Верхний Днестр (Демъянив, Бовшив), Средний Днестр (Добринивци, Оселивка), также Центральная Украина (Великая Снитинка — 2 экз.). Отдельные аналогии встречаются в зубрицкой, вельбарской, дакийской культурах, в группе «горизонт Боромля». Предполагаем, что вариант возник в зубрицкой культуре на базе зубрицких аналогий предыдущего варианта 113а и получил развитие в черняховской группе Черепин—Теремци.

Подгруппа B12 (рис. 7). Основание плоское. Типы различаются по наличию верхней площадки.

Тип B121. Верхняя площадка отсутствует. Варианты различаются по пропорциям прясел.

Вариант B121a. Высокие прясла, высота больше 1/2 диаметра. Находки: Верхний и Средний Днестр (Демъянив, Теремци), Мунтения (Тыргшор, Дрэгенешть-Олт — 2 экз. [Trohani, Zorzoliu 1983, fig. 2, *3*; 6, *3*]). Аналогии есть в дакийской и зубрицкой культурах, у сарматов румынской Молдовы.

Вариант B121b. Низкие прясла, высота меньше 1/2 диаметра. Находка: Восточная Украина (Войтенки). Аналогии встречаются у сарматов.

Тип B122. Верхняя площадка плоская. Варианты различаются по пропорциям прясел.

Вариант B122a. Высокие прясла, высота больше 1/2 диаметра. Находки: Средний Днестр (Теремци, Сокол-Острова), регион Восточная Украина (Хохлово, Войтенки, Билопилля), Мунтения (Тыргшор, Изворул [Mitrea, Preda 1966, fig. 196, *2*]), Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский). Аналогии — в фракийских (дакийской и липицкой) и сарматской культурах. Один экземпляр нам известен в пшеворской культуре.

Вариант B122b. Низкие прясла, высота меньше 1/2 диаметра. Находки: Северо-Западная Украина (Петрикивци), Восточная Украина (Войтенки — 2 экз.), Причерноморье (Беленькое [Росохацкий 1991, рис. 46, *8*]). Аналогии есть у сарматов.

Группа B2 (рис. 8). Срез по краю нижней площадки (основания) находится примерно на 1/3 высоты, иногда несколько выше. Подгруппы различаются по форме основания.

Подгруппа B21. Основание вогнутое. Типы различаются по наличию и форме верхней площадки.

Тип B211. Верхняя площадка отсутствует. Находки: Верхний Днестр (Черепин), Молдова (Балцата), Причерноморье (Беленькое). Аналогии есть в зубрицкой культуре и у сарматов Буджакской степи.

Тип B212. Верхняя площадка плоская. Находки: Верхний Днестр (Черепин), Мунтения (Тыргшор). Аналогии встречаются в пшеворской и зубрицкой культурах, в группе «горизонт Боромля», единично в вельбарской культуре.

Тип B213. Верхняя площадка вогнутая. Находки: Верхний Днестр (Рипнив), Центральная Украина (Великая Бугаевка). Аналогии есть в

пшеворской и зубрицкой культурах, в группе «горизонт Боромля», единично в вельбарской культуре.

Подгруппа B22. Основание плоское. Типы различаются по форме верхней площадки.

Тип B221. Верхняя площадка плоская. Находки: Центральная Украина — левый берег Днепра (Барбара — 2 экз.). Прямые аналогии не найдены.

Тип B222. Верхняя площадка вогнутая. Находки: Средний Днестр (Добринивци), Восточная Украина (Войтенки). Единичные аналогии имеются в погребении пшеворской культуры хронологической ступени C2 и в вельбарской культуре. Вероятно, оба типа этой подгруппы являются упрощенными модификациями типов 212 и 213.

Вид C (схема 5, рис. 9). Прясла сферической или сплюснуто-сферической формы, по этому признаку различаются группы. Малочисленный вид, составляет 6,6 % черняховских прясел.

Группа C1. Шаровидные прясла. Типы различаются по форме площадок.

Тип C11. Основания углублены. Находки: Центральная Украина (Великая Снитинка — 2 экз., Леськи [Смиленко, Брайчевский 1967, рис. 16, *13*], Соснова), Средний Днестр (Оселивка).

Тип C12. Основания (площадки) отсутствуют. Находки: Верхний Днестр (Бовшив [Баран, Гопкало 2006, табл. 12, *20*], Куропатники), Средний Днестр (Оселивка), Восточная Украина (Войтенки), Молдова (Будешть [Vornic 2006, fig. 47, *5*]), Мунтения (Могошань).

Группа C2. Форма сплюснутого шара или шара со срезанными полюсами. Типы различаются по форме площадок.

Тип C21. Основания углублены. Находки: Центральная Украина (Великая Снитинка — 2 экз., Деревяна — 2 экз., кроме показанного на рисунке: [Кравченко и др. 2007, с. 363, рис. 20, *9*], Каменка-Днепровская (рис. 14, *26*), Канев, Переяслав-Хмельницкий (по А.Н. Некрасовой), Журавка [Обломский 2010, рис. 71, *6*]), Северо-Западная Украина (Малашивци-Иванкивци [Строцень 2008, рис. 61, *10*], Чернелив-Русский — 4 экз. [Герета 2013, рис. 23, *5*; 30, *2*; 33, *6*; 37, *20*]), Средний Днестр (Козлов), Восточная Украина (Боромля — 2 экз. [Некрасова 2006, рис. 22, *4, 5*], Войтенки — 6 экз., кроме показанного на рисунке: [Любичев и др. 2005, рис. 72, *1*, *11*; 2006, рис. 102, *4*; 2008, рис. 269, *2*, *3*], Успенка), Причерноморье (Гавриловка — 2 экз. [Сымонович 1955, рис. 13, *15*; 1960, табл. XII, *12*]), Молдова (Будешть, Данчены — 2 экз. [Рафалович 1986, табл. XXXVIII, *7*, *8*], Лецкань [Bloşiu 1975, fig. 30, *3*; 41, *4*], Михэлэшень — 2 экз. [Şovan 2005, Pl. 283, *88*]).

Тип C22. Основания отсутствуют или плоские. Находки: Центральная Украина (Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 220, *3*], Великая Снитинка, Деревяна [Кравченко и др. 2007, с. 345, рис. 2, *2*], Легедзино, Переяслав-Хмельницкий (по А.Н. Некрасовой), Журавка — 2 экз. [Обломский 2010, рис. 70, *2, 24*]), Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский — 2 экз., кроме показанного на рисунке: [Герета 2013, рис. 159, *3*), Верхний Днестр (Черепин — 3 экз., кроме показанных на рисунке: [Баран 1961, табл. XIV, *14*]), Восточная Украина (Компанийцы, Боромля, Билопилля (по А.Н. Некрасовой), Войтенки [Любичев и др. 2007, рис. 64,

4], Молдова (Будешть [Vornic 2006, fig. 70, *3*], Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 268, *11*], Михэлэшень — 3 экз., кроме показанного на рисунке: [Şovan 2005, Pl. 59, 5; 282, *81*]), Мунтения (Спанцов [Mitrea, Preda 1966, fig. 58, *2*]).

Прясла вида С чаще всего встречается на Верхнем Днестре — 14,3 % от всех находок этого региона. Шаровидные прясла (группа С1) встречаются редко, причем тип С12 (без площадок) — в основном в юго-западных регионах черняховской культуры (Верхний и Средний Днестр, Молдова, Мунтения). Сплюснуто-сферическая форма представлена значительно большим количеством находок — более 80 % прясел этого вида. Примерно в таких же пропорциях эти формы прясел известны в вельбарской и пшеворской культурах. Прясла округлых форм, простые в изготовлении, встречаютсяи в других культурах — зубрицкой, киевской, липицкой, фракийских.

Вид D (схема 5, рис. 9). Прясла цилиндрической формы. Типы различаются по относительной высоте. Малочисленный вид — в черняховской культуре составляет 3,7 % прясел.

Тип D1. Низкие (дисковидные). Диаметр больше, чем две высоты. Находки: Центральная Украина (Косаново [Petrauskas 2003, Abb. 75, *11*], Обухов 1 — 2 экз. [Кравченко и др. 2007, с. 233—235, рис. 11, *9*; 13, *2*], Хлопков, Журавка — 6 экз. [Обломский 2010, рис. 70, *4, 27*; 71, *1, 2, 4, 5*]), Средний Днестр (Бакота [Винокур, Горішній 1994, рис. 40, *9*], Добринивци I [Войнаровський 1999, рис. 10, *19*]), Восточная Украина (Боромля), Причерноморье (Гавриловка [Сымонович 1960, табл. XII, *11*], Каборга), Молдова (Будешть — 3 экз. [Vornic 2006, fig. 8, *8*; 16, *3*; 109, *6*], Михэлэшень [Şovan 2005, Pl. 283, *87*]).

Тип D2. Высокие. Диаметр меньше, чем две высоты. Находки: Центральная Украина (Деревяна, Леськи [Смиленко, Брайчевский 1967, рис. 16, *12*], Привольное [Кухаренко 1955, табл. IV, *13*], Черкассы-Центр, Барбара, Хлопков, Иванкивци (Житомирская обл.) [Винокур 1960, табл. VI, *11*]), Северо-Западная Украина (Кобилля [Строцень 2008, рис. 61, *13*], Малашивци [Строцень 2008, рис. 61, *12*], Ружичанка [Винокур 1979, рис. 12, *1а*), Средний Днестр (Оселивка, Теремци), Восточная Украина (Войтенки — 2 экз., Головино 1 [Обломский 2001—2002, рис. 23, *21*], Родной Край 1 [Петренко 1991, рис. 8, *12*]), Молдова (Будешть — 4 экз. [Vornic 2006, fig. 8, *3*; 70, *3*; 78, *7*; 109, *7*], Бырлад—Валя Сяке — 2 экз. [Palade 2004, fig. 19, *3*; 200, *6*], Данчены, Михэлэшень — 2 экз. [Şovan 2005, pl. 282, *81*; 283, *83*]).

По своей форме цилиндрические прясла, прежде всего типа D1, изготовленные из сырой пластичной глины, не отличаются от изделий из обточенных черепков. Последние мы в этой работе не учитывали, как и многочисленные сомнительные случаи, не оговоренные специально авторами публикаций. Поэтому истинное количество прясел типа D1 и всего вида D мы установить не могли. Цилиндрические прясла распространены в черняховском ареале довольно равномерно. Примерно так же редко, как в черняховской, они встречаются в вельбарской [8] и пшеворской культурах, но большинство пшеворских эк-

8 Находки цилиндрических прясел были зафиксированы на тринадцати вельбарских памятниках [Kokowski, Stasiak, Strocen' 1998, s. 145].

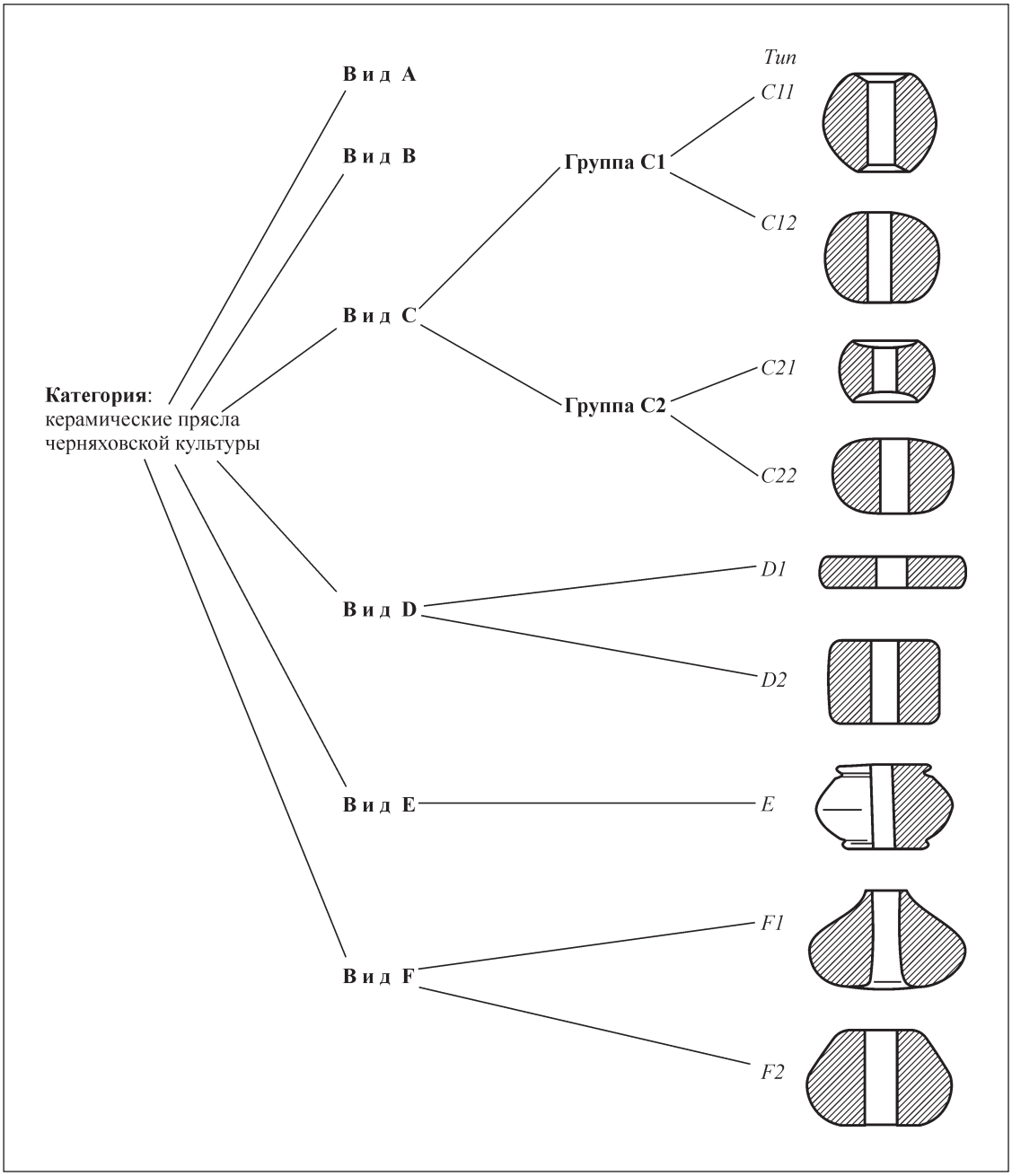


Схема 5. Типологическое членение прясел видов C, D, E, F

Scheme 5. Typological segmentation of spindlewhorls of species' C, D, E, F

земпляров имеют существенное типологическое отличие, не характерное для двух остальных культур: воронкообразные расширения в устьях центрального канала. Цилиндрические прясла известны также в зубрицкой и липицкой культурах.

Вид E (схема 5, рис. 10). Прясла с выделенными основаниями, которые

отделены от бочка более или менее четким уступом. Редкий вид. Боковое ребро может быть в профиле острое, округленное, уплощенное или выделено в виде валика. Из-за небольшого количества находок мы посчитали целесообразным рассматривать все эти разновидности форм как один тип.

Тип E. Находки: Центральная Украина — Среднее Поднепровье (Обухов 1, Журавка — 2 экз. [9], Соснова, Компанийцы); Восточная Украина (Головино); Причерноморье (Коблево [Сымонович 1967, рис. 9, *13*]); место находки одного экземпляра неизвестно. Прясла этой формы есть в пшеворской культуре [10]; единственный известный нам вельбарской экземпляр отличается более низкими пропорциями.

Вид F (схема 5, рис. 10). Прясла с округлой боковой поверхностью, которая сужается кверху — «луковичная» форма. Встречаются редко. Типы различаются по форме узкой (верхней) части прясла.

Тип F1. Классическая «луковичная» форма: выпуклая боковая поверхность вверху переходит в вогнутую. Верхняя площадка отсутствует. Находки: Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский — 4 экз.), румынская Молдова (Бырлад—Валя Сяке). Отдельные похожие, но отличные в деталях, формы встречаются в пшеворской культуре, а также на вельбарском и зубрицком памятниках Волыни, где заметно пшеворское влияние. Близкий тип прясел известени в области германского племени квадов [Chytrá 2011, tabl. 3: тип 7]. Более точную аналогию мы нашли в отдаленной по времени лукашовской культуре II—I вв. до н. э. в Молдавии [Федоров 1960, рис. 3, *21*]. Один грубо исполненный экземпляр с уплощенным основанием (рис. 10, *12*) имеет сходство (видимо, случайное) с сарматскими изделиями [Гудкова, Фокеев 1984, рис. 9, *8*].

Тип F2. Форма этого типа отличается от предыдущего тем, что верхняя часть «луковицы» как бы срезана. Верхняя площадка в большинстве случаев вогнутая. Находки: Средний Днестр (Одая), Центральная Украина (Канев), Восточная Украина (Хохлово; Войтенки — 3 экз., в том числе: [Любичев и др. 2007, рис. 122, *2*]). Аналогии есть в пшеворской культуре. В некоторых случаях не исключено также развитие этой формы из конического типа B213.

Уникальные формы. В раздел включены прясла, которые не соответствуют перечисленным выше черняховским видам. Фактически их формы можно было бы рассматривать как ряд самостоятельных видов. Но, поскольку эти формы представлены в собранном материале в количестве одного-двух экземпляров, мы не

9 Один экземпляр из Журавки (рис. 10, 7) самые близкие аналогии по форме и декоративному оформлению имеет среди раннескифских древностей [Щербань 2007, мал. 43, 2; 44]. Возможно, его следует исключить из числа черняховских находок.

10 Три одинаковых прясла с выделенными основаниями найдены на поселении Гирка Полонка II (Волынь) и отнесены к его разным культурно-хронологическим горизонтам: поморско-клешевому, пшеворскому и зубрицкому [Козак 1992, рис. 4, 5; 23, 8; 58, 6]. Поскольку одно из прясел найдено в жилище поморско-клешевой культуры (III—II вв. до н. э.), вероятно, и остальные две находки следует связывать с этим же, самым ранним, горизонтом.

считаем целесообразным включать их в систему нашей классификации. Все они имеют аналогии среди прясел других культур [11], но в некоторых случаях нельзя исключить и самостоятельное творчество местных мастеров.

1. Прясло в форме куба со срезанными вершинами, то есть 14-гранной фигуры (рис. 11, *1*). Найдено на неизвестном нам черняховском памятнике. Наиболее близки ему редкие кубические прясла пшеворской культуры. Геометрическая фигура с 14 гранями была хорошо известна черняховскому населению благодаря популярным сердоликовым и стеклянным бусам такой же формы.

2. Прясло в форме куба с тремя каналами, которые крестовидно пересекаютсяв центре (рис. 11, *2*). Найдено в Северо-Западной Украине (Кобылля). Подобные изделия кубической и шарообразной формы известны в вельбарской и пшеворской культурах, также в любошицкой культуре, на востоке Германии и в области западных балтов (кроме приведенных на рисунке: [Pietrzak 1997, Taf. CXX/372, *1*; Jaskanis 1996, tabl. XXII/160, *3*; Nowakowski 2002—2003, tabl. XLIX/193, *1*; Dąbrowski 1970, tabl. VII, *3*; Ziemlińska-Odojowa 1991, ryc. 10; Leube 1975, Taf. 20, *22*], также вельбарский могильник Масломенч, погр. 387 — сообщение проф. А. Коковского).

3. Прясла с боковой поверхностью, разделенной на два или три валика (рис. 11, *3, 4*). Находки: Мунтения (Тыргшор), Центральная Украина (Максимовка). Форма с тремя валиками известна в вельбарской культуре.

4. Биконическое прясло. Боковое ребро расположено на середине высоты, верхняя площадка отсутствует, нижняя — плоская; украшено насечками по ребру (рис. 11, *5*). Экземпляр из Северо-Западной Украины (Кобылля). Возможно, к этому же типу относится прясло с неполным профилем из Центральной Украины (Великая Бугаевка) [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 220, *4*]. Три прясла близкой формы (в том числе два с насечками по ребру) происходят из вельбарского могильника Веклице [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011, pl. XLVII/116, *3*; pl. LXXXVII/223, *2*; pl. CXCI/435, *1*]. Подобная форма прясел известна также в области германцев-квадов [Chytrá 2011, obr. 3, *3*].

5. Прясло полусферической формы, площадка вогнутая (рис. 11, *6*). Находка: Центральная Украина (Шершни). Приблизительные аналогии встречаются в пшеворской культуре и у германцев области Одер-Шпрее [Die Germanen … 1983, Abb. 29c]. Менее вероятно, что черняховский экземпляр является модификацией сарматских типов конических прясел (см. сарматские аналогии к варианту B111a).

6. Прясла в виде моделей горшков: близкая к оригиналу биконическая форма и менее реалистичная округлая (рис. 11, *7, 8*). Находки: Восточная Украина (Войтенки), Центральная Украина (Журавка). Прясла в виде горшков с туловом обеих вариантов характерны для северо-восточных соседей вельбарской культуры — богачевской и судовской культур западнобалтского происхождения [Bitner-Wróblewska 2007, p. 85—86].

11 За консультации по уникальным формам пряслиц приношу глубокую благодарность польским коллегам доктору Анне Битнер-Врублевской, доктору Яцеку Анджеёвскому и профессору Анджею Коковскому.

Редко, как заимствование, встречаются они в вельбарской культуре. Наиболее вероятно, что балтская традиция попала в черняховскую среду через вельбарское население. Однако, следует сказать, что в предшествующее время прясла в форме сосудов известны у скифов (VI—V вв. до н. э.) [Щербань 2007, мал. 12], а более отдаленные и редкие аналогии встречаются также среди сарматских древностей [Субботин, Дзиговский 1990-I, рис. 6, *8*; Скрипкин 1998, рис. 2, *6*].

7. Несимметрично-биконические прясла (форма образована двумя конусами разной высоты с общим основанием) (рис. 11, *9, 10*). Находки: Центральная Украина (Великая Бугаевка), Молдова (Бырлад—Валя Сяке). Такие формы имеются у сарматов региона Молдова (кроме изображенных на рисунке, также [Федоров 1960, табл. 18, *3*]). Отметим, что прясло из некрополя Бырлад—Валя Сяке найдено в могиле с подбоем, что является важным признаком сарматского происхождения умершей [Palade 2004, fig. 234].

I.2. ВИДЫ ДЕКОРАТИВНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПРЯСЕЛ

На происхождение прясел, как и прочих археологических артефактов, указывает не только их форма, но и декоративное оформление. Декором для прясел служат, в первую очередь, разные виды орнамента. Достаточно условно к декоративному оформлению можно приравнять нанесение на прясла надписей и отдельных изображений, которые могли служить знаками собственности или магическими символами («оберегами»).

В большинстве черняховские прясла сделаны довольно аккуратно, поверхность обычно покрыта лощением по сырой глине. По приблизительным подсчетам, на наиболее исследованных крупных памятниках в среднем 9—10 % прясел имеет декоративное оформление, а на некоторых могильниках эта цифра повышается до 15 и 18 % (Легедзино, Чернелив-Русский). Мы попытались собрать и представить в рисунках максимальное количество таких прясел. В случаях частого повторения одинаковых декоративных мотивов, а также при плохом качестве исходных иллюстраций (особенно на фотографиях) в тексте даны ссылки на соответствующие публикации.

Основными видами декора черняховских прясел являются графический, штампованный и пластичный, которые иногда сочетаются. Кроме того, известен один экземпляр с инкрустацией. Это биконическое пряслице из поселения Журавка имело девять вставок (сохранилось три) из осколков стекла зеленоватого цвета (рис. 12, *22*) [Сымонович 1962, с. 69, рис. 14, *1*].

Графический декор нанесен прочерченными или пролощенными линиями, которые обычно образуют орнаментальные композиции. Простые композиции составлены из вертикальных и косых линий в разных комбинациях (рис. 12, *1—11*). Прясла с таким орнаментом происходят из разных регионов: Центральная Украина (Журавка, Легедзино, Великая Бугаевка, Малополовецкое); Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский — 3 экз.), Восточная Украина (Боромля), Молдова (Будешть, Слобозия-Кишкэрень), Мунтения (Тыргшор).

Иногда линии образуют сетку (рис. 1, *8*) или зигзаг (рис. 12, *12—16*).

Находки из регионов Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский — 2 экз.), Центральная Украина (Легедзино), Восточная Украина (Успенка, Хохлово). Зигзаги в большинстве случаев нанесены на боковые поверхности таким образом, что при взгляде сверху (с торца прясла) они складываются в звездообразные фигуры (мотив «зигзаг—звезда»).

Неорнаментальные или знаковые изображения встречаются редко. На экземпляре с поселения Синица на Южном Буге изображены две свастики (рис. 12, *17*). Такие солярные знаки иногда встречаются и на черняховских сосудах (могильники Данчены и Стецовка, поселение Тэкута [Рафалович 1981, рис. 1; 2; Гірник, Білецька, Нерода 1995, рис. 4, *1*; Ioniță 1998, Abb. 1; 3]). Однако, необходимо подчеркнуть, что культурная принадлежность этого прясла (найденного вне комплекса) вызывает сомнения. Оно относится к редкому черняховскому типу А131, но три изделия близкой формы, также с изображениями свастики, найдены на поселении раннесредневековой пеньковской культуры Пеньковка—Луг I [Березовец 1963, рис. 13, *2, 4, 5*].

Пряслице из богатого погребения могильника Лецкань имеет готскую руническую надпись, которая была прочитана так: на одной стороне «Ранго» (сокращенное женское имя Рангахильда), на другой стороне «Здесь ткань Идо» (рис. 12, *18*) [Bloşiu 1975, p. 231]. В других случаях знаки бывают похожи на руны или на неупорядоченный орнамент (рис. 12, *19—21*). Находки: Центральная Украина (Шершни, Журавка, Деревяна [Кравченко и др. 2007, с. 362; рис. 19, *2*]), Восточная Украина (Савченкив Яр). Это могут быть имитации рунических знаков, так же, как и на двух сосудах из Войскового [Бодянский 1968; Бодянський 1972].

Штампованный декор выполнен разными орудиями. Для создания точечного орнамента применяли стержень, которым делали на глине оттиски тупым концом или (реже) наколы острием (рис. 13, *1—6, 8—12*). Большинство таких прясел найдено в Молдове (Данчены, Козия-Яссы, Миоркань, Бырлад—Валя Сяке — 2 экз.). Остальные находки происходят из регионов Средний Днестр (Оселивка, Чорнивка), Мунтения (Могошань), Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский — 3 экз., в том числе [Герета 2013, с. 44, рис. 54, *3*]), Центральная Украина (Журавка).

Популярным был пружинный (или «гусеничный») орнамент, который наносили обычно пружиной от фибулы (рис. 13, *13—22, 24*) и, возможно, иногда палочкой с намотанным шнуром (рис. 13, *23*) — Центральная Украина (Легедзино — 3 экз., Журавка, Великая Бугаевка), Восточная Украина (Хохлово, Головино [Обломский 2001—2002, рис. 23, *18*], Заезд-Мост [Жаров, Терпиловський 2014, рис. 10, *51*]), Молдова (Бырлад—Валя Сяке, Яссы-Фабрика), Средний Днестр (Козлов — 2 экз.), Причерноморье (Викторовка, Фурмановка). В качестве штампа использовали также зубья гребня (рис. 13, *25, 26*) — Центральная Украина (Обухов, Соснова). В одном из наших примеров отпечатки гребня складываются в сложную композицию из косых крестов и «лесенок» подобную тем, которые наносились на парадные вазы и кувшины. Некоторые исследователи видят в таких изображениях сакральные символы и календари. Как и при использовании графических линий, на биконических пряслах штампованные орнаменты часто образуют «зигзаг—

звезду»[12] (рис. 13, *1, 13—18*), а также более простые фигуры.

Единично встречаются прясла с отпечатками боковой поверхности стержня (рис. 13, *7* — Слобозия-Кишкэрень) и с кольцевым штампом, выполненным, вероятно, концом тростниковой палочки (рис. 14, *5* — Бырлад—Валя Сяке); оба примера из Молдовы. Уникальной находкой является прясло из Обухова (Среднее Поднепровье) с оттисками специально изготовленного штампа в виде «медвежьей лапы» (рис. 13, *27*).

Пластичный декор представляет собой изменение формы прясел с помощью срезания глины с поверхности или с помощью глубоких вдавлений. Для украшения прясел плоскими срезами (фасетками) обычно использовали биконические заготовки. Фасетки образуют граненую поверхность различной степени сложности. Самый простой способ создания фасеточного декора — удаление равных участков только с конических боковых поверхностей (рис. 14, *1—5*). Прясла, украшенные простыми фасетками числом от трех на каждой стороне и более найдены в Молдове (Михэлэшень, Яссы-Фабрика, Бырлад—Валя Сяке — 2 экз.), также в Центральной Украине (Плоское, Журавка [Обломский 2010, рис. 70, *10*], Маслово [Петров 1964, рис.11, *31*], Успенка (Кировоградской обл.) [Кропоткин 1964, рис. 22, *9*]). В одном случае простые срезы имеют разную ширину (рис. 14, *6*) — Гавриловка на Нижнем Днепре.

На более сложных изделиях срезаны также участки бокового ребра, что придает им особый художественный эффект: при взгляде сверху эти прясла имеют вид многогранной звезды (рис. 14, *7—14*). Это прясла из регионов Восточная Украина (Боромля, Лохвица, Успенка, Войтенки [Любичев и др. 2006, рис. 139, *3*]), Центральная Украина (Легедзино, Соснова), Молдова (Будешть, Лецкань [Bloşiu 1975, Fig. 13, *6*]); Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский), Причерноморье (Коблево).

Часть прясел украшена только по боковому ребру. Обычно это прямые или косые срезы (рис. 14, *17—19*), находки из регионов Восточная Украина (Павлюковка, Успенка), Центральная Украина (Черкассы-Центр). Реже на ребре прясла сделаны глубокие врезы или вмятины, которые придают изделию звездообразную форму (рис. 14, *15, 16*) — регионы Центральная Украина (Журавка), Молдова (Чалык), Мунтения (Изворул, по фото и описанию [Mitrea, Preda 1966, p. 74, fig. 193, *3*]).

Видами пластичного декора являются также каннелюры, которые наносили, вдавливая в сырую заготовку боковую поверхность стержня. Прясла с косыми каннелюрами встречаются довольно часто (рис. 14, *20—29*). Находки: Центральная Украина (Журавка — 4 экз., кроме представленных на рисунках — [Обломский 2010, рис. 71, *22*; 72, *5*]), Канев [Петраускас 1998, рис. 17, *3*], Хлопков — 2 экз., Каменка-Днепровская, Башмачка [Смиленко 1992, рис. 35, *9*], Переяслав-Хмельницкий и Жовнин-Пристань (рис. А.Н. Некрасовой)); Восточная Украина (Хохлово — 2 экз.,

12 Прясло черняховского типа А211 с изображениями на обеих сторонах пятиконечных звезд, нанесенных гребенчатым штампом и пролощенными линиями, найдено на раннеславянском (пражско-корчакском) поселении Лука-Каветчинская на Среднем Днестре. Однако, учитывая состав глины и керамику, сопровождавшую это прясло, авторы раскопок предполагают его черняховское происхождение [Вакуленко, Приходнюк 1984, с. 67, 82, рис. 38, 32].

Головино [Обломский 2001—2002, рис. 23, *15*], Вовчик [Кропоткин 1968] (рис. А.Н. Некрасовой)); Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский), Средний Днестр (Думанов [Кропоткин 1981, рис. 99]), Молдова (Михэлэшень — 2 экз.). Вертикальные канелюры встречаются редко (рис. 14, *30—32*) — регионы Молдова (Будешть, Бырлад—Валя Сяке), Центральная Украина (Журавка).

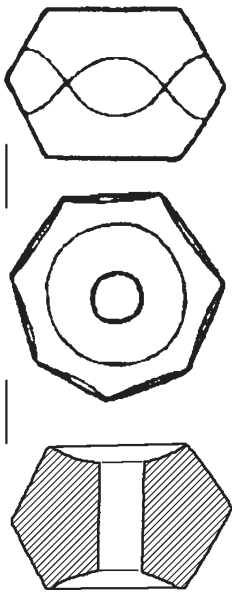
Сравнивая разные виды декоративного оформления черняховских пряслиц, следует отметить, что графические орнаменты встречаются на них реже, чем другие виды. Среди достаточно крупных коллекций они составляют большинство только на пряслах из могильника Чернелив-Русский (рис. 12, *2, 5, 7, 12, 13*), что может быть особенностью именно этого памятника. Связь вида декора с формой изделия заметна на редких конических пряслицах, украшенных радиальными орнаментами (рис. 12, *10, 11*; 13, *10—12*).

ГЛАВА 2

Происхождение и развитие черняховских прясел

Сведения о пряслах, собранные в первой главе, позволяют проследить региональные особенности их распространения и культурно-типологические связи отдельных форм, а затем перейти к определению культурно-этнических компонентов всего комплекса прясел черняховской культуры.

2.1. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРЯСЕЛ



Мы провели подсчеты прясел каждого вида, типа или варианта на памятниках, в регионах и в сумме по черняховской территории (табл. 1—4). Статистика показывает, что в черняховской культуре полностью доминирующим является вид A (биконическая форма — 80,8 %). Далее следуют малочисленные виды: B (конические прясла — 7,1 %), C (сферические прясла — 6,6 %), D (цилиндрические прясла — 3,7 %). Как уже было сказано, истинный показатель вида D с большой вероятностью здесь занижен, так как многие дисковидные прясла могли не попасть в наши подсчеты вследствие их внешнего сходства с изделиями из обточенных черепков. Редкие виды E и F насчитывают по несколько экземпляров прясел (0,7 и 1,1 %). Уникальные формы представлены одним-двумя экземплярами.

От усредненных показателей соотношений видов и типов прясел иногда значительно отличаются данные по отдельным регионам черняховской культуры. Также орнаментированные прясла в некоторых регионах встречаются реже, чем в других. Такие отклонения вряд ли можно объяснить слабой изученностью территории. Более

вероятно, что это связано с разными этнографическими традициями местного населения. Рассмотрим особенности каждого региона в отдельности.

Центральная Украина. Процентное распределение форм прясел близко к суммарным показателям черняховской культуры. Некоторые редкие формы встречаются только здесь: вариант A121b (Обухов 1 и 1а, Хлопков), типы A212 (Легедзино, Великая Снетинка) и B221 (Барбара — 2 экз.). К особенностям региона можно отнести также ареал распространения прясел варианта A111b: из десяти пунктов их находок пять расположены вдоль левого берега Среднего Днепра. Кроме того, в регионе часто встречаются прясла, украшенные косыми каннелюрами.

Северо-Западная Украина. Распределение форм прясел близко к суммарным показателям, но показатель вида F («луковичная» форма — 4,7 %) является более высоким за счет индивидуальных особенностей могильника Чернелив-Русский.

Верхний Днестр. Распределение форм прясел резко выделяет этот регион на фоне черняховской культуры, даже учитывая небольшое количество собранных образцов. Здесь наблюдаются самые низкие показатели вида A (биконические прясла — 34,3 %). При этом внутри вида A, в сравнении с другими регионами, подгруппа A11 (биконические прясла с вогнутыми площадками) представлена наиболее низким суммарным значением — 33,3 %, а подгруппа A13 (биконические без площадок) — наиболее высоким — 41,7 %. Малочисленный для культуры в целом вид B (конические прясла) выступает в регионе как основной — 51,4 %. Другой малочисленный вид C (сферические прясла) также показывает здесь самые высокие значения (14,3 %), однако типы C11 и C21 (округлые с углубленными площадками), обычные для остальных регионов [13], здесь отсутствуют. Кроме того, в отличие от прочих регионов, здесь практически нет прясел с декоративным оформлением.

Средний Днестр. Распределение форм прясел близко к среднему, но по некоторым цифрам можно предположить влияние региона Верхний Днестр: понижен показатель вида A (биконические прясла — 73,5 %) и повышен показатель вида B (конические прясла — 14,7 %) за счет особенностей поселений Добринивци и Теремци.

Восточная Украина. Распределение форм прясел близко к среднему, но несколько выше показатель вида C (8,9 %). Региональная особенность наблюдается также в декоративном оформлении: здесь чаще встречаются находки прясел со сложными фасетками.

Причерноморье. Распределение форм прясел близко к среднему, но внутри вида A показатель варианта A121a является самым высоким (36,4 %) за счет могильника Беленькое. Отличием, которое не отразилось на наших расчетах, является большое количество прясел из амфорных черепков.

Молдова. Распределение форм прясел близко к среднему. В Молдове больше, чем в других регионах, найдено изделий, украшенных штампованным точечным орнаментом и прясел с простыми фасетками.

13 Вторым исключением из общего правила является регион Мунтения, где этот вид представлен всего двумя экземплярами.

Мунтения. Показатели близки к среднему. Процент прясел вида В высок (20,5 %) в основном из-за могильника Дрэгенешть-Олт, где все четыре обнаруженные прясла — конические. Внутри вида А несколько увеличен суммарный показатель подгруппы А13 (12,2 %).

В соседнем регионе Трансильвания обнаружены прясла, обычные для черняховской культуры, но, как было сказано, доступный нам материал недостаточен для типологических обобщений.

Различия типологических спектров пряслиц наблюдаются не только на уровне разных регионов и памятников. В трех случаях мы имели возможность сравнить данные по исследованным комплексно поселениям и могильникам — Войтенки, Будешть и Бырлад—Валя Сяке. Результат оказался одинаковым: при общем, обычном для черняховских памятников, доминировании прясел вида А, малочисленные виды В, С и D встречаются гораздо чаще на поселениях, чем на могильниках (табл. 1).

На многих памятниках такие различия выявить трудно из-за недостатка материала. Однако, полагаю, это является общей закономерностью для черняховской культуры и, возможно, для более широкого культурного круга. Объяснить такой феномен не сложно, исходя из обычаев той эпохи и нормальной человеческой психологии. Так же, как в погребальном инвентаре предпочтение отдавалось гончарной посуде (а не грубой лепной), умершую в загробный мир чаще сопровождало веретено с пряслицем ремесленного производства обычной стандартной формы (а не более грубое домашнее изделие).

2.2. КУЛЬТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ФОРМ ПРЯСЕЛ

Рассмотрим связи форм черняховских пряслиц с формами других культур согласно нашей типологической схеме.

Вид А. Биконические прясла являются единственным массовым видом. Внутри этого вида преобладают варианты А111а (с вогнутыми площадками — 66,8 %) и А121а (с плоскими площадками — 23,0 %) (табл. 2). В вельбарской и пшеворской культурах эти формы также являются ведущими, однако их пропорциональное соотношение значительно различается (табл. 6). В «вельбарке» количество учтенных пряслиц этих подгрупп на могильниках сильно колеблется; на некоторых самых восточных некрополях (Брест-Тришин, Грудек, Цецеле) значительно доминирует форма А121а. Однако в среднем численность обеих групп практически равна (соотношение 1:1). В «пшеворске» значительно преобладает форма А111а (соотношение 6,4 : 1). В «черняхове» эта форма преобладает почти в два раза меньше (соотношение 2,9 : 1). Приведенные цифровые показатели позволяют предположить, что названные варианты биконических прясел появились в черняховской культуре вместе с вельбарским населением при заметном участии пшеворского компонента.

Черняховские прясла вариантов А111а и А121а по их относительной высоте (соотношение высота-диаметр) имеют широкий спектр форм от низких (1 : 4) до высоких (1 : 1) при полном преобладании экземпляров средней высоты (около 1 : 2). Приблизительно так же распределяются

по высоте прясла этих вариантов и в вельбарской культуре. Однако среди пшеворских прясел (по крайней мере, в просмотренных нами публикациях) высокие экземпляры отсутствуют.

Прясла варианта A111b также имеют аналогии в вельбарской и пшеворской культурах. А поскольку вельбарские находки происходят с относительно поздних памятников Волыни (Дитиничи, Хринники), наиболее вероятно исконно пшеворское происхождение этой формы.

Типы A112 и A122 имеют общий характерный признак — вогнутые боковые поверхности, но различаются формой площадок. Обе формы характерны для вельбарской культуры, где являются, вероятно, наследием предшествующей оксывской культуры (например — Прущ Гданьский [Petrzak 1997, Taf. XCIV/270, *2, 3*]). Они редко встречаются на пшеворских памятниках, откуда форма A112 могла попасть в липицкую культуру (известен один экземпляр [Смирнова 1964, рис. 4, *12*]). Прясла с вогнутыми боковыми поверхностями известны также в киевской культуре [Терпиловский 2004, рис. 45, *4*; 51, *7*; 56, *12*; 57, *1*], но они имеют важное отличие — гораздо более широкий канал, что вообще свойственно для пряслиц этой культуры (см. ниже).

Прясла варианта A121b с большим диаметром канала (9—14 мм) являются единственной формой, бесспорно происходящей из киевской культуры. Позже, в период раннего средневековья подобные прясла распространяются на памятниках ряда культур лесной зоны Восточной Европы (колочинская, тушемлинско-банцеровская, мощинская, культура псковских длинных курганов) [Шарова 2004, рис. 2], которые относят к восточнобалтийскому кругу. Широкий канал в прясле подразумевает большой диаметр деревянного веретена или его нижней части. Этот признак исключительно редко встречается среди других черняховских типов. Например, экземпляр типа A131 из Молдовы с диаметром отверстия 12 мм (рис. 3, *2*).

Подгруппа A13 включает типы A131 и A132. Оба типа имеют одинаковый ареал на черняховской территории. Их появление связано частично с вельбарским наследием, частично также (судя по концентрации находок в бассейнах Днестра, Прута и Нижнего Дуная) с карпофракийскими традициями или непосредственно, или через зубрицкую культуру. Форма A131 изредка встречается также у сармат.

Среди прясел группы A2 с вертикально срезанным ребром, судя по аналогиям, один тип (A211) происходит из пшеворской культуры, два типа (A212 и A22) — из вельбарской.

Вид B. Конические прясла, несмотря на их малочисленность в черняховской культуре (7,1 %), имеют более разнообразное происхождение, чем рассмотренные выше биконические прясла. Они известны в разных регионах, но чаще встречаются на памятниках Западной Украины. Из учтенных нами 65 конических прясел 28 экземпляров (43 %) найдены в регионах Верхний и Средний Днестр (табл. 1).

Некоторые формы конических прясел в разных культурах практически совпадают, поэтому они могли появиться у черняховского населения из разных источников. Многие формы черняховских конических прясел находят аналогии в зубрицкой культуре, чаще всего параллельно с пшеворской культу-

рой[14] (формы B112a, B113a, B212, B213), и лишь иногда параллельно с сарматской (B211). Большинство этих форм есть также в группе памятников «горизонта Боромля» (B113a, B113b, B212, B213). Для вельбарской культуры конические формы в целом не характерны.

Конический тип B112b, частично B121a и B122a имеют фракийское происхождение. Однако форма B121a известна также у сарматов румынской Молдовы, а форма B122a — у сарматов Дона. Поэтому для культурно-этнического определения конкретных находок «альтернативных» форм B121a и B122a имеет значение их географическое расположение. Для регионов Верхний и Средний Днестр (Демъянив, Теремци, Сокол-Острова) наиболее вероятно их фракийское происхождение. В зоне распространения сарматских признаков на черняховских могильниках эти формы не имеют однозначного культурно-этнического определения — в регионах Мунтения (Тыргшор, Дрэгенешть-Олт, Изворул) и Северо-Западная Украина (Чернелив-Русский). В Восточной Украине (Войтенки, Билопилля, Хохлово), где фракийское влияние сомнительно, но близка граница степи, они наиболее вероятно связаны с присутствием сарматского элемента.

Так же дифференцированно следует подходить к проблеме происхождения форм B111a и B211. Большинство прясел типа B111a (из Западной Украины) связаны с пшеворской и зубрицкой традициями, но экземпляры из памятников Молдовы и Мунтении (Бырлад—Валя Сяке, Дрэгенешть-Олт) могут иметь сарматские истоки. Тем более, что сарматские аналогии найдены недалеко от устья Дуная, в Буджакской степи (Болградский р-н Одесской обл.). Тип B211 также имеет аналогии в зубрицкой и сарматской культурах. Один из известных нам экземпляров из региона Верхний Днестр (Черепин), следует связывать с местным зубрицким наследием, но остальные два, найденные на юге Молдовы (Балцата) и в Причерноморье (Беленькое, подбойная могила), скорее изготовлены «черняховскими» сарматами. Более определенно с сарматами связано происхождение прясел конических типов B111b (Тыргшор, Бэлтень и Будешть в Мунтении и Молдове), B121b (Войтенки в Восточной Украине), B122b (те же Войтенки, Беленькое в Причерноморье, Петрикивци в Северо-Западной Украине).

Вид C (округлая форма) в небольших количествах известен у разных древних народов. Типы C11 (сферическая форма с углубленными площадками) и C22 (сплюснуто-сферическая форма с плоскими площадками) одинаково редки в черняховской, вельбарской и пшеворской культурах. Тип C21 (сплюснуто-сферическая форма с углубленными площадками), из этого вида наиболее распространенный в черняховских древностях, чаще встречается и в вельбарской культуре. Почти все прясла типа C12 (шаровидные без площадок) найдены в юго-западных регионах черняховской культуры (Верхний и Средний Днестр, Молдова, Мунтения). В предыдущий период это была зона расселения фракийских народов, с которыми можно связывать происхождение этого типа.

14 Пшеворские аналогии происходят из комплексов, датированных хронологическими ступенями B2 и B2/C1 (около 70—200 гг.), кроме аналогии к типу B222 из комплекса ступени C1a (около 170—220 гг.) по К. Годловскому [Godłowski 1970].

Вид D (цилиндрическая форма). Прясла этого малочисленного вида вероятнее всего связать с вельбарской культурой. Пшеворские аналогии отличаются от черняховских экземпляров тем, что имеют воронкообразные расширения в устьях центрального канала.

Виды E и **F.** Эти редкие виды своим происхождением связаны с пшеворской культурой, хотя тип F1, скорее всего, для нее является заимствованным. Упрощенные формы этого типа могли попасть в черняховскую среду также из вельбарской и зубрицкой культур.

2.3. КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЧЕРНЯХОВСКОГО КОМПЛЕКСА ПРЯСЕЛ

Формирование типологического спектра черняховских прясел было обусловлено традициями культурно-этнической основы населения, а также влиянием традиций больших или меньших групп людей, влившихся в местное общество из инокультурного окружения. Рассмотрим наиболее вероятные источники форм прясел черняховской культуры. Для наглядности мы составили таблицу, где черняховские формы прясел сгруппированы по культурно-этническим типам, к которым они полностью или частично относятся (рис. 16).

В настоящее время практически все исследователи черняховских древностей не сомневаются в полиэтническом составе населения этой культуры, хотя существенно расходятся в степени участия в ней разных культурно-этнических компонентов. Эти компоненты делят на «пришлый» («северо-западный»), к которому относят германские культуры, и «местный» (автохтонный), подразумевая культуры ранних славян, фракийцев, сармат и поздних скифов.

По комплексу археологических признаков наиболее близкими к черняховской культуре являются восточногерманские культуры — вельбарская и, в меньшей степени, пшеворская. Вельбарские древности раннеримского времени (любовидзкая фаза культуры) современные исследователи относят к народу готов. В начале позднеримского времени этот народ разделился. Большая его часть переселилась на юго-восток и создала основу черняховской культуры, а за населением, оставшимся на прежних местах обитания, закрепилось название «гепиды» (цецельская фаза вельбарской культуры) [Магомедов 2001a]. Пшеворскую культуру связывают с народом вандалов [Магомедов 2001b, с. 118—119]. Некоторые общие черты, которые имеются у нее с вельбарской культурой, объясняются не только близким соседством, но и частичным смешением населения. В своем продвижения на юг из «исходной области» в южной Прибалтике в «первую область экспансии» [Бірбрауер 1995, с. 36—37] вельбарское население (готы) заняло часть пшеворской территории и во многих случаях использовало старые могильники для своих захоронений. Происходит определенное смешение носителей обеих культур — готов и оставшихся на месте вандалов. Вероятно, в отношении побежденных это относится в основном к женщинам, так как они в подобных случаях часто входят в семьи захватчиков, а судьба мужчин складывается по-разному. После пересе-

ления во «вторую область экспансии» (территория черняховской культуры), в ходе Готских войн с Империей во второй трети III в., к готам присоединялись новые группы вандалов, следствием чего являются редкие погребения-кремации пшеворского типа с оружием на отдельных черняховских могильниках.

В вельбарской и пшеворской культурах большинство составляют биконические прясла, гораздо реже встречаются коническая, шарообразная и цилиндрическая формы. У других германских племен римского времени в этом отношении сложились иные традиции. Так, в некоторых культурах Центральной Европы большинство составляют конические формы прясел (в литературе аналоги нашей группы B2 называют также «биконические несимметричные прясла»). Это любошицкая культура в северо-западной Польше и северо-восточной Германии (вероятно, бургунды) [Domański 1979, s. 62, rys. 3; 7; 9; 10; 16; 18; 21; Die Germanen … 1983, Abb. 29; 71; 153; 155], а также культура племени квадов на территории современных Чехии и Словакии, в некрополях которых конические формы прясел составляют не менее 70 % [Chytrá 2011, s. 392].

Черняховский спектр форм прясел очень близок к спектру вельбарской и пшеворской культур (табл. 5). Во всех трех культурах биконическая форма (вид A) полностью преобладает, составляя от 80,8 до 83,8 % всех прясел. Присутствуют, причем в достаточно близкой пропорции, малочисленные и редкие виды (B, C, D, E, F). Однако для многих черняховских форм можно проследить прототипы в одной или другой из названных культур раздельно.

Большинство черняховских биконических форм имеет полностью или частично **вельбарское** происхождение: полностью — A112, A122, A212, A22; почти полностью — A121a; частично — A111a, A111b, A131, A132. Конические формы в этой культуре представлены единично, в основном в восточном регионе (Хринники, Грудек, Цецеле) и в некоторых случаях имеют явно пшеворское происхождение (аналогии к формам B112a и 212). Интересно, что для типа B113b, характерного для черняховской группы Черепин—Теремци, найдена аналогия на могильнике Грудек в масломенчской группе вельбарской культуры [15]. Предположение о возможном перемещении женщин из первой культурной группы во вторую уже было сделано на материалах антропологии [Магомедов, Рудич 2008, с. 256—257]. Вельбарское происхождение имеют, вероятнее всего, из прясел вида C (округлые) тип C21 — преимущественно и типы C11 и C22 — частично, а также большинство прясел вида D (цилиндрическая форма). Из уникальных форм с вельбарской культурой связаны формы 3, 4, 6 и частично — форма 2.

Пшеворское происхождение имеют некоторые биконические формы прясел: полностью пшеворское — A211; частично — A111a, A111b; в малой степени — A121a. С пшеворской культурой частично связано происхождение многих черняховских конических типов. Из них формы B111a, B112a, B113a, B212 и B213 встречаются также в зубрицкой культуре, а некоторые и в памятниках «горизонта Боромля». Следует признать, что

15 Это прясло (погр. 61, хронологическая ступень C2) проф. А. Коковски отнес к «сарматскому» типу [Kokowski 1995, s. 16], что, как видим, не совпадает с нашими наблюдениями.

эти формы попали в черняховскую культуру в значительной степени не прямым путем, а через посредство зубрицкой культуры и встречаются, как правило, в небольшой области памятников типа Черепин—Теремци на Верхнем и Среднем Днестре (см. ниже). Однако с прямыми потомками пшеворского населения можно связать находки из памятников, не имевших заметного зубрицкого влияния. Таким образом, к пшеворским формам можно отнести находки из Северо-Западной и Центральной Украины: Чернелив-Русский (B111a, B112a), Малополовецкое и Легедзино (B112a), Привольное и Рыжевка (B113a), Великая Бугаевка (B213); из Мунтении: Тыргшор (B212); возможно, также из некоторых памятников Среднего Днестра: Одая (B113a), Иванковцы (B112a) и Оселивка (B111a, B113a). На последнем памятнике, кстати говоря, отмечено погребение, совершенное по характерному пшеворскому обряду — кремация с оружием [Никитина 1988, с. 65]. Из округлых прясел вида C к пшеворским формам частично можно отнести типы C11 и C22. Напрямую с пшеворской культурой связан редкий черняховский вид E. Видимо, не является случайным совпадением находка прясла этого вида на могильнике Компанийцы, где имеется пшеворский признак — две кремации с оружием [Обломский 1999, с. 79; Некрасова 2006, рис. 71; 81, *1—3*; Магомедов 2001b, с. 34, 118—119]. Наиболее вероятно пшеворское происхождение также и обоих типов редкого вида F, а из уникальных форм — формы 5 и частично формы 2.

Из двух рассмотренных германских культур более весомый вклад в черняховский типологический спектр прясел принадлежит вельбарской культуре, хотя в цифрах это выразить трудно. Таким образом, подавляющее большинство черняховских форм прясел, в том числе и массовые формы, появилось на территории этой культуры вместе с ее основными населением — носителями вельбарской культуры, включавшими пшеворский этнический элемент. Вероятно, этот элемент первоначально был представлен в основном женщинами (о возможных причинах было сказано выше). Этим можно объяснить то, что пшеворские традиции в черняховской среде ярче всего проявляются в категориях женской субкультуры. Это не только формы прясел, но и лепная посуда для домашнего употребления, которая, по этнографическим данным, изготовлялась женщинами. А.С. Милашевский выделил в черняховской лепной керамике формы вельбарского и пшеворского происхождения, в том числе среди наиболее массовых и характерных лепных форм — горшков-«кумпфов» (с наклонным внутрь венчиком). При господстве вельбарских типов горшков (до 80 %) пшеворские типы составляют около 20 % [Милашевський 2015, додаток B]. С пшеворской культурой связано происхождение и такого знакового для черняховской культуры вида сосудов, как трехручные вазы [Магомедов 1997]. Находят их, как правило, в женских погребениях [Авраменко 2012]. По нашим наблюдениям, на пшеворских могильниках вазы также преобладают в женских могилах, хотя и не так очевидно. Многие исследователи, принимая во внимание сложные системы изображений, обычные для этих сосудов, считают их культовыми. Можно предположить, что трехручные вазы являлись предметом изначально пшеворской (вандальской) женской субкультуры, принадлежностью исполнительниц обрядов, связанных с

домашними культами. Вандальские женщины привнесли этот культ вместе с его атрибутом в готские общины, где он благополучно укоренился.

Зубрицкую культуру (вторая половина I — середина III вв.) представляли, вероятно, славяне-венеды. Она сложилась в результате слияния восточной ветви пшеворских древностей и зарубинецкой культуры при участии липицкой культуры, а позже преобразовалась в верхнеднестровскую группу черняховских памятников [Козак 2008, с. 18—19, 30—39] (последняя — по нашей терминологии «группа Черепин—Теремци»). На зубрицких памятниках первую из ведущих форм прясел составляет биконическая, ей немногим уступает коническая форма, также использовались округлые и цилиндрические прясла [Козак 1992, с. 62]. Большинство форм имеет аналогии в пшеворской культуре. По мнению Д.Н. Козака, зубрицкие конические прясла появились под воздействием липицкой культуры [2008, с. 185], что не совсем совпадает с нашими наблюдениями.

Несколько конических форм из нашей типологической схемы черняховских прясел имеют аналогии в зубрицкой культуре, чаще всего параллельно с пшеворской культурой (формы B112a, B113a, B212, B213), иногда параллельно с пшеворской и сарматской (B111a), с сарматской (B211) и в одном случае только в зубрицкой (B113b). Прясла этих типов характерны для черняховских поселений группы Черепин—Теремци на Верхнем и Среднем Днестре (Рипнив, Гряда, Черепин, Демъянив, Бовшив, Чорнивка, Добринивци, Теремци, Куропатники). Сходство верхнеднестровских и сарматских прясел является случайным, но общие формы с пшеворской культурой хорошо объясняется происхождением группы памятников Черепин—Теремци, в которой через посредство зубрицкой культуры сохранялись пшеворские традиции. В группе Черепин—Теремци представлены также типы, характерные для фракийских культур, которые были унаследованы от местной липицкой культуры. От местных зубрицкой и липицкой культур группа Черепин—Теремци получила и биконические формы A111a, A121a, A131, A132, свойственные также для пришлого германского населения.

Накануне распространения в Восточной Украине черняховской культуры в этом регионе существовала немногочисленная группа памятников «**горизонта Боромля**» (середина III — первая четверть IV вв.) Ее появление объясняют переселением под давлением готов части верхнеднестровского населения, которое принесло некоторые характерные типы лепной посуды, фибул и углубленных жилищ [Некрасова 1990a; 1990b; Любичев 2010]. Это население наиболее реально связывать с поздней фазой зубрицкой культуры. С этим согласуется наличие или даже преобладание (Родной Край 3) на некоторых поселениях группы «горизонта Боромля» зубрицких форм конических прясел (B113a, B113b, B212, B213) [16]. Имеются также прясла биконической формы A111a, характерной как для зубрицких древностей, так и для вельбарско-пшеворских.

16 Вывод о сходстве форм прясел (в числе других материалов) на памятниках Верхнего Днестра и Восточной Украины как следствии миграции населения впервые был опубликован А.Н. Некрасовой [1990a, с. 62], хотя такое сходство отмечали и другие авторы [Кропоткін, Обломський 1991, с. 88].

Конические прясла подобных (зубрицких) форм известны также северо-восточнее черняховского ареала, в лесостепной области верхнего течения Дона, в небольшой группе памятников типа Каширка—Седелки. Она синхронна с памятниками «горизонта Боромля» (вторая треть III — начало IV вв. или несколько позже) и по мнению ее исследователя оставлена смешанным населением «киевского» и позднескифского нижнеднепровского происхождения [Обломский 2007, с. 75, 87]. Более половины найденных здесь прясел относятся к коническим формам B113b и B213, остальные в основном к форме A111a [Обломский 2007, с. 86; рис. 15, *5, 6*; 44, *1—7*], типичных «киевских» пряслиц здесь нет. Это позволяет предположить, что волна переселенцев с Верхнего Днестра достигла не только Восточной Украины, но и Верхнего Дона и приняла здесь участие в формировании местного населения.

Возникает вопрос о возможном включении представителей «горизонта Боромля» в черняховские общины. Однако формы прясел, совпадающие в этих культурных образованиях (типы B113a, B113b, B212, B213 и, возможно, производные от них B221 и B222), в Восточной Украине известны пока лишь на одном черняховском памятнике (Войтенки — типы B113a и B222). Остальные экземпляры (кроме «зубрицких» регионов Верхний и Средний Днестр) найдены далеко от ареала группы «горизонта Боромля»: в Центральной Украине (Барбара, Великая Снитинка, Великая Бугаевка, Привольное, Рыжавка — типы B113a, B113b, B213, B221), в Молдове и Мунтении (Данчены, Тыргшор — типы B113a и B212). По моему мнению, появление «зубрицких» типов на черняховских памятниках не связано с «горизонтом Боромля», а их происхождение можно объяснить, скорее, прямым влиянием пшеворских или (что менее вероятно) верхнеднестровских традиций.

На территории Румынии черняховским древностям предшествовали две основные **гето-фракийские** археологические культуры: в Мунтении — «культура свободных даков» (культура Милитарь-Килия, II—IV вв.) и в Молдове — «карпская культура» (культура Поенешть-Вертешкей, II—III вв.). В обеих преобладает коническая форма прясел, имеются формы биконическая, цилиндрическая и сферическая [Bichir 1973, p. 48; 1984, p. 28].

Липицкую культуру обычно также причисляют к фракийскому кругу, но в ней присутствует также и пшеворский компонент. Ее памятники известны на Верхнем и Среднем Днестре, их датируют I — серединой III вв. (Д.Н. Козак ограничивал верхнюю дату культуры началом III в. [2008, с. 180]). Немногочисленные опубликованные материалы показывают, что на этих памятниках преобладают биконические и округлые формы прясел, также распространены конические и цилиндрические формы [Цигилик 1975, с. 112—115].

Фракийские аналогии к черняховским типам прясел происходят в основном из дакийской культуры и в одном случае — из липицкой (Майдан-Гологирский) [17]. С населением фракийского происхождения мы связываем конические формы B112b, час-

17 Поселение Майдан-Гологирский [Цигилик 1975, с. 60—62] Д.Н. Козак отнес к зубрицкой культуре [Козак 2008, с. 31, 56, рис. 2, 38]. Этому соответствует находка прясла — аналога пшеворско-зубрицкой формы B113a (рис. 6, *35*).

тично B121a и B122a. Большинство таких прясел найдено в местах постоянного обитания или проникновения карпских и дакийских племен. В регионах Верхний и Средний Днестр они известны в черняховской группе памятников Черепин—Теремци (Рипнив, Черепин, Демъянив — 3 экз., Теремци — 2 экз., Сокол-Острова). Изредка они встречаются в Северо-Западной Украине (Чернелив-Русский), в румынской Молдове (Бырлад—Валя Сяке), и значительно чаще в Мунтении (Тыргшор — 2 экз., Изворул, Дрэгенешть-Олт — 3 экз.). Этот список увеличивается за счет условно фракийских типов A131 и A132. Эти биконические типы имеют параллели в вельбарской и зубрицкой культурах, но их частые находки в этих же регионах позволяют предполагать также их частично местное происхождение. Аналогии для них (довольно редкие) есть во фракийских культурах — карпской и липицкой. Такое же происхождение возможно допустить и для типа C12 (шаровидные прясла без площадок) — по находкам в юго-западных регионах Верхний и Средний Днестр, Молдова, Мунтения.

Культура карпатских курганов существовала одновременно с черняховской культурой и граничила с ее регионами Молдова, Верхний и Средний Днестр. Происхождение и этническая принадлежность населения этой культуры дискуссионны, но достаточно обоснованным представляется мнение, что ее носителем был германский народ тайфалов [Вакуленко 2010, с. 260]. В публикациях представлено не много пряслиц. Все они имеют аналогии в черняховской, пшеворской и вельбарской культурах, но в иной пропорции. Преобладают формы A121a и D, редко встречаются A111a и E [Вакуленко 1977, с. 30—31, рис. 19, табл. X, *7, 8, 12*]. Вследствие тождественности форм карпатские типы прясел на черняховских памятниках выделить невозможно.

В Среднем Поднепровье и Восточной Украине черняховское население занимало территорию вытесненной им **киевской культуры** (III — середина V вв.), население которой считается раннеславянским. Для этой культуры массовой формой пряслиц и ее важным этнокультурным показателем являются биконические изделия с широким каналом, наиболее близкие нашему варианту A121b. Подобные формы в позднеримское и раннесредневековое время были характерны и для некоторых культур лесной полосы Восточной Европы (мощинская, тушемлинско-банцеровская, псковских длинных курганов) [Шарова 2004], которые полностью или частично связывают с восточными балтами. Среди древностей киевской культуры встречаются также прясла, выточенные из черепков сосудов и округлые. На памятниках восточного региона известны прясла черняховской формы A111a [Обломский 1991, с. 104; Терпиловский, Абашина 1992, с. 63—64]. Они могут быть следами контактов с населением группы памятников «горизонта Боромля» или черняховской культуры. Два экземпляра конических прясел из Букреевки 2 и Приоскольского 1 [Сымонович 1990, рис. 7, *14*; Обломский 1991, рис. 16, *10*] наиболее близки к сарматским формам. Редкие находки прясел «киевской» формы A121b на черняховских памятниках Среднего Поднепровья (Хлопков — 2 экз., могильник и поселение Обухов 1 и 1a — 2 экз.) говорят о включении в местные общины представительниц населения киевской культуры.

С праславянами связывают также более раннее население западных регионов Центральной Украины, в частности, **памятников типа Рахны** (или типа Марьяновки) в бассейне Южного Буга («позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт», вторая половина I — II вв.). Однако, прямых контактов с черняховским населением они не имели, к тому же большинство прясел из этих памятников было изготовлено из обточенных черепков посуды [Позднезарубинецкие … 2010, с. 25].

Сарматы, кочевавшие в степях от Нижнего Дуная до Приазовья, использовали в основном конические прясла. Реже встречаются биконические формы без торцевых площадок, близкие нашему типу А131, но обычно верхняя и нижняя часть у них не симметричны (см. черняховскую уникальную форму 7). Сарматским вкладом в черняховскую культуру являются редкие конические формы В111b, В121b, В122b, упомянутая уникальная форма 7, частично — формы В111а, В122а и В211, возможно такжеВ121а. Находки этих прясел происходят в основном из междуречья Днестра—Дуная и из Восточной Украины — областей, где черняховско-сарматские контакты не вызывают сомнения.

На большинстве черняховских памятников сарматские типы прясел не выявлены, хотя на могильниках признаки погребального обряда этого народа встречаются не так уж редко, особенно в Северном Причерноморье [Магомедов 2001b, с. 120—124]. Для объяснения этого факта можно предположить, что в черняховские общины в большинстве случаев включались только сарматские мужчины (вероятно, воины). Они могли принести с собой традиции, связанные с мужской субкультурой: с погребальным обрядом, костюмом, вооружением, но никак не с женским занятием — прядением.

Может быть, в этом же состоит отчасти причина того, что нам не удалось выявить прясла позднескифского населения. Позднескифский компонент выделен в черняховской культуре на антропологических материалах. Его представители составляли основу смешанного населения черняховских памятников причерноморского типа, для которого характерно каменное домостроительство, свои особенности в погребальном обряде и лепной керамике [Магомедов 1987а; 2001b, с. 151]. Прясла родственного позднескифского населения Крыма и более ранних городищ Нижнего Днепра во многом сходны с сарматскими формами, однако на черняховских памятниках Северного Причерноморья найдены, за небольшим исключением, прясла вельбарско-пшеворских типов.

Один уникальный вид прясел, отображающий миниатюрные модели горшков (уникальная форма 6), имеет аналогии в **культуре западных балтов** (рис. 11, *7, 8*). Такие прясла найдены в Среднем Поднепровье и в Восточной Украине (Журавка и Войтенки). Черняховско-балтские связи археологически прослеживаются очень слабо. Например, среди лепной керамики из поселения Лепесовка небольшое количество (0,5 %) М.Б. Щукин определил как западнобалтскую [Щукин 1989, с. 208]. Зато такие связи достаточно рельефно выступают в материалах антропологии [Магомедов, Рудич 2008, с. 252—253]. Мужские и женские серии черепов из черняховских могильников Среднего Поднепровья и Восточной Украины проявляют значительное сходство не только с собственно балтскими группами I—

V вв. н. э. на территории Польши и Литвы, но и с сериями вельбарской культуры Мазовии-Подляшья, которые сформировались на балтской основе. Как известно, с момента возникновения вельбарской культуры ее носители-готы уже не были генетически единым народом. С переселенцами из Скандинавии смешивалось население автохтонных германских и негерманских племен. Очень вероятно, что потомки вельбарских мигрантов балтского происхождения, став носителями черняховской культуры, сохранили в консервативной женской субкультуре остатки балтских традиций. И все-таки, несмотря на балтские корни и редкость «горшковидных» прясел в вельбарских древностях, больше оснований считать их вельбарским вкладом в черняховскую культуру.

На основании собранных статистических данных (табл. 1—4) можно попытаться выразить в цифрах удельный вес разных культурно-этнических элементов в общем массиве черняховских прясел. При этом мы не учитываем виды прясел C (округлые) и D (цилиндрические), как малоинформативные в культурно-этническом отношении. Прясла, относящиеся к формам альтернативного происхождения, мы относим к тому или иному культурно-этническому типу с учетом места их находки (как и выше в этом же разделе). Вельбарские и пшеворские типы берем суммарно из-за невозможности конкретно идентифицировать происхождение массовых форм A111a и A121a. При всей приблизительности исходных данных это позволяет составить достаточно объективное представление о происхождении черняховских прясел. Результаты подсчетов округленно выглядят так:

вельбарские и пшеворские типы	91,0 %,
зубрицкие типы	3,0 %,
киевский тип	0,2 %,
фракийские типы	3,0 %,
сарматские типы	3,0 %.

Как видим, прясла вельбарских и пшеворских типов полностью доминируют, единственный тип киевской культуры представлен совсем слабо, а типы прясел остальных культурно-этнических составляющих черняховского населения представлены примерно в равных небольших долях.

Наглядное, хотя также достаточно условное, представление о распределении культурно-этнических типов прясел на черняховской территории дает карта (рис. 18). На ней показаны только «местные» типы (зубрицкие, киевский, фракийские, сарматские). Мы не поместили на карте типы «пришлого» компонента черняховской культуры (вельбарские и пшеворские), так как прясла этих типов имеются практически на каждом исследованном черняховском памятнике. Они составляют преимущественное большинство во всех регионах, кроме Верхнего Днестра. Зубрицкие формы сосредоточены в области распространения памятников типа Черепин—Теремци в регионах Верхний и Средний Днестр. В этих же регионах, а также в Молдове и Мунтении отмечены находки прясел фракийских форм. Сарматские типы довольно редко рассредоточены в основном в юго-западных и восточных областях черняховского ареала. Находки прясел киевского типа зафиксированы только в двух пунктах Среднего Поднепровья. В целом, по результатам картографирования культурно-этнических типов прясел можно заключить, что наиболее смешанное население обитало в западных и юго-западных регионах черняховского ареала.

* * *

Происхождение способов декоративного оформления черняховских прясел представляется менее сложным, чем происхождение их форм, в силу того, что у большинства древних народов такому оформлению не придавалось большого значения. Обратимся к аналогиям из более ранних и синхронных культур. Большинство таких аналогий имеется в вельбарской и, в меньшей степени, в пшеворской культурах.

Простые графические композиции из вертикальных линий встречаются в обеих этих культурах, но «сетка» нам известна только на вельбарских пряслах (рис. 15, *2*). Сложный графический мотив «зигзаг—звезда» известен в этих культурах начиная со ступени B2/C1 (вторая половина II в. — вельбарский могильник Брест-Тришин и пшеворский Опатув) (рис. 15, *4—8, 16—18*). Предполагаю, что этот мотив первоначально появился на вельбарских пряслах (мотив зигзага очень характерен для вельбарской керамики), затем перешел в пшеворскую культуру, а из последней, как редкий случай, попал в зубрицкую (рис. 15, *20*). Черняховские прясла с этим мотивом являются прежде всего вельбарским наследием. Готская надпись на пряслице из Лецкань (рис. 12, *18*) однозначно свидетельствует об этнической принадлежности ее создателя.

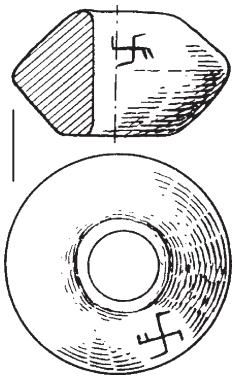
Относительно прясла с изображением свастики (рис. 12, *17*) мы высказали сомнение в его черняховском происхождении, поскольку ближайшие аналогии, сочетающие форму и изображение, происходят из раннесредневековой пеньковской культуры (см. раздел 1.2). Тем не менее, обнаружение бесспорно черняховских прясел с рисунком свастики вполне возможно, учитывая находку из пшеворского могильника Опатув (рис. 15, *16*). Кроме того, этот знак часто встречается в орнаментации вельбарских и пшеворских сосудов [Щукин 1989, рис. 3, *4*; Wolągiewicz 1993, tabl. 39—43; Dąbrowska 1996, rys. 1a, 2d, 4, 5a].

Простые виды штампованного орнамента также встречаются на вельбарских и иногда на пшеворских пряслах второй половины II — второй трети III вв. (рис. 15, *9—11, 19*). Как технология нанесения, так и орнаменты вполне сопоставимы с черняховскими изделиями. Пластичный декор, аналогичный черняховскому, встречается на некоторых ранних вельбарских памятниках. Это вмятины или врезы по боковому ребру прясла (Веклице, II в. н. э. — рис. 15, *12*) и простые срезы-фасетки (Одры, не позднее середины III в. — рис. 4, *13*). Подобные фасетки, но обычно на конических пряслах, были характерны также для германских племен Восточной Германии, Чехии и Словакии [Die Germanen … 1983, s. 141, Abb. 29g; Chytrá 2011, obr. 2, *4*; 3, *5, 7, 9*]. Прясла с вертикальными каннелюрами есть в вельбарской культуре (рис. 4, *14*) [Kokowski 1993, ryc. 29b, список аналогий]. Однако другая аналогия имеет дакийское происхождение (рис. 15, *21*). Поэтому нельзя исключить, что в черняховской культуре такой способ оформления может иметь разное происхождение. Прясла с вертикальными и косыми каннелюрами, подобные черняховским, известны также на памятниках германцев-квадов в Чехии и Словакии [Chytrá 2011, obr. 3, *1, 2*].

ГЛАВА 3

Процесс сложения черняховского комплекса прясел

Исследование черняховского комплекса форм прясел показывает, что он (как и сама эта археологическая культура) складывался из пришлых и местных (автохтонных) компонентов. Подавляющее большинство типов прясел принадлежит пришлому компоненту, представленному германскими культурами. Его основой был достаточно сложный набор форм, который отражал традиции населения вельбарской культуры — народа готов. Ко времени сложения черняховской культуры (вторая треть III в.) этот набор включал заметное количество пшеворских и остатки западнобалтских элементов. Вероятно, пшеворский элемент позже усилился за счет притока новых небольших вандальских групп.



Традиции художественного оформления черняховских пряслиц также связаны в первую очередь с вельбарским наследием. Безусловно, не обошлось без влияния пшеворского декоративного стиля, но он практически неотличим от вельбарского. В новой культурной среде старые традиции претерпели некоторые прогрессивные изменения. На черняховских памятниках прясла с декором встречаются чаще, чем на вельбарских и (особенно) на пшеворских, а вместо графических изображений преобладающее положение занимают более трудоемкие штампованные и пластичные орнаменты.

Пришлый (вельбарский) компонент является общим фундаментом черняховского комплекса прясел на основной территории культуры, кроме памятников типа Черепин—Теремци в регионах Верхний и Средний Днестр. Основная территория в данном случае охватывает области «классических» черняховских памятников «типа Косанов», а также памятников «причерноморского типа» по нашей терминологии [Магомедов 2001b,

с. 151]. Типы прясел, связанные с местным дочерняховским населением, на этой территории представлены слабо, но зато обычно концентрируются в местах обитания этих народов в предшествующий период. Сарматские типы присутствуют преимущественно между низовьем Дуная и Днестром, также на востоке Украины. Большинство прясел фракийских форм найдено на памятниках Верхнего и Среднего Днестра, в Молдове и Мунтении. В отношении декоративного оформления прясел фракийское наследие можно предполагать только в одном случае — пластичный декор в виде вертикальных каннелюр (рис. 14, *31*; 15, *22*). Прясла форм, типичных для киевской культуры (восточная ветвь ранних славян) известны только на двух черняховских памятниках Среднего Поднепровья.

Формы прясел местного культурного компонента составляют подавляющее большинство только в регионе Верхний Днестр. Он занимает в черняховской культуре особое место, так как здесь расположена группа памятников типа Черепин. С этой группой типологически связаны поселения типа Теремци на Среднем Днестре, где они расположены чересполосно с памятниками типа Косанов. Обе группы объединяют в «тип памятников Черепин—Теремци», по современным представлениям оставленный славянами-венедами. По ряду археологических признаков эти памятники резко выделяются на общем фоне культуры [Магомедов 2001b, с. 151]. В отличие от разнообразных типов домостроительства на черняховских памятниках типа Косанов, здесь известны только углубленные жилища, в том числе глубокие землянки. При поселениях могильники до сих пор не обнаружены, что говорит об особой форме погребального обряда. Лепная посуда представлена в основном типами горшков, которые редко встречаются в других регионах. Главный (или даже единственный) признак, по которому верхнеднестровскую группу включают в черняховскую культуру — гончарная посуда. Но она составляет здесь лишь от одной до двух третей керамического комплекса поселений, что для остальных черняховских регионов является редким исключением и показателем среднего этапа развития рынка [Магомедов 2013]. Ассортимент гончарных изделий на поселениях Верхнего Днестра беден, а имеющиеся формы некоторые исследователи считают типологически близкими к продукции гончарных центров пшеворской культуры [Левада, Дудек 1997].

По признаку преобладающих типов прясел памятники типа Черепин—Теремци выделяются из черняховской культуры так же убедительно, как и по комплексу остальных археологических признаков, и отражают смешение зубрицких и фракийских форм при некоторой переработке последних. Это вполне согласуется с представлением о сложении верхнеднестровских древностей позднеримского времени на основе зубрицкой и (в меньшей степени) липицкой культур. Возможно, прав Д.Н. Козак, который предлагал рассматривать памятники типа Черепин—Теремци (Черепин—Рипнив) не как черняховские, а как проявление позднего этапа зубрицкой культуры [Козак 2008, с. 219].

Как уже было сказано, в середине III в. часть зубрицкого населения переселилась в Восточную Украину, в результате чего возникла группа памятников «горизонта Боромля». Однако включение этого населения в черняховское сообщество в качест-

ве местного компонента очень сомнительно, так как на появившихся здесь во второй четверти IV в. черняховских памятниках прясла зубрицких типов представлены не в большем количестве, чем в Центральной Украине, Молдове и Мунтении.

В течение двух веков существования черняховской культуры первоначальный «вельбарско-пшеворский» набор прясел изменялся не только за счет добавления некоторого количества форм местного населения, но и в процессе собственного развития. Одним из направлений этого процесса была унификация форм прясел и, как результат, постепенное сокращение количества малочисленных типов и вариантов. Это подтверждает распределение по регионам биконических форм прясел (вид А). Регионы Восточная Украина, Причерноморье и Мунтения вошли в ареал черняховской культуры позже других, в основном на ступени С3 по европейской хронологии, то есть после 330 г. [18] [Магомедов 2001b, с. 141—143]. Как видно из табл. 2, количество находок прясел малочисленных биконических форм именно в этих регионах минимально [19]. Полагаем, что тенденция к сокращению количества малочисленных форм прясел проявлялась и в остальных регионах, однако мы не располагаем достаточным датированным материалом для хронологической дифференциации прясел на ранние и поздние фазы культуры. Унификация форм черняховских прясел является отражением процесса стирания рецидивов племенной и клановой разобщенности, материальным следствием процесса укрепления единства «готского народа».

Нам известен пока лишь один пример, по-видимому, собственно черняховского формотворчества, связанного с пряслами. Это уникальная форма 1 — 14-гранное прясло в виде куба со срезанными вершинами. Зато в области оформлении прясел появилось много новых технических и художественных приемов. С широким внедрением гончарного круга прясла входят в ассортимент продукции ремесленников-гончаров. Многие черняховские пряслица изготовлены из того же глиняного теста, что и столовая посуда, и имеют такой же серый цвет и ровный горновой обжиг. В первую очередь благодаря тому, что значительная их часть изготовлена на гончарном круге, черняховские прясла в большинстве имеют более четкие формы и более аккуратное исполнение, чем их ранние прототипы.

В орнаментации появляются сюжеты и техника, заимствованные из оформления посуды — оттиски гребенки и фигурного штампа (рис. 13, *25—27*). «Гусеничный» узор, оттиснутый фибульной пружиной, на посуде встречается редко, но его было удобно применять на пряслицах из-за их миниатюрности (рис. 13, *13—24*). Простой фасеточный декор, видимо, унаследованный от вельбарских прототипов, значительно усложняется. Появляются прясла, у которых фасетками украшено только ребро (рис. 14, *17—19*), а также орнаментированные косыми каннелюрами (рис. 14, *20—29*). По нашему мнению, это прямо связано с распространени-

18 Лишь отдельные погребальные комплексы в регионах Причерноморье (Гавриловка, Каборга) и Мунтения (Тыргшор) относятся к предыдущей ступени С2.

19 Присутствие в Мунтении типов А131 и А132 является особенностью всей западной области черняховской культуры от Верхнего Днестра до Дуная (см. раздел 2.2).

ем с последней трети IV в. моды на гончарные имитации металлических и стеклянных сосудов римского производства [Магомедов 2001b, с. 53; Schultze, Strocen' 2008]. Ремесленники-гончары, изготовлявшие парадную столовую посуду, переносили те же технологические приемы (штампы, фасетки, каннелюры) на производство прясел.

Среди орнаментальных композиций на черняховских пряслах наиболее популярным и устойчивым был мотив «зигзаг—звезда». Он перешел из вельбарской культуры (рис. 15, *4—8*) в черняховскую сначала в графической технике исполнения (рис. 12, *12—15*), затем его начали изображать посредством точечного, пружинного и гребеночного штампов (рис. 13, *1, 13—16, 18, 26*). На позднем этапе черняховской культуры тот же мотив передается в пластичном исполнении, так как сложно фасетированные прясла производят зрительный эффект той же шести- или семилучевой звезды (рис. 14, *8—11*).

* * *

С исчезновением черняховской культуры (около конца первой трети V в.) в Восточной Европе пропадают практически все ее традиции. Определенное исключение составляет небольшая группа памятников типа Чертовицкого—Замятино, существовавшая в бассейне Верхнего Дона в гуннский период (конец IV — V вв.) [Обломский 2007, с. 75—92]. Поселения оставлены смешанным населением, предположительно собранным вместе для каких-то нужд гуннской державы. В этих материалах прослежены черты киевской и некоторых более северных культур, а также элементы черняховской культуры. К последним можно уверенно отнести остатки производства роговых гребней поздних вариантов типа Томас III, а также большинство из 150 найденных здесь пряслиц [Обломский 2004, рис. 44, 138, *6—10*; 2007, рис. 44]. Среди них преобладают наиболее характерные черняховские биконические формы A111a и A121a, имеется форма A131, округлые формы (группа C) и даже уникальная форма 1 (14-гранный куб со срезанными вершинами). Некоторые прясла украшены простым графическим и штампованным орнаментом, а также традиционными черняховскими видами пластичного декора — простыми фасетками, срезами по боковому ребру, косыми и вертикальными каннелюрами.

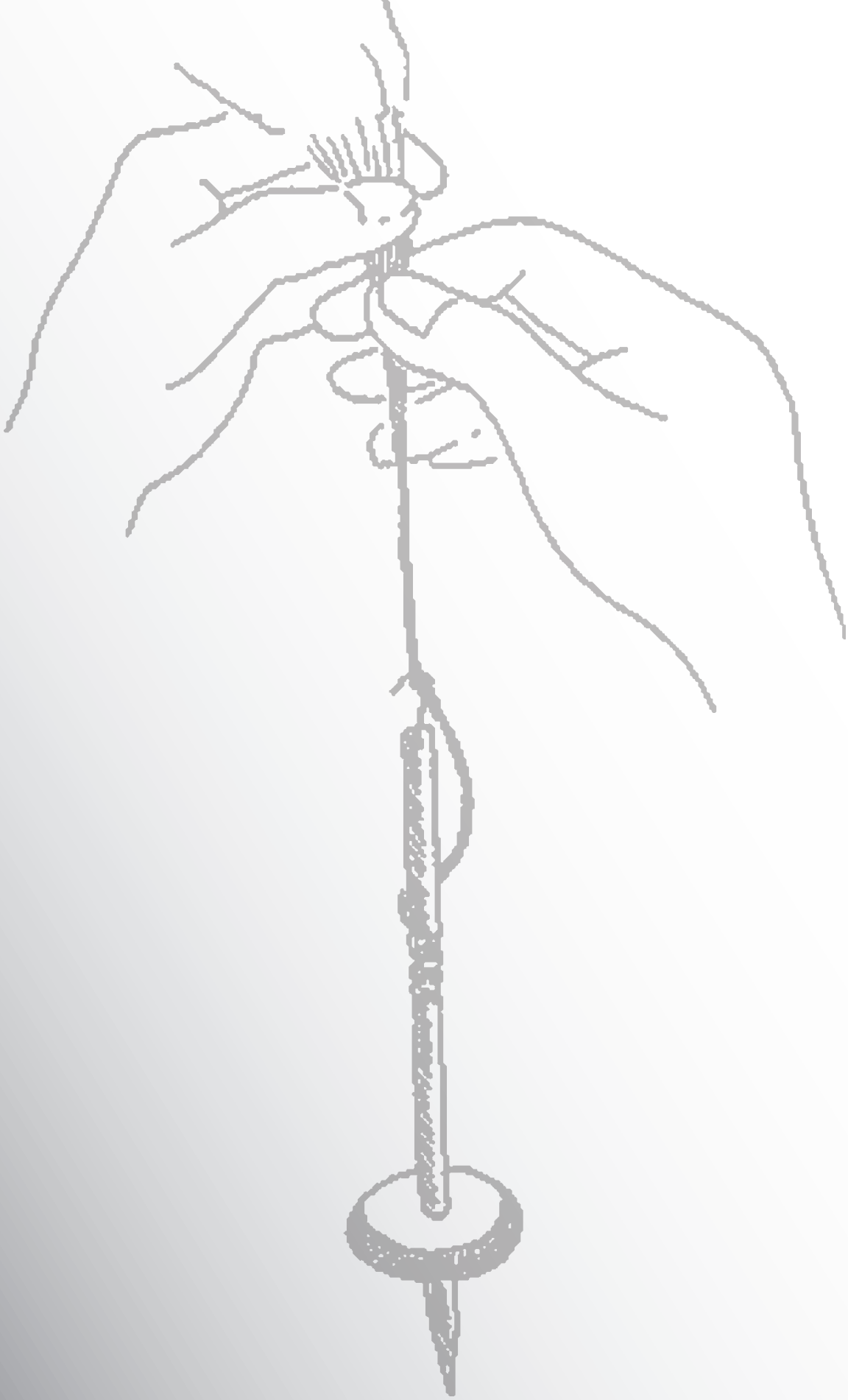
Для возникших в раннем средневековье культур свойственны иные наборы и соотношения форм пряслиц и другие приемы их декоративного оформления. Во второй трети V в. основную часть черняховской территории заняли раннеславянские пеньковская и пражская культуры, а ее северо-восточную окраину — колочинская культура. Спектр форм прясел этих культур и черняховской значительно различается [Горюнов 1981, рис. 22; Седов 1982, табл. VIII, *7, 9—11, 20*; Баран 1988, рис. 10, *1—5*; Приходнюк 1990, рис. *19—22, 24*; 1998, рис. 29, *2, 3, 5, 9, 11, 13*; 38, *19—23*; 47, *17, 23, 24*]. В отличие от черняховской культуры, в раннеславянских культурах биконическая форма A121a (с плоскими площадками) значительно преобладает над формой A111a (с вогнутыми площадками). Заметное количество пражских и пеньковских прясел сопоставимы с типом A131 (площадки отсутствуют), но среди черняховских прясел этот тип составляет лишь 1,6 %. Различаются и пропор-

ции. Пеньковские прясла, по сравнению с черняховскими, обычно имеют небольшую разницу между диаметрами площадок и диаметром ребра. Для колочинской культуры характерны прясла, для которых можно найти черняховские аналогии только среди самых высоких прясел форм А111а и А121а. В отличие от разнообразной орнаментации черняховских прясел, раннеславянские обычно украшались наколами, иногда сгруппированными в фигуры и очень редко — прочерченными изображениями [20]. Особо отметим, что изменения в комплексе прясел, связанные со сменой населения, происходят и в регионах Верхний и Средний Днестр, где вместо «зубрицких» распространяются пражские типы. В данном случае речь может идти о передвижении разных группировок ранних славян.

Приходится констатировать, что комплекс прясел черняховской культуры не оставил в Восточной Европе заметных следов. Это согласуется с исследованиями других материальных остатков этой культуры и объясняется переселением на запад ее основного населения в результате событий гуннской эпохи.

20 В связи с этим следует упомянуть спорные находки из поселения Хлопков, где среди большого количества черняховских материалов была обнаружена лепная посуда раннеславянской пеньковской культуры, а также три прясла, по форме и орнаменту (композиции из наколов) имеющие такие же пеньковские аналогии [Некрасова 1988, с. 73, рис. 7, *34—36*]. Автор раскопок и ряд других исследователей датировали все эти материалы концом позднеримского периода, что послужило главным основанием для включения черняховской культуры в процесс славянского этногенеза в Среднем Поднепровье [Славяне … 1990, с. 350—351; рис. 70, 71]. Однако О.В. Приходнюк показал, что упомянутая керамика, включая прясла, относится к пеньковским древностям VII в. и к черняховской культуре отношения не имеет [Приходнюк 1991, с. 114—116].

ВЫВОДЫ



Кратко суммируем основные результаты исследования черняховских прясел.

- Пряслица в древних обществах являются частью женской субкультуры. В сложных по составу археологических культурах прясла с разными культурно-этническими признаками являются показателем присутствия в них только женской части того или иного населения.
- Пряслица являются одним из важных показателей культурно-этнического состава населения черняховской культуры.
- Черняховский комплекс прясел возник в основном на базе традиций пришлого населения вельбарской культуры (готов) и в меньшей степени пшеворской культуры (вандалов). В регионе Верхний Днестр полностью преобладала традиция местной зубрицкой культуры, которая частично проявились и на Среднем Днестре. В разных черняховских регионах в небольшой степени заметно влияние других местных культур — фракийских, сарматской и киевской.

- Набор типов прясел группы памятников Черепин—Теремци на Верхнем и Среднем Днестре подтверждает генетическую преемственность этой группы от зубрицкой культуры. В то же время он показывает резкое отличие группы Черепин—Теремци от основного массива памятников черняховской культуры.
- Формы прясел группы памятников «горизонта Боромля» являются дополнительным свидетельством миграции части населения из региона Верхний Днестр в Восточную Украину, но не позволяют

предполагать ее участия в формировании черняховского населения этого региона.

- Постепенная унификация форм черняховских прясел является отражением процесса стирания рецидивов племенной и клановой разобщенности, отражением в материальной сфере процесса укрепления единства «готского народа».
- В раннем средневековье на основной территории черняховской культуры (включая Верхний и Средний Днестр) распространяются славянские культуры (пеньковская, пражская, колочинская), которые имели совершенно другой набор форм пряслиц.

РЕЗЮМЕ

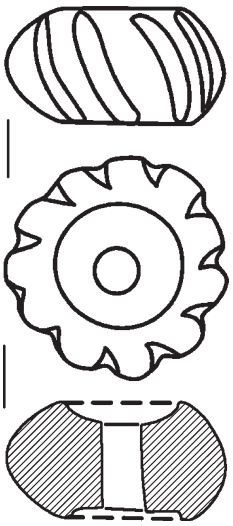
Б.В. Магомедов

КЕРАМІЧНІ ПРЯСЛИЦЯ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

кужіль
веретено
прясельце

ВСТУП

Прядіння ниток для тканини є одним з прадавніх видів домашнього виробництва. Необхідним знаряддям для ручного прядіння було веретено, яке у своєму найпростішому вигляді являє собою дерев'яний стержень з важком-маховиком на нижньому кінці. До часів пізнього середньовіччя, в коли із широким впровадженням токарного верстата з'явилася можливість виточувати дерев'яне веретено будь-якої форми, функцію маховика виконувало прясельце (прясло, кружало) — обважнювач, найчастіше вироблений з випаленої глини (кераміки).



Прясла різняться за розміром і масою. Легкі екземпляри застосовувалися для виготовлення нитки тонкої або із слабо скрученими волокнами і навпаки. Для шерсті були потрібні прясла меншого розміру і ваги, чим для льону. У жіночих похованнях нерідко знаходять по два і більше прясел різних типів і розмірів, очевидно, в якості змінних деталей веретена.

На стародавніх могильниках прясла зазвичай супроводжують жіночі поховання, оскільки прядіння традиційно було суто жіночим зайняттям. Таким чином, ця категорія речей є частиною жіночої субкультури. При вивченні прясел слід враховувати, що їх типи могли переміщатися в просторі тільки разом з носіями цієї субкультури — або з групою населення, або з окремими жінками, які потрапили в інше культурне середовище в стані полонянки або дружини. У новому культурному оточенні цей спадок міг передаватися по жіночій лінії до наступного покоління разом із навичками домашнього господарства.

Прясельця є звичайною знахідкою на пам'ятках черняхівської культури, але рідко привертають увагу дослідни-

ків. Проте їх вивчення в плані походження окремих типів (форм) і декоративного оформлення дає додатковий матеріал з питань черняхівського етногенезу і міжетнічних зв'язків.

Величезна більшість черняхівських прясел виготовлена з глини з подальшим випаленням, але застосовувалися і інші матеріали. Престижні імпортні вироби із скла, ймовірно, були у вжитку також і як намистини. Кістяні прясла виготовляли з круглих суглобів кісток великої рогатої худоби. Такі ж скляні і кістяні вироби добре відомі у вельбарській і пшеворскій культурах. Зрідка трапляються прясла, виточені з м'якого каменю — мергелю. На усій території черняхівської культури зустрічаються прясла, зроблені з обточених черепків від посуду. У цій роботі ми не враховували їх в статистиці, оскільки вони не мають культурної специфіки.

Значно рідше, ніж прясла, при розкопках трапляються інші деталі дерев'яних веретен. Для того, щоб надати веретену вертикального положення, нитка в його верхній частині закріплювалася за допомогою простої петлі або металевого гачка (схема 1). У черняхівських поховальних комплексах ці мініатюрні гачки («гачковаті шпильки») знаходять разом з прясельцями. Такі ж «шпильки» були поширені в Центральній і Північній Європі, у тому числі в пшеворській і вельбарській культурах. Дерев'яні веретена іноді прикрашалися металевими оковками у вигляді коротких трубок.

Предметом нашого дослідження є керамічні прясла, від початку виготовлені як деталь веретена [1]. Багато черняхівських пряселець є ремісничою продукцією гончарних майстерень. Правильна геометрична форма, склад глини і рівномірний горновий випал сірого кольору промовляють про те, що їх виготовляли паралельно із столовим або, рідше, з кухонним посудом. У похованнях трапляються слабо випалені прясельця. Як і деяка частина посуду з поховального інвентарю, вони могли бути приготовані спеціально до похорону без дотримання звичайної технології. Ліпні прясельця часто зроблені не так ретельно, випал мають нерівний. Серед них більше відхилень від традиційних типів.

Метою цієї роботи є з'ясування походження окремих форм черняхівських прясел і способів їх декоративного оформлення, як одного з показників культурно-етнічного складу населення. Для цього ми залучили в якості аналогій знахідки прясел з пам'яток попередніх і сусідніх археологічних культур. Більшість дослідників нині відводять головну роль в створенні черняхівської культури переселенцям з північного заходу — носіям вельбарської і, у меншій мірі, пшеворської культур. Субстратним населенням в західній частині Центральної України могли бути залишки пізньозарубинецьких племен (хоча про їх контакти з прийшлим населенням достовірних археологічних даних доки немає), в Середньому Подніпров'ї і східніше — населення київської культури і пам'яток «горизонту Боромля». На західній околиці черняхівської культури її попередниками було населення липицької і зубрицької культур, на південному заході — фракійські народи — гети і даки. У південних степах мешкали кочові сармато-алани, які залишалися південно-східними сусідами «черняхівців» до кінця римської доби.

1 Окремі опубліковані частини цієї роботи [Магомедов 2014a; 2014b; Magomedov 2015] представлені в цьому виданні в переробленому вигляді.

РОЗДІЛ I

КЛАСИФІКАЦІЯ ФОРМ І ДЕКОРАТИВНОГО ОФОРМЛЕННЯ ЧЕРНЯХІВСЬКИХ ПРЯСЕЛ

Систематизація пряселець у рамках усієї черняхівської культури досі не була розроблена. Такі розробки більш чи менш детально виконані для невеликих регіонів [Баран 1981, с. 102; Никитина 2008, с. 84—86, Строцень 2008, с. 106—107] або для окремих великих пам'яток (поселення і могильник Будешть, поселення Журавка, могильник Чернелів-Руський [Vornic 2006, p. 191—193; Обломский 2010, с. 163; Тиліщак 2013]). Наявні публікації з систематизацією пряселець деяких культур, які цікавлять нас як суміжні з черняхівською в часі або за територією [Петрашенко 1988; Обломский 1991, с. 53—55, 104—107; Шарова 2004; Chytrá 2011].

Для більш віддалених часів ця тема найуспішніше піднімалася при вивченні прядіння у скіфського населення України VII—III ст. до н. е. [Гаврилюк 1987, с. 119—123; Щербань 2007, с. 36—58]. В останній роботі містяться цікаві спостереження, що пов'язані з виготовленням і використанням пряселець, незалежно від їх походження. Там же зібрані найповніші бібліографічні відомості щодо предмету дослідження.

Декоративне оформлення прясел привертало увагу дослідників тільки в окремих випадках його незвичності, як правило, без узагальнень. По можливості ми врахували досвід наших колег в описі пряселець, зокрема, для позначення їх окремих частин. Ми застосовуємо досить сталі терміни — площадка (основа), бічна поверхня, бічне ребро, канал (схема 2).

Ми продивилися зображення декількох тисяч пряселець черняхівської культури. З них використані в статистичних розрахунках 930 екземплярів з повних публікацій пам'яток, а також іноді із звітів. В основному це могильники. Великий масив матеріалу, на жаль, непридатний до статистичної обробки. У ряді випадків неможливо встановити тип прясел, оскільки їх зображення подавалися без розрізів, а іноді в позиції «вигляд зверху». Матеріали поселень нерідко публікувалися вибірково. Малюнки з таких неповних публікацій використані тільки для створення типології. Але навіть при строгому відборі наша статистика не може бути повністю точною, адже на багатошарових поселеннях в число черняхівських могли потрапляти прясла з іншого культурно-хронологічного контексту.

У цій роботі ми прагнули подати в малюнках і на картах усю різноманітність форм і декору черняхівських прясел, а також аналогії до них з інших культур (рис. 1—16). На основній карті (рис. 17) черняхівські пам'ятки зі знахідками прясел представлені по регіонах. Раніше ми запропонували розчленування території черняхівської культури на культурно-географічні регіони за ознаками загальних особливостей в житловому будівництві, поховальному обряді, типах кераміки і з урахуванням їх хронології [Магомедов 2001b, с. 17—18]. При описі типів прясел пункти знахідок (пам'ятки) згруповані в просторі дещо інакше, відповідно до завдання нашої роботи і

наявності достатнього археологічного матеріалу (рис. 17). Це регіони з дещо умовними назвами: Центральна Україна, Північно-Західна Україна, Верхній Дністер, Середній Дністер, Східна Україна, Причорномор'я, Молдова, Мунтенія (або Валахія).

Слід мати на увазі, що кількість прясел, врахованих в наших таблицях, по деяких регіонах відносно невелика (Верхній Дністер, Мунтенія, Причорномор'я — від 35 до 51 одиниці). Тому деякі спостереження можуть мати попередній характер. Регіон Трансільванія в цій роботі практично не розглядається, оскільки в повних публікаціях пам'яток нам не вдалося знайти достатню кількість повноцінних зображень пряселець.

I.I. Типологічна схема прясел

В основі типологічного ділення пряселець традиційно лежить їх геометрична форма. Відповідно до цього в категорії «керамічні прясла черняхівської культури» ми розрізняємо такі види:

1) **в и д A** — біконічні прясла;
2) **в и д B** — конічні прясла;
3) **в и д C** — сферичні прясла;
4) **в и д D** — циліндричні прясла;
5) **в и д E** — прясла з виділеними основами;
6) **в и д F** — прясла «цибулинної» форми.

У цю схему вкладаються практично усі черняхівські прясла, окрім декількох екземплярів, розглянутих як «унікальні форми». Усередині видів прясла можуть розрізнятися за формою площадок, їх наявності або відсутності, за формою бічної поверхні і ребра, за пропорційним співвідношенням частин. Відповідно виділені типи та їх варіанти, які при необхідності об'єднані в групи і підгрупи. Типи або варіанти є кінцевими (найменшими) кластерами типологічної схеми черняхівських прясел. Вони відповідають поняттю «форма», яка може бути ідентичною формам прясел в інших археологічних культурах. Всього в нашій типології (разом з унікальними формами) налічується 32 форми прясел. Надалі, при накопиченні нових матеріалів, кількість форм може збільшуватися.

При статистичній обробці колекцій пам'яток (табл. 1—4) кількісні і процентні показники представлені для усіх перерахованих видів. Прясла унікальних форм (8 одиниць), а також прясла із складним пластичним декором, які неможливо однозначно віднести до певного виду або типу (11 одиниць), представлені тільки в кількісних показниках. Останні розглянуто в наступному розділі «Види декоративного оформлення прясел».

Типологічний розподіл черняхівських прясел, опис всіх різновидів їх форм і аналогії з інших культур представлені в російському тексті та на ілюстраціях: схеми 3—5, рис. 1—11.

I.2. Види декоративного оформлення прясел

За приблизними підрахунками, на найбільш досліджених великих

черняхівських пам'ятках в середньому 9—10 % прясел має декоративне оформлення. Основними видами декору прясел є графічний, штампований і пластичний, які іноді поєднуються. Крім того, відомий один екземпляр з інкрустацією з уламків скла. Прясла з усіма видами декору і аналогії з інших культур представлені на рис. 12—15.

Графічний декор нанесений прокресленими або пролощеними лініями, які зазвичай утворюють орнаментальні композиції. Зиґзаґи у більшості випадків при погляді зверху складаються в зіркоподібні фігури (мотив «зиґзаґ—зірка»). Неорнаментальні або знакові зображення трапляються рідко. На екземплярі з поселення Синиця на Південному Бузі зображені дві свастики (рис. 12, *17*). Проте культурна приналежність цього прясла викликає сумніви, оскільки подібні вироби відомі у ранньосередньовічній пеньківській культурі. Прясельце з могильника Лецкань має готський рунічний напис (рис. 12, *18*).

Штампований декор часто виконаний за допомогою стержня (крапковий орнамент). Також застосовувалися відбитки пружини від фібули, гребеня і дуже рідко відтиски спеціального штампу (рис. 13, *27*).

Пластичний декор являє собою зміну форми прясел через зрізування глини з поверхні або за допомогою глибоких вдавлень. Фасетки утворюють грановану поверхню різного ступеню складності. Також застосовували косі і вертикальні канелюри.

РОЗДІЛ 2

ПОХОДЖЕННЯ І РОЗВИТОК ЧЕРНЯХІВСЬКИХ ПРЯСЕЛ

2.1. Регіональні особливості поширення прясел

За статистикою, серед черняхівських прясел повністю домінуючим є вид A (біконічна форма — 80,8 %). Далі слідують малочисельні види: B (конічні прясла — 7,1 %), C (сферичні прясла — 6,6 %), D (циліндричні прясла — 3,7 %). Показник виду D з великою вірогідністю тут занижений, оскільки багато дисковидних прясел могли не потрапити в наші підрахунки внаслідок їх зовнішньої подібності до виробів з обточених черепків. Рідкісні види E і F налічують по декілька екземплярів прясел (0,7 та 1,1 %). Унікальні форми представлені одним-двома екземплярами.

Центральна Україна. Процентний розподіл форм прясел близький до сумарних показників черняхівської культури. Деякі рідкісні форми трапляються лише тут: варіант A121b, типи A212 та B221. Крім того, в регіоні часто зустрічаються прясла, прикрашені косими канелюрами.

Північно-західна Україна. Розподіл форм прясел близький до сумарних показників, але показник виду F є більш високим внаслідок індивідуальних особливостей могильника Чернелів-Руський.

Верхній Дністер. Розподіл форм прясел різко виділяє цей регіон на тлі черняхівської культури, навіть вра-

ховуючи невелику кількість зібраних зразків. Тут спостерігаються найнижчі показники виду А (біконічні прясла — 34,3 %). При цьому усередині виду А, порівняно з іншими регіонами, підгрупа А11 (біконічні прясла з увігнутими площадками) представлена найнижчим сумарним значенням — 33,3 %, а підгрупа А13 (біконічні без площадок) найвищим — 41,7 %. Нечисленний для культури в цілому вид В (конічні прясла) виступає в регіоні як основний — 51,4 %. Інший нечисленний вид С (сферичні прясла) також показує тут найвищі значення (14,3 %). Крім того, на відміну від інших регіонів, тут практично немає прясел з декоративним оформленням.

Середній Дністер. Розподіл форм прясел близький до середнього, але за деякими цифрами можна припустити вплив регіону Верхній Дністер: знижений показник виду А (біконічні прясла — 73,5 %) та підвищений показник виду В (конічні прясла — 14,7 %) за рахунок особливостей поселень Добринівці і Теремці.

Східна Україна. Розподіл форм прясел близький до середнього, але дещо вищий показник виду С (8,9 %). Регіональна особливість спостерігається також в декоративному оформленні: тут частіше зустрічаються знахідки прясел із складними фасетками.

Причорномор'я. Розподіл форм прясел близький до середнього. Відмінністю, яка не відбилася на наших розрахунках, є велика кількість прясел з амфорних черепків.

Молдова. Розподіл форм прясел близький до середнього. У Молдові більше, ніж в інших регіонах, знайдено виробів, прикрашених штампованим крапковим орнаментом і прясел з простими фасетками.

Мунтенія. Показники близькі до середнього. Відсоток прясел виду В високий (20,5 %) в основному за матеріалами могильника Дрегенешть-Олт.

У сусідньому регіоні Трансільванія виявлені прясла, звичайні для черняхівської культури, але доступний нам матеріал недостатній для типологічних узагальнень.

Відмінності типологічних спектрів пряселець спостерігаються не лише на рівні різних регіонів і пам'яток. У трьох випадках ми мали можливість порівняти дані по досліджених комплексно поселенням і могильникам — Войтенки, Будешть і Бирлад—Валя Сяке. Результат виявився однаковим: при загальному, звичайному для черняхівських пам'яток, домінуванні прясел виду А, малочисельні види В, С і D зустрічаються набагато частіше на поселеннях, ніж на могильниках (табл. 1).

2.2. Культурно-типологічні зв'язки форм прясел

Розглянемо зв'язки форм черняхівських пряселець з формами інших культур згідно з нашою типологічною схемою. Біконічні прясла — **вид А** — є єдиним масовим видом. Усередині цього виду переважають варіанти А111а (з увігнутими площадками — 66,8 %) та А121а (з плоскими площадками — 23,0 %) (табл. 2). У вельбарской і пшеворской культурах ці форми також є провідними, проте їх пропорційне співвідношення значно розрізняється (табл. 6). У «вельбарку» кількість врахованих пряселець цих підгруп на могильниках сильно коливається; на деяких

найбільш східних некрополях (Брест-Тришин, Грудек, Цецеле) значно домінує форма А121а. Проте в середньому чисельність обох груп практично рівна (співвідношення 1 : 1). У «пшеворську» значно переважає форма А111а (співвідношення 6,4 : 1). У «черняхові» ця форма переважає майже в два рази менше (співвідношення 2,9 : 1). Наведені цифрові показники дозволяють припустити, що названі варіанти біконічних прясел з'явилися в черняхівській культурі разом з вельбарським населенням при помітній участі пшеворського компоненту.

Прясла варіанту А111b також мають аналогії у вельбарській і пшеворській культурах. А оскільки вельбарські знахідки походять з відносно пізніх пам'яток Волині (Дитиничі, Хрінники), найбільш ймовірним є початкове пшеворське походження цієї форми.

Типи А112 та А122 мають загальну характерну ознаку — увігнуті бічні поверхні, але розрізняються формою площадок. Обидві форми характерні для вельбарської культури, де являють собою, ймовірно, спадок попередньої оксивської культури.

Прясла варіанту А121b з великим діаметром каналу (9—14 мм) є єдиною формою, що безперечно походить з київської культури. Пізніше, в період раннього середньовіччя подібні прясла поширюються на пам'ятках кількох культур лісової зони Східної Європи, які відносять до східно-балтійського кола.

Підгрупа А13 включає типи А131 і А132. Обидва типи мають однаковий ареал на черняхівській території. Їх поява пов'язана частково з вельбарським спадком, частково також (судячи з концентрації знахідок у басейнах Дністра, Пруту і Нижнього Дунаю) з карпо-фракійскими традиціями.

Серед прясел групи А2, з огляду на аналогії, один тип (А211) походить з пшеворської культури, два типи (А212 та А22) — з вельбарської.

Прясла **виду В** (конічні) відомі в різних регіонах, але частіше зустрічаються на пам'ятках Західної України. З врахованих нами 65 конічних прясел 28 екземплярів (43 %) знайдені в регіонах Верхній і Середній Дністер (табл. 1).

Деякі форми конічних прясел в різних культурах практично співпадають, тому вони могли з'явитися у черняхівського населення з різних джерел. Багато форм черняхівських конічних прясел знаходять аналогії у зубрицькій культурі, найчастіше паралельно з пшеворською культурою (форми В112а, В113а, В212, В213), і лише іноді паралельно з сарматською (В211). Більшість цих форм присутня також в групі пам'яток «горизонту Боромля» (В113а, В113b, В212, В213).

Конічний тип В112b, частково В121а та В122а мають фракійське походження. Проте форма В121а відома також у сарматів румунської Молдови, а форма В122а — у сарматів Дону. Тому для культурно-етнічного визначення конкретних знахідок «альтернативних» форм В121а та В122а має значення їх географічне розташування. Для регіонів Верхній і Середній Дністер найбільш вірогідне їх фракійське походження. У зоні поширення сарматських ознак на черняхівських могильниках ці форми не мають однозначного культурно-етнічного визначення — в регіонах Мунтенія і Північно-Західна Україна. У Східній Україні, де фракійський вплив сумнівний, але близька межа степу, вони найбільш ймовірно пов'язані

з присутністю сарматського елементу.

Так само диференційовано слід підходити до проблеми походження форм B111a та B211. Більшість таких прясел (із Західної України) пов'язана з пшеворською і зубрицькою традиціями, але екземпляри з пам'яток Молдови, Мунтенії та Причорномор'я можуть мати сарматські витоки. Більш виразно з сарматами пов'язано походження прясел конічних типів B111b, B121b, B122b.

Вид C (округла форма) в невеликих кількостях відомий у різних давніх народів. Тип C21, з цього виду найбільш поширений в черняхівських старожитностях, частіше зустрічається і у вельбарській культурі. Майже усі прясла типу C12 (кулясті без площадок) знайдені в південно-західних регіонах черняхівської культури (Верхній і Середній Дністер, Молдова, Мунтенія). У попередній період це була зона розселення фракійських народів, з якими можна пов'язувати походження цього типу.

Прясла малочисельного **виду D** (циліндрична форма) найімовірніше пов'язати з вельбарською культурою.

Рідкісні **види E і F** своїм походженням пов'язані з пшеворською культурою, хоча тип F1, швидше за все, для неї є запозиченим.

2.3. Культурно-етнічні компоненти черняхівського комплексу прясел

Формування типологічного спектру черняхівських прясел було обумовлене традиціями культурно-етнічної основи населення, а також впливом традицій більших або менших груп людей, що влилися в місцеве суспільство з інокультурного оточення. Розглянемо найбільш вірогідні джерела форм прясел черняхівської культури. Для наочності ми склали таблицю, де черняхівські форми прясел згруповані по культурно-етнічних типах, до яких вони повністю або частково належать (рис. 16).

Нині практично усі дослідники черняхівських старожитностей не сумніваються в поліетнічному складі населення цієї культури, хоча істотно розходяться в ступені участі в ній різних культурно-етнічних компонентів. Ці компоненти ділять на «прийшлий» («північно-західний»), до якого відносять германські культури, і «місцевий» (автохтонний), маючи на увазі культури ранніх слов'ян, фракійців, сармат і пізніх скіфів.

За комплексом археологічних ознак найбільш близькими до черняхівської культури є східногерманські культури — вельбарська і, в меншій мірі, пшеворська. Вельбарські старожитності ранньоримського часу (любовидзька фаза культури) сучасні дослідники ототожнюють з народом готів. На початку пізньоримського часу цей народ розділився. Велика його частина переселилася на південний схід і створила основу черняхівської культури, а за населенням, що залишилося на старих місцях проживання, закріпилася назва «гепіди» (цецельська фаза вельбарської культури) [Магомедов 2001a]. Пшеворську культуру пов'язують з народом вандалів [Магомедов 2001b, с. 118—119]. Деякі загальні риси, які є у неї з вельбарской культурою, пояснюються не лише близьким сусідством, але і частковим змішенням населення. У своєму просування на

південь з «вихідної області» в південній Прибалтиці у «першу область експансії» [Бірбрауер 1995, с. 36—37] вельбарське населення (готи) зайняло частину пшеворської території і в багатьох випадках використало старі могильники для своїх поховань. Відбувається певне змішення носіїв обох культур — готів та тих вандалів, що залишилися на місці. Ймовірно, щодо переможених, це стосується переважно жінок, оскільки в подібних випадках їх часто приєднують до родин загарбників, а доля чоловіків складається по-різному. Після переселення в «другу область експансії» (територія черняхівської культури), в ході Готських воєн з Імперією в другій третині III ст., до готів приєднувалися нові групи вандалів. Наслідком цього є рідкісні поховання-кремації пшеворського типу (зі зброєю) на окремих черняхівських могильниках.

У вельбарській і пшеворській культурах більшість складають біконічні прясла, набагато рідше трапляються конічна, куляста і циліндрична форми. У інших германських племен римського часу в цьому відношенні склалися інші традиції. Так, в деяких культурах Центральної Європи більшість складають конічні форми прясел (у літературі аналоги до нашої групи B2 називають також «біконічні несиметричні прясла») Це любошицька культура (ймовірно, бургунди) [Domański 1979, s. 62, rys. 3; 7; 9; 10; 16; 18; 21; Die Germanen … 1983, Abb. 29; 71; 153; 155], а також культура племені квадів на території сучасних Чехії та Словаччини, в некрополях яких конічні форми прясел складають не менше 70 % [Chytrá 2011, s. 392].

Черняхівський спектр форм прясел дуже близький до спектру вельбарської і пшеворської культур (табл. 5). В усіх трьох культурах біконічна форма (вид A) повністю переважає, складаючи від 80,8 до 83,8 % усіх прясел. Присутні, при тому в досить близькій пропорції, малочисельні і рідкісні види (B, C, D, E, F). Проте для багатьох черняхівських форм можна простежити прототипи в одній або іншій з названих культур окремо.

Більшість черняхівських біконічних форм мають повністю або частково **вельбарське** походження: повністю — A112, A122, A212, A22; майже повністю — A121a; частково — A111a, A111b, A131, A132. Конічні форми в цій культурі представлені одинично, переважно в східному регіоні і в деяких випадках мають явно пшеворське походження. Найімовірніше пов'язати з вельбарською культурою із прясел виду C (округлі) тип C21 — переважно і типи C11 та C22 — частково, а також більшість прясел виду D (циліндрична форма). З унікальних форм прясел з вельбарською культурою пов'язані форми 3, 4, 6 і частково — форма 2.

Пшеворське походження мають деякі біконічні форми прясел: повністю пшеворське — A211; частково — A111a, A111b; у малій мірі — A121a. З пшеворською культурою частково пов'язане походження багатьох черняхівських конічних типів. З них форми B111a, B112a, B113a, B212 та B213 трапляються також в зубрицькій культурі, а деякі і в пам'ятках «горизонту Боромля». Слід визнати, що ці форми потрапили в черняхівську культуру значною мірою не прямим шляхом, а за посередництва зубрицької культури і знайдені, як правило, в невеликій області пам'яток типу Черепин—Теремці на Верхньому і Середньому Дністрі (див. нижче). Проте

з прямими нащадками пшеворского населення можна пов'язати знахідки з пам'яток, що не мали помітного зубрицкого впливу. Таким чином, до пшеворських форм можна віднести знахідки з Північно-Західної і Центральної України, можливо, також з деяких пам'яток Середнього Дністра. З округлих прясел виду С до пшеворських форм частково можна віднести типи С11 та С22. Безпосередньо з пшеворской культурою пов'язаний рідкісний черняхівський вид Е. Найбільш вірогідне пшеворське походження також і рідкісного виду F, а з унікальних форм — форми 5 і частково форми 2.

З двох розглянутих германських культур вагоміший внесок в черняхівський типологічний спектр прясел належить вельбарській культурі, хоча в цифрах це виразити важко. Таким чином, переважна більшість черняхівських форм прясел, у тому числі й масові форми, з'явилися на території цієї культури разом з її основним населенням — носіями вельбарської культури, які включали і пшеворський етнічний елемент. Ймовірно, цей елемент спочатку був представлений в основному жінками (про можливі причини було сказано вище). Цим можна пояснити те, що пшеворські традиції в черняхівському середовищі найяскравіше виявляються в категоріях жіночої субкультури. Це не лише форми прясел, але й ліпний посуд для домашнього вжитку. З пшеворською культурою пов'язано походження і такого знакового для черняхівської культури виду посудин, як триручні вази. Знаходять їх, як правило, в жіночих похованнях. Ці посудини багато з дослідників вважають культовими. Можна припустити, що триручні вази були предметом спочатку пшеворської (вандальської) жіночої субкультури, приналежністю виконавиць обрядів, пов'язаних з домашніми культами. Вандальські жінки привнесли цей культ разом з його атрибутом в готські громади, де він благополучно укорінився.

Зубрицьку культуру (друга половина I — середина III ст.) представляли, ймовірно, сло'вяни-венеди. Вона склалася в результаті злиття східної гілки пшеворських старожитностей і зарубинецької культури за участю липицької культури, а пізніше перетворилася у верхньодністровську групу черняхівських пам'яток [Козак 2008, с. 18—19, 30—39] (остання — за нашою термінологією «група Черепин—Теремці»). На зубрицьких пам'ятках першу з провідних форм прясел складає біконічна, їй мало поступається конічна форма, також використовувалися округлі і циліндричні прясла. Більшість форм мають аналогії в пшеворській культурі.

Декілька конічних форм з нашої типологічної схеми черняхівських прясел мають аналогії в зубрицькій культурі, найчастіше паралельно з пшеворською культурою (форми В112а, В113а, В212, В213), іноді паралельно з пшеворською і сарматською (В111а), з сарматською (В211) і в одному випадку тільки в зубрицькій (В113b). Прясла цих типів характерні для черняхівських поселень групи Черепин—Теремці на Верхньому і Середньому Дністрі. Схожість верхньодністровських і сарматських прясел є випадковою, але загальні форми з пшеворською культурою добре пояснюються походженням групи пам'яток Черепин—Теремці, у якій за посередництва зубрицької культури зберігалися пшеворські традиції. У групі Черепин—Теремці пред-

ставлені також типи, характерні для фракійських культур, які були успадковані від місцевої липицької культури. Від місцевих зубрицької і липицької культур група Черепин—Теремці отримала і біконічні форми А111а, А121а, А131, А132, властиві також для прийшлого германського населення.

Напередодні поширення в Східній Україні черняхівської культури в цьому регіоні існувала нечисленна група пам'яток «**горизонту Боромля**» (середина III — перша чверть IV ст.) Її появу пояснюють переселенням під тиском готів частини верхньодністровського населення, яке принесло деякі характерні типи ліпного посуду, фібул і заглиблених жител. Це населення найбільш реально пов'язувати з пізньою фазою зубрицької культури. З цим узгоджується наявність або навіть переважання на деяких поселеннях групи «горизонту Боромля» зубрицьких форм конічних прясел (В113а, В113b, В212, В213).

Виникає питання про можливе включення представників «горизонту Боромля» в черняхівські громади. Проте ті форми прясел, які в цих культурних утвореннях співпадають (типи В113а, В113b, В212, В213 і, можливо, похідні від них В221 і В222), в Східній Україні відомі доки лише на одній черняхівській пам'ятці (Войтенки — типи В113а та В222). Інші екземпляри (окрім «зубрицьких» регіонів Верхній і Середній Дністер) знайдені далеко від ареалу групи «горизонту Боромля»: в Центральній Україні, в Молдові і Мунтенії. На мою думку, поява «зубрицьких» типів на черняхівських пам'ятках не пов'язана з «горизонтом Боромля», а їх походження можна пояснити скоріше прямим впливом пшеворських або (що менш ймовірно) верхньодністровських традицій.

На території Румунії черняхівським старожитностям передували дві основні **гето-фракійські** археологічні культури: в Мунтенії — «культура вільних даків» (культура Мілітарь-Кілія, II—IV ст.) і в Молдові — «карпська культура» (культура Поєнешть-Вертешкьой, II—III ст.). В обох переважає конічна форма прясел, є форми біконічна, циліндрична і сферична.

Липицьку культуру (I — середина III ст.) зазвичай також зараховують до фракійського кола, але в ній присутній також і пшеворський компонент. Її пам'ятки відомі на Верхньому і Середньому Дністрі. Нечисленні опубліковані матеріали показують, що на цих пам'ятках переважають біконічні і округлі форми прясел, також поширені конічні і циліндричні форми.

Фракійські аналогії до черняхівських типів прясел походять в основному з дакійської культури і в одному випадку з липицької. З населенням фракійського походження ми пов'язуємо конічні форми В112b, частково В121а та В122а. Більшість таких прясел знайдено в місцях постійного мешкання або проникнення карпських і дакійських племен. У регіонах Верхній і Середній Дністер вони відомі в черняхівській групі пам'яток Черепин—Теремці. Зрідка вони зустрічаються в Північно-Західній Україні, в румунській Молдові, і значно частіше в Мунтенії. Цей список збільшується за рахунок умовно фракійських типів А131 і А132. Аналогії до них (досить рідкісні) є у фракійських культурах — карпській і липицькій. Таке ж походження можливо допустити і для типу С12 (кулясті прясла без площадок) — за знахідками в

південно-західних регіонах Верхній і Середній Дністер, Молдова, Мунтенія.

Культура карпатських курганів існувала одночасно з черняхівською культурою і межувала з її регіонами Молдова, Верхній і Середній Дністер. У публікаціях представлено не багато пряселець. Усі вони мають аналогії в черняхівській, пшеворській і вельбарській культурах, але в іншій пропорції. Внаслідок тотожності форм карпатські типи прясел на черняхівських пам'ятках виділити неможливо.

У Середньому Подніпров'ї та в Східній Україні черняхівське населення займало територію витісненої ним **київської культури** (III — середина V ст.), населення якої вважається ранньослов'янським. Для цієї культури масовою формою пряселець і її важливим етнокультурним показником є біконічні вироби з широким каналом, найближчі до нашого варіанту A121b. На київських пам'ятках східного регіону відомі прясла черняхівської форми A111a. Вони можуть бути слідами контактів з населенням групи пам'яток «горизонту Боромля» або черняхівської культури. Чотири знахідки прясел «київської» форми A121b на черняхівських пам'ятках Середнього Подніпров'я промовляють про включення в місцеві громади представниць населення київської культури.

Сармати, що кочували в степах від Нижнього Дунаю до Приазов'я, користувалися переважно конічними пряслами. Сарматським вкладом в черняхівську культуру є форми B111b, B121b, B122b, унікальна форма 7, частково — форми B111a, B122a та B211, можливо також B121a. Знахідки цих прясел походять в основному з межиріччя Дністра й Дунаю і зі Східної України — областей, де черняхівсько-сарматські контакти не викликають сумніву. На більшості черняхівських пам'яток сарматські типи прясел не виявлені, хоча на могильниках ознаки поховального обряду цього народу зустрічаються не так вже рідко, особливо в Північному Причорномор'ї. Для пояснення цього факту можна припустити, що в черняхівські громади у більшості випадків включалися тільки сарматські чоловіки (ймовірно, воїни). Вони могли принести з собою традиції, пов'язані з чоловічою субкультурою: з поховальним обрядом, костюмом, озброєнням, але ж ніяк не з жіночим зайняттям — прядінням.

Один унікальний вид прясел у вигляді мініатюрних моделей горщиків (унікальна форма 6) має аналогії в **культурі західних балтів**. Такі прясла знайдені в Середньому Подніпров'ї і в Східній Україні. Черняхівсько-балтські зв'язки археологічно простежуються дуже слабо. Зате такі зв'язки досить рельєфно виступають в матеріалах антропології [Магомедов, Рудич 2008, с. 252—253]. Дуже ймовірно, що нащадки вельбарських мігрантів балтського походження, ставши носіями черняхівської культури, зберегли в консервативній жіночій субкультурі залишки балтських традицій.

На підставі зібраних статистичних даних (табл. 1—4) можна зробити спробу представити в цифрах питому вагу різних культурно-етнічних елементів в загальному масиві черняхівських прясел. При цьому ми не враховуємо види прясел C і D, як малоінформативні в культурно-етнічному відношенні. Прясла, що належать до форм альтернативного походження, ми відносимо до того або іншого культурно-етнічного типу з

урахуванням місця їх знахідки. Вельбарські й пшеворські типи беремо сумарно через неможливість конкретно ідентифікувати походження масових форм A111a і A121a. При усій приблизності вихідних даних це дозволяє скласти доволі об'єктивне уявлення про походження черняхівських прясел. Результати підрахунків округлено виглядають так:

вельбарські і пшеворські типи	91,0 %,
зубрицькі типи	3,0 %,
київський тип	0,2 %,
фракійські типи	3,0 %,
сарматські типи	3,0 %.

Наочне, хоча також досить умовне, уявлення про розподіл культурно-етнічних типів прясел на черняхівській території дає карта (рис. 18). На ній показані лише «місцеві» типи (зубрицькі, київський, фракійські, сарматські). За результатами картографування культурно-етнічних типів прясел можна зробити висновок, що найбільш змішане населення мешкало в західних і південно-західних регіонах черняхівського ареалу.

Походження способів декоративного оформлення черняхівських прясел уявляється менш складним. Більшість аналогій існує у вельбарській і, у меншій мірі, в пшеворській культурах. Складний графічний мотив «зиґзаґ—зірка» відомий в цих культурах починаючи зі ступеня B2/C1 (друга половина II ст. — вельбарський могильник Брест-Тришин і пшеворський Опатув) (рис. 15, *4—8, 16—18*). Припускаю, що цей мотив спочатку з'явився на вельбарских пряслах (мотив зиґзаґу дуже характерний для вельбарської кераміки), а потім вже перейшов в пшеворську культуру.

РОЗДІЛ 3

ПРОЦЕС СКЛАДАННЯ ЧЕРНЯХІВСЬКОГО КОМПЛЕКСУ ПРЯСЕЛ

Дослідження черняхівського комплексу форм прясел показує, що він (як і сама ця археологічна культура) складався з прийшлих і місцевих (автохтонних) компонентів. Переважна більшість типів прясел належить прийшлому компоненту, представленому германськими культурами. Його основою був досить складний набір форм, який відбивав традиції населення вельбарської культури — народу готів. На час складання черняхівської культури (друга третина III ст.) цей набір включав помітну кількість пшеворських і залишки західнобалтських елементів. Ймовірно, пшеворский елемент пізніше посилився за рахунок припливу нових невеликих вандальских груп.

Традиції художнього оздоблення черняхівських пряселець також пов'язані в першу чергу з вельбарським спадком. Безумовно, не обійшлося без впливу пшеворского декоративного стилю, але він практично не відрізняється від вельбарського. У новому культурному середовищі старі традиції зазнали деяких прогресивних змін. На черняхівських пам'ятках прясла з декором трапляються частіше, ніж на вельбарських і (особливо) на пшеворських, а замість графічних зображень переважаюче положення займають більш трудомісткі штамповані і пластичні орнаменти.

Прийшлий (вельбарский) компонент є спільним фундаментом чер-

няхівського комплексу прясел на основній території культури, окрім пам'яток типу Черепин—Теремці в регіонах Верхній і Середній Дністер. Основна територія в даному випадку охоплює області «класичних» черняхівських пам'яток «типу Косанів», а також пам'яток «причорноморського типу».

Типи прясел, пов'язані з місцевим дочерняхівським населенням, на цій території представлені слабо, але зате зазвичай концентруються в місцях мешкання цих народів в попередній період. Сарматські типи присутні переважно між пониззям Дунаю і Дністром, також на сході України. Більшість прясел фракійських форм знайдено на пам'ятках Верхнього і Середнього Дністра, в Молдові і Мунтенії. Прясла форм, типових для київської культури (східна гілка ранніх слов'ян) відомі тільки на двох черняхівських пам'ятках Середнього Подніпров'я.

Форми прясел місцевого культурного компоненту складають переважну більшість лише в регіоні Верхній Дністер. Він займає в черняхівській культурі особливе місце, оскільки тут розташована група пам'яток типу Черепин. З цією групою типологічно пов'язані поселення типу Теремці на Середньому Дністрі, де вони розташовані черезсмужно з пам'ятками типу Косанів. Обидві групи об'єднують в «тип пам'яток Черепин—Теремці», за сучасними уявленнями, залишений слов'янами-венедами.

За ознакою переважаючих типів прясел пам'ятки типу Черепин—Теремці виділяються з черняхівської культури так само переконливо, як і за комплексом інших археологічних ознак, і відбивають змішення зубрицьких і фракійських форм при деякій переробці останніх. Це цілком узгоджується з уявленням про складання верхньодністровських старожитностей пізньоримського часу на основі зубрицької і (меншою мірою) липицької культур. Можливо, правий Д.Н. Козак, який пропонував розглядати пам'ятки типу Черепин—Теремці (Черепин—Ріпнів) не як черняхівські, а як прояв пізнього етапу зубрицької культури [Козак 2008, с. 219].

Як вже було сказано, в середині III ст. частина зубрицького населення переселяється у Східну Україну, внаслідок чого виникає група пам'яток «горизонту Боромля». Проте включення цього населення в черняхівську спільність в якості місцевого компоненту дуже сумнівно, оскільки на тих черняхівських пам'ятках, що з'явилися тут у другій чверті IV ст., прясла зубрицьких типів представлені не в більшій кількості, ніж в Центральній Україні, Молдові і Мунтенії.

Впродовж двох віків існування черняхівської культури первинний «вельбарсько-пшеворський» набір прясел змінювався не лише за рахунок додавання деякої кількості форм місцевого населення, але і в процесі власного розвитку. Одним з напрямів цього процесу була уніфікація форм прясел і, як результат, поступове скорочення кількості малочисельних типів і варіантів.

Нові технічні і художні прийоми з'явилися в оформленні прясел. Завдяки тому, що значна їх частина виготовлена на гончарному крузі, черняхівські прясла у більшості мають чіткіші форми і акуратніше виконання, ніж їх ранні прототипи. В орнаментації з'являються сюжети і техніка, запозичені з оформлення посуду — відбитки гребінки і фігурного штампу, а також візерунок, відтисне-

ний фібульною пружиною. Простий фасеточний декор, успадкований від вельбарских прототипів, значно ускладнюється. З'являються прясла, у яких зрізами-фасетками прикрашено лише ребро, а також орнаментовані косими канелюрами. На нашу думку, це прямо пов'язано з поширенням з останньої третини IV ст. моди на гончарні імітації металевих і скляних посудин римського виробництва.

Зі зникненням черняхівської культури (близько кінця першої третини V ст.) в Східній Європі зникають практично усі її традиції. Певний виняток становить невелика група пам'яток типу Чертовицького—Замятіно, що існувала у басейні Верхнього Дона в гунський період (кінець IV — V ст.) [Обломский 2007, с. 75—92]. У матеріалах цієї групи простежені елементи черняхівської культури, зокрема, форми пряселець.

У ранньому середньовіччі на колишній черняхівській території поширюються нові ранньослов'янські культури — пеньківська, празька й колочинська. Для них властиві інші набори і співвідношення форм пряселець і інші прийоми їх декоративного оформлення. Такі ж зміни, пов'язані зі зміною населення, відбуваються в регіонах Верхній і Середній Дністер.

Доводиться констатувати, що комплекс прясел черняхівської культури не залишив в Східній Європі помітних слідів. Це узгоджується з дослідженнями інших матеріальних залишків цієї культури і пояснюється переселенням на захід її основного населення в результаті подій гунської доби.

ВИСНОВКИ

Коротко підсумуємо основні результати дослідження черняхівських прясел.

- Прясельця в давніх суспільствах є частиною жіночої субкультури. У неоднорідних за складом археологічних культурах прясла з різними культурно-етнічними ознаками є показником присутності в них лише жіночої частині того або іншого населення.
- Прясельця є одним з важливих показників культурно-етнічного складу населення черняхівської культури.
- Черняхівський комплекс прясел виник в основному на базі традицій прийшлого населення вельбарської культури (готів) і в меншій мірі пшеворської культури (вандалів). У регіоні Верхній Дністер повністю переважала традиція місцевої зубрицької культури, яка частково проявилися і на Середньому Дністрі. У різних черняхівських регіонах в невеликій мірі помітний вплив інших місцевих культур — фракійських, сарматської та київської.
- Набір типів прясел групи пам'яток Черепин—Теремці на Верхньому і Середньому Дністрі підтверджує генетичну спадкоємність цієї групи від зубрицької культури. Одночасно він демонструє різку відмінність групи Черепин—Теремці від основного масиву пам'яток черняхівської культури.
- Форми прясел групи пам'яток «горизонту Боромля» є додатковим свідченням міграції частині населення з регіону Верхній Дністер у Східну Україну, але не дозволяють

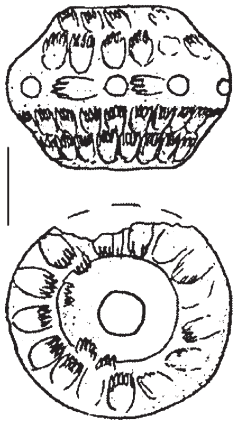
припускати її участі у формуванні черняхівського населення цього регіону.

- Поступова уніфікація форм черняхівських прясел є відображенням процесу стирання рецидивів племінної і кланової відокремленості, відображенням в матеріальній сфері процесу зміцнення єдності «готського народу».
- У ранньому середньовіччі на основній території черняхівської культури (з Верхнім і Середнім Дністром включно) поширюються слов'янські культури (пеньківська, празька, колочинська), які мали цілковито інший набір форм пряселець.

SUMMARY

B.V. Magomedov

CERAMIC SPINDLEWHORLS of CHERNYAKHOV CULTURE



Spinning threads for cloth was one of the most ancient type of domestic production. A necessary instrument for the hand spinning was a spindle which in its simplest appearance is a wooden bar with a weight-flywheel on a lower end. Before the wide introduction of lathe in the late middle ages, which gave the possibility to make a wooden spindle of any form, a spindlewhorl made usually of a clay (ceramic) served as a flywheel.

Spindlewhorls were different in size and weight. The light copies were used for spinning thin thread or thread with the poorly twisted fibres, and vice versa. The spindlewhorls intended for wool thread were of less size and weight than those for flax thread. In woman's burials there are quite often two or more spindlewhorls of the different types and sizes, obviously, as removable details of spindle.

On the ancient cemeteries the spindlewhorls are usually found in women's burial places, as the hand spinning was traditionally considered to be the women's occupation. Thus, such a category of things was a part of women' subculture. So in studying spindlewhorls it is necessary to remember that different types of them could move from one place to another only together with the bearers of this subculture — either with the group of population, or with a separate woman that got into another cultural environment as a captive or a wife. In the new cultural surroundings the tradition to use the habitual type of spindlewhorls could be passed from one woman to another to the next generation, together with the skills of housekeeping.

Spindlewhorls are ordinary finds on the sites of Chernyakhov culture, and they rarely attract researchers' attention.

However the study of the origin of different types (forms) and of their decorative design gives the additional material on the subject of chernyakhov's ethnogenesis and on the interethnic connections.

Overwhelming majority of chernyakhov's spindlewhorls are made of clay with following baking, but other materials were also used. The prestige imported items from glass were probably also used as beads. Bone spindlewhorls were made of the round joints of bones of cattle. The same glass and bone items are well known in Wielbark and Przeworsk cultures. Sometimes the archaeologists found the spindlewhorls cut out of a soft stone — marl. On the whole territory of the Chernyakhov culture we could find spindlewhorls made of the smoothed pieces of ceramic vessels. In this article we did not include such items in statistics, because they do not bear a cultural specificity.

Much rarer that spindlewhorls there were other details of wooden spindles found at excavations. In order to give a spindle the vertical position there was a simple loop or metallic hook on the upper part of spindle (scheme 1) which fastened a thread. In chernyakhov's funeral complexes such miniature hooks were found together with spindlewhorls. The same «pins» («Krückennadel», «Spindelhaken») were widespread in Central and North Europe, including Przeworsk and Wielbark cultures. Wooden spindles were sometimes decorated with the short metallic tubes (binding).

The subject of our research is ceramic spindlewhorls initially made as a detail of spindle [1]. Many chernyakhov's spindlewhorls are the handicraft products of the pottery workshops. A regular geometrical shape, a composition of clay and even gray-colored baking in a furnace tells us that they were made simultaneously with a tablewares or, rarer, with kitchen utensils. In the burial places there could be met some poorly-baked spindlewhorls. Such items, as well as some part of tableware in a funeral inventory, could be produced especially for the funeral purpose, without the compliance with the technology. Handmade spindlewhorls are usually not so accurate, their baking is uneven. Among them there are more deviations from traditional types.

The aim of this work is to find out the origin of separate forms of chernyakhov's spindlewhorls and methods of their decorative design as one of indicators of cultural-ethnic structure of population. For this purpose we used the finds of analogous spindlewhorls from the sites of preceding and neighboring archaeological cultures. Presently the most researchers give the leading role in the creation of the Chernyakhov culture to the migrants from a north-west — to the bearers of Wielbark and, in less degree, of Przeworsk cultures. In the western part of Central Ukraine the substrate population could be presented by the remainders of the Late Zarubintsy tribes (although there is no reliable archaeological data about their contacts with the newcomers yet), and in the Middle Dnieper Region and further to the east — by the population of the Kiev culture and by the sites of «horizon Boromlya». A population of Lipitsa and Zubritska cultures was a predecessor of the Chernyakhov culture on its western outskirts; on the south-west there were the Thracian people — Gets and Dacians. Nomadic Sarmatians-Alans inhabited the south-eastern steppes, and they stayed the neighbours of «Chernyakhovians» till the end of the Roman epoch.

1 The separate published parts of this work [Магомедов 2014a; 2014b; Magomedov 2015] are presented in this edition with improvement.

CHAPTER I

CLASSIFICATION of FORMS and DECORATIVE DESIGN of CHERNYAKHOV'S SPINDLEWHORLS

Systematization of spindlewhorls within the framework of the whole Chernyakhov culture has not been worked out till now. Some more or less detailed attempts have been done for small regions [Баран 1981, с. 102; Никитина 2008, с. 84—86, Строцень 2008, с. 106—107] or for separate large sites (the settlement and the cemetery Budeşti, the settlement Zhuravka, the cemetery Cherneliv-Ruskiy [Vornic 2006, pp. 191—193; Обломский 2010, с. 163; Тиліщак 2013]). There were publications with systematization of spindlewhorls in some cultures that are of interest to us as they are contiguous to the Chernyakhov culture in terms of time or territory [Петрашенко 1988; Обломский 1991, с. 53—55, 104—107; Шарова 2004; Chytrб 2011]. For the more distant ages this subject has been successfully addressed in the study of spinning of the Scythian population of Ukraine in the 7th—3rd centuries BC. [Гаврилюк 1987, с. 119—123; Щербань 2007, с. 36—58]. The last work contains the interesting observations about making and using of spindlewhorls, regardless of their origin. It also contains the most complete bibliographic information on the subject of research.

The decorative design of spindlewhorls attracted the attention of researchers only in the rare cases of its unusual look, and, as a rule, the researches described them without analyses. We considered as much as possible the experience of our colleagues in description of spindlewhorls, particularly for denotation of their separate parts. We apply well-established terms like a base (founding), lateral side, lateral rib, a channel (scheme 2).

We reviewed the pictures of a few thousand spindlewhorls of the Chernyakhov culture. We took 930 copies from the complete publications of sites, and also sometimes from the archived reports, and used it in our statistical calculations. The finds came mainly from cemeteries. Unfortunately the great part of material is not suitable for statistical processing. In some publications it is impossible to define the type of spindlewhorls, as their pictures were given without cuts and sometimes in position «look from above» only. Often the materials of settlements were published selectively. We used the pictures from such incomplete publications only for creation of typology. Of course our statistics cannot be fully accurate when we apply the materials from multi-layered settlements, where spindlewhorls from other cultural-chronological context could get into the number of chernyakhov's finds

In this work we aimed to present on the pictures and on the maps all variety of forms and decoration of chernyakhov's spindlewhorls, as well as analogies to them from other cultures (fig. 1—16). The chernyakhov's sites with the finds of spindlewhorls are presented on the map divided to regions (fig. 17). Earlier we offered the segmentation of the territory of the Chernyakhov culture into cultural-geographic regions according to the signs of similarity in house-building, funeral ceremony, types of ceramics, also taking into account their chronology [Магомедов 2001b, с. 17—18].

Here the division into regions is slightly different, in accordance with the task of this work and with the presence of sufficient supply of archaeological material. Here are regions with the conditional names: Central Ukraine, North-Western Ukraine, Upper Dniester, Middle Dniester, Eastern Ukraine, Black Sea Region, Moldova, Muntenia (or Wallachia).

It should be remembered that the amount of spindlewhorls taken into account in our tables is relatively small for some regions (for Upper Dniester, Muntenia and Black Sea Region there are from 35 to 51 units). Therefore our observation could suggest only the preliminary conclusion. The region Transylvania practically is not examined in this work, because we could not find the sufficient number of valuable images of spindlewhorls in the complete publications of sites.

I.I. Typological scheme of spindlewhorls

Traditionally the typological division of spindlewhorls is based on their geometrical form. Using this tradition we distinguish the following species in the category «ceramic spindlewhorls of the Chernyakhov culture»:

1) **species A** — biconical spindlewhorls;
2) **species B** — conical spindlewhorls;
3) **species C** — spherical spindlewhorls;
4) **species D** — cylindrical spindlewhorls;
5) **species E** — spindlewhorls with the ledged base;
6) **species F** — spindlewhorls of the «bulbous» form.

Practically all chernyakhov's spindlewhorls fit into this chart, except for a few copies that are of «unique forms». The spindlewhorls can differ within species in a form of their base, in presence or absence of base, in a form of lateral side and rib, in the proportional ratio of parts. Accordingly the species are divided to groups and subgroups, and subgroups are divided further to types and their variants (if necessary). Types or variants are the last (the smallest) clusters in the typology scheme of chernyakhov's spindlewhorls. They correspond to the concept «form» that could be identical to the forms of spindlewhorls in other archaeological cultures. In all our typology we counted 32 forms of spindlewhorls (including unique forms). The number of forms might increase in the future when the new materials are accumulated.

Quantitative indexes and percentage for collections from sites are presented for all available forms in statistical tables (tab. 1—4). Spindlewhorls of unique forms (8 units) as well as spindlewhorls with a complex plastic ornament, which could not be easily attributed to the certain species or type (11 units), are presented in quantitative indexes only. The last ones are considered in the next paragraph.

Typological scheme of chernyakhov's spindlewhorls, the varieties of their forms and analogues from the other cultures are presented in the russian text and on the illustrations: schemes 3—5, fig. 1—11.

1.2. Kinds of decorative design of spindlewhorls

Approximately, on average 9—10 % of spindlewhorls from the well-researched large chernyakhov sites have the decorative design. Most popular kinds of decoration are graphic, pressed and plastic, sometimes in combination. Besides, there is one copy with incrustation made from the pieces of glass. Spindlewhorls with all kinds of decoration and analogues from other cultures are presented on a fig. 12—15.

A graphic decoration is the engraved or polished lines which usually make some ornamental compositions. In most cases zigzags look like star-shaped figures from above (motif «zigzag—star»). Non-ornamental images or other signs are rarely met. A copy from the settlement Sinitsa has an image of two swastikas (fig. 12, *17*). However there are some doubts concerning cultural belonging of this spindlewhorl, because the similar finds are known in the Pen'kovka culture of Early Middle Ages. The spindlewhorl from the cemetery Leţcani has the gothic runic inscription (fig. 12, *18*).

A pressed decoration is done often by the use of bar (pointed ornamental pattern). There were also used prints of spring from fibula, prints of comb and very rarely prints of the special stamp (fig. 13, *27*).

A plastic decoration is the change of form of spindlewhorls by cutting away small pieces of clay or by deep pressings into the surface. It makes the faceted surface of different degree of complexity. Slanting and vertical channels were used also.

CHAPTER 2

ORIGIN and DEVELOPMENT of CHERNYAKHOV'S SPINDLEWHORLS

2.1. Regional features of spreading of spindlewhorls

Statistics show that species A fully prevail among chernyakhov's spindlewhorls (biconical form — 80.8 %). Then follow less numerous species: B (conical spindlewhorls — 7.1 %), C (spherical spindlewhorls — 6.6 %), D (cylindrical spindlewhorls — 3.7 %). Most probably the rate of species D is understated here, because disc-shaped spindlewhorls look very much like spindlewhorls made from pieces of wares (the last ones we did not include in statistics). Rare species E and F number just few copies of spindlewhorls (0.7 and 1.1 %). Unique forms are presented by one or two copies.

Central Ukraine. Percentage of forms is close to the average ratio of the Chernyakhov culture. Some rare forms were found only here: variant A121b, types A212 and B221. In addition, the spindlewhorls decorated with slanting channels are often met in this region.

North-Western Ukraine. Distribution of spindlewhorls' forms is close to the average ratio, but the percentage of species F is higher due to the unique features of cemetery Cherneliv-Ruskiy.

Upper Dniester. Distribution of spindlewhorls' forms marks this region out of the total picture of the Chernyakhov culture, even considering the small amount of the collected objects. The ratio of species A (biconical spindlewhorls)

is most low here — 34.3 %. Moreover, within species A the subgroup A11 (biconical spindlewhorls with concave bases) has the lowest ratio — 33.3 %, and subgroup A13 (biconical spindlewhorls without bases) — has the highest ratio — 41.7 %, if we compare it with other regions. Species B (conical spindlewhorls), which is not numerous for the whole culture, prevails in this region — 51.4 %. Another not numerous species C (spherical spindlewhorls) also shows here the highest ratio (14.3 %). In addition, unlike in other regions, there are practically no spindlewhorls with decorative design.

Middle Dniester. Distribution of forms is close to the average, but we assume that for some positions there is the influence of the Upper Dniester region: the ratio of species A (biconical spindlewhorls — 73.5 %) is lower and the ratio of species B (conical spindlewhorls — 14.7 %) is higher due to the peculiarity of settlements Dobrinivtsi and Teremtsi.

Eastern Ukraine. Distribution of forms is close to the average, but the ratio of species C is slightly higher (8.9 %). The regional feature is also noticeable in decorative design: spindlewhorls with complicated facets have been found more often here.

Black Sea Region. Distribution of forms is close to the average. The only difference is plenty of spindlewhorls made from amphora crocks (which did not affect our calculations).

Moldova. Distribution of forms is close to the average. Spindlewhorls decorated with the pressed pointed ornament and those with simple facets are presented in Moldova more often than in other regions.

Muntenia. The ratios are close to the average. The percentage of spindlewhorls of species B is high (20.5 %) mainly because of the peculiarity of the cemetery Drageneşti-Olt.

The spindlewhorls from the neighbouring region Transylvania are typical for the Chernyakhov culture, but there is not enough available material to make any typological conclusion.

The difference in typological distribution of spindlewhorls can be observed not only at the level of different regions and sites but it also noticeable on settlements vs. cemeteries. We had the opportunity to compare the data from the sites researched in complex (settlements and cemeteries) in three cases — Voytenki, Budeşti and Bвrlad—Valea Seacă. The result was the same: in general the spindlewhorls of species A prevail as usual on the chernyakhov's sites, but not numerous species B, C and D are met much more often on settlements than on cemeteries (tab. 1).

2.2. Cultural-typological connections of forms of spindlewhorls

Let us examine the connections of forms of chernyakhov's spindlewhorls with the forms of other cultures according to our typological scheme. Biconical spindlewhorls — **species A** — are the only mass species. Within this species there is the predominance of variants A111a (with concave bases — 66.8 %) and A121a (with flat bases — 23.0 %) (tab. 2). These forms also prevail in Wielbark and Przeworsk cultures, however their ratio differs considerably (tab. 6). In «Wielbark» the amount of spindlewhorls of these subgroups differ greatly on cemeteries; the form A121a prevails noticeably on some of most eastern necropolises (Brest-Trishin, Grydek, Cecele). But in

general the quantity of both groups is practically equal (the ratio is 1 : 1). In «Przeworsk» the form A111a prevails significantly (the ratio is 6.4 : 1). In «Chernyakhov» this form prevails with the ratio almost two times less (2.9 : 1). These digital indicators let us to suppose that the mentioned variants of biconical spindlewhorls appeared in the Chernyakhov culture together with a wielbark's population and with the evident participation of przeworsk's component.

Spindlewhorls of variant A111b also have analogies in Wielbark and Przeworsk cultures. And since the wielbark's finds came from relatively late sites of Volynien (Ditinichi, Khrinniki), the przeworsk's origin of this form is most probable.

The types A112 and A122 have a common characteristic sign — concave lateral sides, but they have different form of base. Both forms are characteristic for the Wielbark culture, where they are, probably, the heritage of the preceding Oksywie culture.

Spindlewhorls of variant A121b with the large diameter of channel (9—14 mm) are the only form which came undoubtedly from the Kiev culture. Later, in the period of Early Middle Ages, the similar spindlewhorls spread to the sites of some cultures of the Forest zone of Eastern Europe which are attributed to the Eastern-Baltic circle.

The sub-group A13 consists of the types A131 and A132. Both types take the same area on the chernyakhov's territory. Their appearance is related partly to the wielbark's heritage, partly to the carpean-thracian traditions (judging by the concentration of finds in the river basins of Dniester, Prut and Lower Danube).

Among spindlewhorls of group A2, according to analogies, one type (A211) came from Przeworsk culture, two types (A212 and A22) — from Wielbark culture.

Spindlewhorls of **species B** (conical) are known in different regions, but more often they are met on the sites of Western Ukraine. Out of taken into account 65 conical spindlewhorls 28 copies (43 %) were found in the regions of Upper and Middle Dniester (tab. 1).

Some forms of conical spindlewhorls practically coincide in different cultures, therefore they could come to the chernyakhov's population from different sources. Many forms of chernyakhov's conical spindlewhorls have analogies in Zubritska culture, more often in parallel with Przeworsk culture (forms B112a, B113a, B212, B213), and only at times in parallel with Sarmatians culture (B211). Most of these forms are also detected in the group of sites of «horizon Boromlya» (B113a, B113b, B212, B213).

Conical type B112b and partly types B121a and B122a have a thracian's origin. However the form B121a is also known at Sarmatian of Romanian Moldova, and the form B122a is known at Sarmatians of Don river. Therefore, for cultural-ethnic definition of concrete finds of «alternative» forms B121a and B122a we need to consider their geographical location. For the regions of Upper and Middle Dniester the thracian's origin of them is most probable. But these forms do not have the only cultural-ethnic definition in the zone of presence of sarmatian features on the chernyakhov's cemeteries — in the regions Muntenia and North-Western Ukraine. In Eastern Ukraine, where the thracian's influence is doubtful but the steppe's border is a short way off, they are most probably connected with the presence of sarmatian element.

The same varied approach we need to apply when we examine the problem of origin of forms B111a and B211. The majority of such spindlewhorls (from Western Ukraine) is connected with przeworsk's and zubritska's traditions, but the copies from sites of Moldova, Muntenia and Black Sea Region could have the sarmatian roots. The origin of spindlewhorls of conical types B111b, B121b, B122b is related to Sarmatians more definitely.

Species C (rounded form) is known in small numbers at different ancient people. The type C21, most popular among chernyakhov's antiquities, is met more often in the Wielbark culture too. Almost all spindlewhorls of type C12 (spherical form without bases) are found in the south-western regions of the Chernyakhov culture (Upper and Middle Dniester, Moldova, Muntenia). In a previous period this was a zone of settlements of thracian's people with whom the origin of this type could be possibly linked.

Spindlewhorls of not numerous **species D** (cylindrical form) are related most probably to the Wielbark culture.

Rare **species E** and **F** came from Przeworsk culture, although a type F1 has been possibly adopted by this culture.

2.3. Cultural-ethnical components of chernyakhov's complex of spindlewhorls

Forming of typological spectrum of chernyakhov's spindlewhorls was conditioned by cultural-ethnic traditions of basic population, and also by influence of traditions from groups of people who entered the local society from the foreign surroundings. We considered the most credible sources of forms of spindlewhorls of the Chernyakhov culture. For evidentness we made a table where chernyakhov's forms of spindlewhorls is grouped to cultural-ethnic types to which they belong fully or partly (fig. 16).

Practically all researchers of chernyakhov's antiquities do not doubt now the polyethnical structure of population of this culture, although they have different opinions on degree of participation in it of different cultural-ethnic components. These components are divided to «alien» («north-western»), to which the German cultures belong, and to «local» (indigenous), bearing in mind the cultures of Early Slavs, Thracians, Sarmatians and Late Scythians.

The Eastern German cultures (Wielbark and, in less degree, Przeworsk) are most close to the Chernyakhov culture relying on the complex of archaeological signs. Modern researchers attribute the wielbark's antiquities of the Early Roman period (Lubowidz phase of Wielbark culture) to the Goths. This people divided into two parts at the beginning of the Late Roman period. The greater part transmigrated to the South-East and became a basis for the Chernyakhov culture. A population that remained on the former living space has got the name «Gepidians» (Cecele phase of Wielbark culture) [Магомедов 2001a]. Przeworsk culture is bound to the people of Vandals [Магомедов 2001b, с. 118—119]. Some common features which this culture has with the Wielbark culture are explained not only by their territorial closeness but also by partial mixing of population. The wielbark's population (the Goths) occupied the part of przeworsk's territory on their way from the Southern Baltic to the south, to the «first area of ex-

pansion» [Бірбрауер 1995, с. 36—37]. In many cases they used the old cemeteries for the burial places. There took place a certain mixing of bearers of both cultures — the Goths and the remaining Vandals. In regard to defeated population we can speak mainly about the women, because they usually were taken into the families of invaders, while the fate of men could be quite different. The new groups of Vandals joined the Goths after the migration into the territory of the «second area of expansion» (the territory of the Chernyakhov culture) during the Goth's wars with Empire in the second of third of the 3rd century. The consequence of it is the rare burials-cremations of przeworsk's type (with a weapon) on some chernyakhov's cemeteries.

In the Wielbark and Przeworsk cultures the majority of spindlewhorls is presented by biconical form, while the conical, spherical and cylindrical forms are met much rarer. The different traditions were formed in other German tribes of the Roman time. In some cultures of Central Europe the majority of spindlewhorls are of the conical form (in the literature the analogues of our group B2 are also called «biconical asymmetrical spindlewhorls»). It is Luboszicka culture (probably Burgundians) [Domański 1979, s. 62, rys. 3; 7; 9; 10; 16; 18; 21; Die Germanen … 1983, Abb. 29; 71; 153; 155], and also the culture of tribe of Quadi on the territory of modern Czech Republic and Slovakia, where the conical forms of spindlewhorls in the necropolises make no less than 70 % [Chytrб 2011, s. 392].

The chernyakhov's spectrum of spindlewhorls' forms is very similar to the spectrum of Wielbark and Przeworsk cultures (tab. 5). The biconical form (species A) fully prevails in all three cultures, making from 80.8 to 83.8 % of the number of spindlewhorls. Less numerous and rare species' (B, C, D, E, F) also give us close enough ratio. However it is possible to trace the prototypes of many chernyakhov's forms in Wielbark and Przeworsk cultures separately.

Majority of chernyakhov's biconical forms have the **wielbark's** origin fully or partly: fully — A112, A122, A212, A22; almost fully — A121a; partly — A111a, A111b, A131, A132. The conical forms are presented in this culture as single copies, mainly in the eastern region, and they have in some cases the obvious przeworsk's origin. The rounded spindlewhorls of species C have probably the connection with Wielbark culture (type C21 mainly and types of C11 and C22 partly), as well as majority of spindlewhorls of species D (cylindrical form) and also unique forms 3, 4, 6 (fully) and 2 (partly).

Some of biconical forms of spindlewhorls have the **przeworsk's** origin: fully — A211; partly — A111a, A111b; in a small degree — A121a. The origin of many chernyakhov's conical types is connected with Przeworsk culture. The conical forms B111a, B112a, B113a, B212 and B213 are also met in Zubritska culture, and some of them — on the sites of «horizon Boromlya» as well. These forms came to the Chernyakhov culture in most cases not directly but through the Zubritska culture, and they are met, as a rule, in the small area of sites of Cherepin—Teremtsi's type on Upper and Middle Dniester (see below). However the finds from sites that did not have the noticeable zubritska's influence can be probably bound with the direct descendants of przeworsk's population. Thus we can include into the przeworsk's forms the finds from North-Western and Central Ukraine, and maybe also from some sites of Midd-

le Dniester. Rounded spindlewhorls of types C11 and C22 could be possibly attributed to the przeworsk's forms partly. The rare chernyakhov's species E are connected with the Przeworsk culture directly. The same origin seems to be most probable for the rare species F, and also for the unique form 5 and form 2 (partly).

Among two mentioned German cultures the more weighty contribution to the chernyakhov's typological spectrum of spindlewhorls can be attributed to the Wielbark culture, although it is difficult to confirm it in figures. The overwhelming majority of chernyakhov's forms of spindlewhorls, including mass forms, have appeared on the territory of the Chernyakhov's culture together with its basic population — the former bearers of Wielbark cultures who has also included the przeworsk's ethnic element (and this element was originally introduced probably mainly by women, for the reasons which we mentioned above). This reasons can explain the fact that przeworsk's traditions in the chernyakhov's environment became more noticeable in all categories of women's subculture. It is not only the forms of spindlewhorls but also the handwork ware for the domestic use. The origin of such typical for Chernyakhov culture type of vessels as three-handled vases is also bound with Przeworsk culture. They are usually found in women's burials. Many researchers consider these vessels as religious objects. We can suppose that three-handled vases were initially the object of przeworsk's (vandalian's) women's subculture, and they belonged to the performers of the ceremonies related to the domestic cults. Vandalian's women introduced this cult together with its attribute into the Goths' communities, where it took root well.

Zubritska culture (the second half of 1st — the middle of 3rd century) was represented, probably, by the Slavs-Venedi. This culture was formed as a result of merger of eastern branch of Przeworsk culture and Zarubintsy culture, with participation of Lipitsa culture, and it transformed later to the Upper Dniester's group of chernyakhov's sites [Козак, 2008 с. 18—19, 30—39] (in our terminology the last one is called «Cherepin—Teremtsi group»). Biconical and conical spindlewhorls prevail on zubritska's sites. Rounded and cylindrical spindlewhorls was used as well. Most forms have analogies in the Przeworsk culture.

Several conical forms in our typological scheme of chernyakhov's spindlewhorls have the analogies in Zubritska culture, in most cases in parallel with Przeworsk culture (forms B112a, B113a, B212, B213), sometimes in parallel with Przeworsk and Sarmatian cultures (B111a), or with Sarmatian's (B211), and in one case the analogy is only in Zubritska culture (B113b). Spindlewhorls of these types are typical for the chernyakhov's settlements of the Cherepin—Teremtsi group on Upper and Middle Dniester. A likeness of spindlewhorls of Cherepin—Teremtsi group and sarmatian's spindlewhorls is casual. But presence of the common forms with Przeworsk culture is well explained by the origin of this group, where przeworsk's traditions were saved through Zubritska culture. In this group there are also the types of spindlewhorls that are characteristic for the Thracian culture, which were inherited from the Lipitsa culture. The Cherepin—Teremtsi group has also got from the local Zubritska and Lipitsa cultures the biconical forms A111a, A121a, A131, A132 which are specific for alien German population as well.

A not numerous group of sites of **«horizon Boromlya»** (the middle of 3rd — first fourth of 4th century) existed in Eastern Ukraine before the appearance of Chernyakhov culture in this region. The researchers suppose that this group appeared as a result of migration of part of population from Upper Dniester under the pressure from Goths. This population brought some specific types of the handmade ware, fibulas and dwellings. The origin of this population is connected with the late phase of Zubritska culture. This statement agrees with the fact of presence or even predominance of zubritska's forms of the conical spindlewhorls (B113a, B113b, B212, B213) on some settlements of the group «horizon Boromlya».

There is a question concerning the possibility to include the representatives of «horizon Boromlya» into chernyakhov's communities. However the forms of spindlewhorls which are similar in these cultural formations (there are types B113a, B113b, B212, B213 and maybe the derivatives from them B221 and B222) are known in Eastern Ukraine only on one chernyakhov's site (Voytenki — types B113a and B222). Other copies (except the «zubritska's» regions of Upper and Middle Dniester) are found far from the area of the group «horizon Boromlya»: in Central Ukraine, in Moldova and in Muntenia. In my opinion, the appearance of «zubritska's» types on the chernyakhov's sites is not connected with «horizon Boromlya», and their origin can be explained rather by direct influence of the przeworsk's traditions or, less probably, the traditions of the population of Upper Dniester.

Two **gets-thracian** archaeological cultures have preceded the Chernyakhov culture on the territory of Romania: in Muntenia there was «free Dacians culture» (Militari-Chilia culture, 2nd—4th century) and in Moldova — «Carpeans culture» (Poieneşti-Vartescoiu culture, 2nd—3rd century). The conical shape of spindlewhorls prevailed in both cultures, and also there were biconical, cylindrical and spherical forms.

Lipitsa culture (1st — the middle of 3rd century) is usually added to the thracian's circle, but there is a przeworsk's component in it as well. Its sites are known on Upper and Middle Dniester. The not numerous published materials show us that the biconical and rounded forms of spindlewhorls prevail on these sites, the conical and cylindrical forms are also well spread.

Thracian's analogies for the chernyakhov's types of spindlewhorls came mainly from Dacian culture and only in one case from Lipitsa culture. We connect the conical forms B112b, partly B121a and B122a, with the population of the thracian's origin. Majority of such spindlewhorls was found in the places of permanent habitation or penetration of Carpeans and Dacians tribes. They are known in the chernyakhov's group of sites Cherepin-Teremtsi in the regions of Upper and Middle Dniester. They are rarely met in North-Western Ukraine and in Romanian Moldova, and considerably more often in Muntenia. This list of forms of thracian's origin could be increased for the account of conditionally thracian's types A131 and A132. Analogies for these types (rare enough) are in thracian's cultures — Carpeans and Lipitsa. We can assume the same origin for the type C12 (spherical spindlewhorls without bases) — judging by the finds in the south-west regions of Upper and Middle Dniester, Moldova, Muntenia.

The Carpathian barrows culture existed simultaneously with the

Chernyakhov culture and abutted upon its regions Moldova, Upper and Middle Dniester. In publications there are not many spindlewhorls presented in this culture. All of them have analogies in Chernyakhov, Przeworsk and Wielbark cultures, but with different ratio. It is not possible to distinguish he Carpathians types of spindlewhorls on chernyakhov's sites because of identity of forms.

In Middle Dnieper region and in Eastern Ukraine the chernyakhov's population occupied the territory of forced out **Kiev culture** (3rd — the middle of 5th century). Its population is considered to be Early Slavs. Biconical spindlewhorls with a wide channel, most close to our variant A121b, are the most popular form for this culture, and it is important ethnic-cultural sign. On the sites of eastern region of Kiev culture there are spindlewhorls of chernyakhov's form A111a. They can indicate the contacts with the population of the sites of «horizon Boromlya» group or with the Chernyakhov culture. Four finds of spindlewhorls of «kiev's» form A121b on the chernyakhov's sites in Middle Dnieper region evidence the inclusion of Kiev culture's women into local communities.

Sarmatians, who led a nomad's life in steppes from Lower Danube to Azov Sea, used mainly the conical spindlewhorls. The forms B111b, B121b, B122b, a unique form 7, partly the forms B111a, B122a and B211 and maybe also B121a are the sarmatian's contribution to the Chernyakhov culture. The finds of these spindlewhorls came mainly from a territory between Dniester and Danube and from Eastern Ukraine — i. e. from areas where the contacts between chernyakhov's and sarmatian's population do not cause a doubt.

But on the majority of chernyakhov's sites the Sarmatian types of spindlewhorls are not educed, although some signs of funeral rite of this people can be met on cemeteries quite often, especially in North Black Sea Region. We can assume that there were many cases that sarmatian's men (probably warriors) joined the chernyakhov's communities. They brought with them the traditions related to masculine subculture: a funeral ceremony, a suit, an armament, but in no way the traditions related to woman employment — spinning.

One form of chernyakhov's spindlewhorls which looks like a miniature models of pots (unique form 6) has analogies in the **culture of Western Balts**. Such spindlewhorls are found in Middle Dnieper Region and in Eastern Ukraine. Chernyakhov's-Balts connections are traced archaeologically very poorly, but they are visible enough anthropologically [Магомедов, Рудич 2008, с. 252—253]. It might be that the chernyakhov's descendants of wielbark's migrants of balts origin have saved the remainders of balts traditions in the conservative woman subculture.

It is possible to reflect the proportion of different cultural-ethnic elements in the total array of chernyakhov's spindlewhorls in figures based on the collected statistical data (tab. 1—4). We do not take into account here the spindlewhorls of species C and D as not informative enough in cultural-ethnic concern. We include the spindlewhorls, that are the forms of alternative origin, to a certain cultural-ethnic type taking into account the place where they were found. The wielbark's and przeworsk's types are counted together, as it is impossible to identify the origin of mass forms A111a and A121a. In

spite of approximateness of input data, it gives us quite objective view on the origin of the studied objects. The result of calculations looks roughly as follows:

wielbark's and przeworsk's types	91.0 %,
zubritska's types	3.0 %,
kiev's type	0.2 %,
thracian types	3.0 %,
sarmatian types	3.0 %.

The map (fig. 18) gives us the graphic idea (even if it is quite conditional) about the spreading of cultural-ethnic types of spindlewhorls on the chernyakhov's territory. Conventional signs mark only the «local» types (zubritska's, kiev's, thracian, sarmatian). The results of mapping allow us to conclude that the most mixed population resided in the western and southwestern regions of the chernyakhov's area.

The origin of the methods of decorative design of the chernyakhov's spindlewhorls seems to be less difficult. Most analogies are present in Wielbark and, in less degree, in Przeworsk cultures. The complex graphic motif «zigzag—star» has been known in these cultures since the stage B2/C1 (second half of 2nd century — wielbark's cemetery Brest-Trishin and przeworsk's Opatyw) (fig. 15, *4—8, 16—18*). I suppose that this motif has appeared originally on the wielbark's spindlewhorls (motif of zigzag is very typical for wielbark's ceramics), and then moved to Przeworsk culture.

CHAPTER 3

PROCESS of FORMATION of CHERNYAKHOV'S COMPLEX of SPINDLEWHORLS

The study of chernyakhov's complex of spindlewhorls' forms shows that it consists (as well as the whole archaeological culture) of alien and local (indigenous) components. The overwhelming majority of spindlewhorl's types belongs to the alien component which reflects the traditions of population of Wielbark culture — the Goths people. By the time when the Chernyakhov culture was set up (second third of 3rd century) the complex set of spindlewhorls' forms had included the noticeable amount of przeworsk's elements and remains of balts elements. Probably, the przeworsk's element has increased later on, due to the arrival of the new small vandals groups.

The traditions of decorative design of chernyakhov's spindlewhorls are related first of all to the wielbark's traditions. The przeworsk's decorative design added its influence as well, but it was practically indistinguishable from the wielbark's one. The old traditions have got some progressive changes in the new cultural environment. The spindlewhorls with a decoration are met more often on the chernyakhov's sites than on wielbark's and especially on przeworsk's, and more laborious pressed and plastic ornaments took place instead of graphic images.

The newcomer's (wielbark's) component is a common basis for the chernyakhov's complex of spindlewhorls on the whole territory of this culture, except for the sites of Cherepin—Teremtsi

type in the regions of Upper and Middle Dniester. The main territory includes in this case the areas of «classic» chernyakhov's sites «Kosanov type», and also sites «Black Sea Region type». The spindlewhorls' types related to the local pre-chernyakhov's population on this territory are presented poorly, instead they concentrate usually on the places of habitats of these peoples in a preceding period. Sarmatian types are present mainly between the lower reaches of Danube and Dniester and on the east of Ukraine. Most of spindlewhorls of thracian's forms are found on the sites of Upper and Middle Dniester, in Moldova and Muntenia. Spindlewhorls of forms typical for Kiev culture (eastern branch of Early Slavs) are known only on two chernyakhov's sites in Middle Dnieper Region.

The places where the overwhelming majority of spindlewhorls' forms belongs to the local cultural component are only in the region of Upper Dniester. This region takes a special place in the Chernyakhov culture, because of the group of sites of Cherepin type located there. This group is united typologically with the settlements of Teremtsi type on Middle Dniester, where also the sites of Kosanov type are located. Both groups are united into «the sites of Cherepin—Teremtsi type» which belongs, according to the modern conception, to Slavs-Venedi.

The sites of Cherepin—Teremtsi type stand out against a background of the Chernyakhov culture for the signs of prevailing types of spindlewhorls (as well as for the complex of other archaeological signs), and they reflect a mixture of zubritska's and thracian's forms. It agrees with an idea that the antiquities of Upper Dniester of Late Roman period have been formed on the basis of Zubritska and (in less degree) Lipitsa cultures. Perhaps Denis Kozak's opinion was correct, when he suggested to consider the sites of Cherepin—Teremtsi type (Cherepin—Ripniv) to be not chernyakhov's, but as a display of the late stage of Zubritska culture [Козак 2008, с. 219].

As it was said before, the part of zubritska's population has moved to the Eastern Ukraine in the middle of 3rd century, and the result of it was the appearance of the group of sites «horizon Boromlya». In the second fourth the 4th century the Chernyakhov culture spread there. However it is doubtful that zubritska's component has been included into chernyakhov's population on this territory, because the spindlewhorls of zubritska's types are presented on the chernyakhov's sites of Eastern Ukraine in same poorly amount as in Central Ukraine, in Moldova and Muntenia.

The initial «wielbark's-przeworsk's» set of spindlewhorls has been changing during two centuries of the existence of the Chernyakhov culture not only due to the addition of several forms from local population but also due to the process of its own development. One of the tendency of this process was the unification of spindlewhorls' forms and, as a result, a gradual reduction of amount of types and variants.

New technical and artistic methods have appeared in design of spindlewhorls. Due to fact that the considerable part of them started to be made on a potter's wheel, the majority of chernyakhov's spindlewhorls has gained clearer shape and neater workmanship than their earlier prototypes. The ornamentation become enriched due to the styles and techniques adopted from the design of tableware — prints of comb and of figured stamp, and also a pattern printed by a fibulas spring. The simple

faceted decoration inherited from wielbark's prototypes became much more complicated. There appeared the spindlewhorls that had cuts- faceted decoration only on the rib, or were decorated with slanting channels. To our opinion, it is directly connected with the coming fashion for the pottery imitations of metallic and glass vessels of the Roman production starting from last third of 4th century.

Practically all traditions of the Chernyakhov culture vanish simultaneously with the disappearance of the culture itself (the end of first third of 5th century). A certain exception is the small group of sites Chertovitskoye—Zamyatino type, which existed in the pool of Upper Don in a Huns period (end of 4th—5th century) [Обломский 2007, с. 75—92]. Materials of this group contain the elements of the Chernyakhov culture, noticeable in the forms of spindlewhorls in particular.

The new cultures of Early Slavs arose on the former chernyakhov's territory in Early Middle ages — Pen'kovka, Prague and Kolochin cultures. Their population had different sets and different ratio of spindlewhorls' forms, and they also applied other types of decorative design. The same changes related to change of population took place in the regions of Upper and Middle Dniester.

We have to state that a complex of spindlewhorls of the Chernyakhov culture did not make a noticeable trace in Eastern Europe. It agrees with researches of other material remains of this culture, and it is explained by migration of its basic population westward as a result of events in Huns epoch.

CONCLUSIONS

Now we sum up briefly the main results of our research of chernyakhov's spindlewhorls.

- In the ancient societies the spindlewhorls were the part of woman's subculture. The spindlewhorls with different cultural-ethnic signs which we found in the complex archaeological cultures indicate the presence in them only the woman's part of this or that population.
- Spindlewhorls are the important indicator of cultural — ethnic structure of population of the Chernyakhov culture.
- The chernyakhov's complex of spindlewhorls appeared mainly on the base of traditions of newcomers of Wielbark culture (Goths) and. in less degree, of Przeworsk culture (Vandals). The tradition of local Zubritska culture fully prevailed in the Upper Dniester region and partly appeared on Middle Dniester. The influence of other local cultures (Thracian, Sarmatian and Kiev cultures) is noticeable in a small degree in some different chernyakhov's regions.
- Set of spindlewhorls' types of sites Cherepin—Teremtsi' group on Upper and Middle Dniester confirms that this group bears the genetic succession from Zubritska culture. At the same time it shows clearly the difference between the Cherepin-Teremtsi group and the majority of sites of the Chernyakhov culture.
- Spindlewhorls' forms of sites of «horizon Boromlya» group bring the additional evidence of migration of part of population from the region Upper Dniester to Eastern Ukraine,

but it does not allow to assume that migrants participated in forming of chernyakhov's population in this region.

- A gradual unification of forms of chernyakhov's spindlewhorls reflects the process of elimination of tribal and clannish dissociation, as well as the process of strengthening of unity of «Goths people».
- In Early Middle ages the new cultures of Early Slavs (Pen'kovka, Prague and Kolochin cultures) appeared on the former chernyakhov's territory. They had completely different set of spindlewhorls' forms.

Translated by Lidia ORLOVA

ТАБЛИЦЫ

С о к р а щ е н и я (для всех таблиц): **Σ** — сумма; **Неопределенные** — пряслица с пластичным декором, не определенные как виды A—F; **п** — поселение, **м** — могильник. На всех таблицах серым цветом выделены колонки с суммарным нулевым значением.

A b b r e v i a t i o n s (for all tables): **Σ** — sum; **Уникальные формы** — unique forms of spindlewhorls; **Неопределенные** — spindlewhorls with plastic decor, that is not defined as types A—F; **п** — settlement, **м** — cemetery. Columns with a total zero value are highlighted with a grey color in all tables.

Таблица 1. Прясла черняховской культуры. Распределение по видам
Table 1. Spindlewhorls of Chernyakhov culture. Spreading of species'

Памятник	Литература	Σ, виды A—F	Вид						Уни-кальные формы	Неопреде-ленные
			A	B	C	D	E	F		
Центральная Украина										
Великая Бугаевка, п., м.	Петраускас, Шишкин 2013	48	46	1	1	0	0	0	1	0
Велика Снитинка	Магомедов 1992; фонды ФКМ	30	23	2	5	0	0	0	0	0
Деревяна	Кравченко и др. 2007, с. 326—370	14	10	0	3	1	0	0	0	0
Каменка-Днепровская	Сымонович 1955	2	1	0	1	0	0	0	0	0
Канев	Петраускас 1998	3	1	0	1	0	0	1	0	0
Компанийцы	Некрасова 2006	9	7	0	1	0	1	0	0	0
Косаново	Кравченко 1967; Petrauskas 2003	11	10	0	0	1	0	0	0	0
Курники	Магомедов 1999	6	6	0	0	0	0	0	0	0
Легедзино	Магомедов, Диденко 2009; 2010; 2011	39	37	1	1	0	0	0	0	1
Леськи	Смиленко, Брайчевский 1967	4	2	0	1	1	0	0	0	0
Максимовка	Махно 1960, с. 37; по А.Н. Некрасовой	3	3	0	0	0	0	0	1	0
Малополовецкое-2	Кравченко и др. 2007, с. 127—151	6	5	1	0	0	0	0	0	0
Обухов-1, 1а, п., м.	Кравченко и др. 2007, с. 165—419	27	24	0	0	2	1	0	0	0
Переяслав-Хмельницкий	Гончаров, Махно 1957; по А.Н. Некрасовой	5	3	0	2	0	0	0	0	0
Привольное	Кухаренко 1955	10	8	1	0	1	0	0	0	0
Соснова, м., п.	Махно, Сикорский 1989; по А.Н. Некрасовой	15	13	0	1	0	1	0	0	1
Черкассы-Центр	Куштан, Петраускас 2011	13	12	0	0	1	0	0	0	0
Шершни	Магомедов, Гудим-Левкович 1991	3	3	0	0	0	0	0	1	0
	Σ, виды A—F	**248**	**214**	**6**	**17**	**7**	**3**	**1**	**3**	**2**
	%	**100**	**86,3**	**2,4**	**6,9**	**2,8**	**1,2**	**0,4**	—	—

Продолжение табл. 1
Continue of table 1

Памятник	Литература	Σ, виды A—F	Вид						Уникальные формы	Неопределенные
			A	B	C	D	E	F		
		Северо-Западная Украина								
Била	Герета 2007	2	2	0	0	0	0	0	0	0
Кобилля	Строцень 2008; инф. Б.С. Строценя	10	9	0	0	1	0	0	2	0
Малашивци	Строцень 2008; инф. Б.С. Строценя	7	5	0	1	1	0	0	0	0
Петрикивцы	Магомедов, Левада и др. 1992; 1993	6	5	1	0	0	0	0	0	0
Пряжев 1	Винокур 1960, с. 24—29	7	7	0	0	0	0	0	0	0
Ружичанка	Винокур 1979; Гопкало 2012; Демидко 2012	8	7	0	0	1	0	0	0	0
Чернелив-Русский	Ґерета, 2013; Тиліщак, 2013	45	32	3	6	0	0	4	0	1
	Σ, виды A—F	**85**	**67**	**4**	**7**	**3**	**0**	**4**	**2**	**1**
	%	**100**	**78,8**	**4,7**	**8,2**	**3,5**	**0,0**	**4,7**	**—**	**—**
		Верхний Днестр								
Бовшив	Баран, Гопкало 2006, с. 53—66	5	0	4	1	0	0	0	0	0
Демьянив	Баран, Гопкало 2006, с. 66—73	6	2	4	0	0	0	0	0	0
Куропатники	Баран, Гопкало 2006, с. 73—82	2	0	1	1	0	0	0	0	0
Рипнив-II	Баран 1964; Стеблій 2007	7	3	4	0	0	0	0	0	0
Черепин	Баран 1961	13	7	3	3	0	0	0	0	0
Шкло-2	Пелещишин 1999	2	0	2	0	0	0	0	0	0
	Σ, виды A—F	**35**	**12**	**18**	**5**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
	%	**100**	**34,3**	**51,4**	**14,3**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**—**	**—**

Продолжение табл. 1
Continue of table 1

Памятник	Литература	Σ, виды A—F	Вид						Уникальные формы	Неопределенные
			A	B	C	D	E	F		
		Средний Днестр								
Бакота	Винокур, Горішній 1994	8	7	0	0	1	0	0	0	0
Иванковцы	Брайчевский, Довженок 1967	2	2	0	0	0	0	0	0	0
Козлов	Магомедов 1998	7	6	0	1	0	0	0	0	0
Одая	Никитина 1996	2	0	1	0	0	0	1	0	0
Оселивка	Никитина 1988	31	24	4	2	1	0	0	0	0
Романковцы	Никитина 1996; 2008	6	6	0	0	0	0	0	0	0
Добринивци I	Войнаровський 1999; 2013	6	2	3	0	1	0	0	0	0
Теремци	Баран 2008	6	3	2	0	1	0	0	0	0
	Σ, виды A—F	**68**	**50**	**10**	**3**	**4**	**0**	**1**	**0**	**0**
	%	**100**	**73,5**	**14,7**	**4,4**	**5,9**	**0,0**	**1,5**	**—**	**—**
		Восточная Украина								
Билопилля	Некрасова 1994	3	1	1	1	0	0	0	0	0
Боромля, м., п.	Некрасова 2006	15	11	0	3	1	0	0	0	1
Войтенки, м.	Любичев и др. 2005—2010	46	40	1	2	0	0	3	1	1
Войтенки, п.	Любичев и др. 2005—2010	39	26	5	6	2	0	0	0	0
Воскресенське 1	Жаров, Терпиловский 2011, с. 169—170	3	3	0	0	0	0	0	0	0
Головино 1	Обломский 2003	21	18	0	0	1	2	0	0	0
Дубина 1	Жаров, Терпиловский 2011, с. 173—176	2	2	0	0	0	0	0	0	0
Родной Край I	Петренко 1991	3	2	0	0	1	0	0	0	0
Савченкив Яр 1	Жаров, Терпиловский 2011, с. 167—169	3	3	0	0	0	0	0	0	0
Сумы	Махно 1967	1	1	0	0	0	0	0	0	0
Успенка	Некрасова 2006	10	9	0	1	0	0	0	0	2
	Σ, виды A—F	**146**	**116**	**7**	**13**	**5**	**2**	**3**	**1**	**4**
	%	**100**	**79,5**	**4,8**	**8,9**	**3,4**	**1,4**	**2,1**	**—**	**—**

Продолжение табл. 1
Continue of table 1

Памятник	Литература	Σ, виды A—F	Вид						Уни-кальные формы	Неопреде-ленные
			A	B	C	D	E	F		
Причерноморье										
Александровка	Магомедов 1987b	1	1	0	0	0	0	0	0	0
Беленькое	Росохацкий 1988, 1989, 1991	18	16	2	0	0	0	0	0	0
Гавриловка	Сымонович 1955; 1960	15	12	0	2	1	0	0	0	0
Каборга	Магомедов 1979	2	1	0	0	1	0	0	0	0
Каменка-Анчекрак, м., п.	Магомедов 1991, 2004	6	6	0	0	0	0	0	0	0
Коблево	Сымонович 1967, 1979	4	3	0	0	0	1	0	0	1
Луговое	Магомедов, Гудим-Левкович 2003	2	2	0	0	0	0	0	0	0
Фурмановка	Сымонович 1988	3	3	0	0	0	0	0	0	0
Σ, виды A—F		**51**	**44**	**2**	**2**	**2**	**1**	**0**	**0**	**1**
%		**100**	**86,3**	**3,9**	**3,9**	**3,9**	**2,0**	**0,0**	—	—
Молдова										
Будешты, м.	Vornic 2006	51	46	0	1	4	0	0	0	1
Будешты, п.	Vornic 2006	14	9	1	1	3	0	0	0	0
Бырлад—Валя Сяке, м.	Palade 2004	53	49	1	1	1	0	1	1	1
Бырлад—Валя Сяке, п.	Palade 2004	11	5	5	0	1	0	0	0	0
Данчены	Рафалович 1986	17	12	2	2	1	0	0	0	0
Лецкань	Bloşiu 1975	5	4	0	1	0	0	0	0	1
Михэлэшень	Şovan 2005	69	61	0	5	3	0	0	0	0
Слобозия-Кишкэрень (Лазо)	Левинский 1999	6	6	0	0	0	0	0	0	0
Ханска-Лутэрия	Никулицэ, Рикман 1973	8	8	0	0	0	0	0	0	0
Σ, виды A—F		**234**	**200**	**9**	**11**	**13**	**0**	**1**	**1**	**3**
%		**100**	**85,5**	**3,8**	**4,7**	**5,6**	**0,0**	**0,4**	—	—

Окончание табл. 1
End of table 1

Памятник	Литература	Σ, виды A—F	Вид						Уникальные формы	Неопределенные
			A	B	C	D	E	F		
Мунтения										
Дрэгенешть-Олт	Trohani, Zorzoliu 1983	4	0	4	0	0	0	0	0	0
Индепенденца	Mitrea, Preda 1966, p. 43—57	3	3	0	0	0	0	0	0	0
Могошань	Diaconu 1969	12	11	0	1	0	0	0	0	0
Спанцов	Mitrea, Preda 1966, p. 13—42	4	3	0	1	0	0	0	0	0
Тыргшор	Diaconu 1965	21	16	5	0	0	0	0	1	0
	Σ, виды A—F	**44**	**33**	**9**	**2**	**0**	**0**	**0**	**1**	**0**
	%	**100**	**73,3**	**20,0**	**4,4**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	—	—
По всем регионам										
	Σ, виды A—F	**911**	**736**	**65**	**60**	**34**	**6**	**10**	**8**	**11**
	%	**100**	**80,7**	**7,1**	**6,6**	**3,7**	**0,7**	**1,1**	—	—

Таблица 2. Прясла вида А. Распределение по типам и вариантам

Table 2. Spindlewhorls of species A. Spreading according to types and variants

Памятник	Σ	A111a	A111b	A112	A121a	A121b	A122	A131	A132	A211	A212	A22
Центральная Украина												
Великая Бугаевка, п., м.	46	30	0	1	13	0	0	1	1	0	0	0
Велика Снитинка	23	15	3	0	3	0	0	0	0	1	1	0
Деревяна	10	8	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0
Каменка-Днепровская	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Канев	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Компанийцы	7	4	1	0	2	0	0	0	0	0	0	0
Косаново	10	7	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Курники	6	5	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Легедзино	37	32	0	0	4	0	0	0	0	0	1	0
Леськи	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Максимовка	3	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Малополовецкое-2	5	2	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Обухов-1, 1а, п., м.	24	10	0	0	9	2	0	1	2	0	0	0
Переяслав-Хмельницкий	3	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Привольное	8	5	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Соснова, м., п.	13	11	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Черкассы-Центр	12	7	0	0	3	0	1	0	1	0	0	0
Шершни	3	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**214**	**143**	**6**	**2**	**49**	**2**	**1**	**2**	**4**	**3**	**2**	**0**
%	**100**	**66,8**	**2,8**	**0,9**	**22,9**	**0,9**	**0,5**	**0,9**	**1,9**	**1,4**	**0,9**	**0,0**

Продолжение табл. 2
Continue of table 2

Памятник	Σ	A111a	A111b	A112	A121a	A121b	A122	A131	A132	A211	A212	A22
Северо-Западная Украина												
Била	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Кобилля	9	4	0	0	4	0	0	0	0	1	0	0
Малашивци	5	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Петрикивцы	5	4	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Пражев 1	7	5	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
Ружичанка	7	3	0	0	4	0	0	0	0	0	0	0
Чернелив-Русский	32	20	0	0	5	0	2	1	4	0	0	0
Σ	**67**	**43**	**0**	**0**	**16**	**0**	**2**	**1**	**4**	**1**	**0**	**0**
%	**100**	**64,2**	**0,0**	**0,0**	**23,9**	**0,0**	**3,0**	**1,5**	**6,0**	**1,5**	**0,0**	**0,0**
Верхний Днестр												
Демьянив	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Рипнив-II	3	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Черепин	7	1	0	0	1	0	0	3	2	0	0	0
Σ	**12**	**4**	**0**	**0**	**3**	**0**	**0**	**3**	**2**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**33,3**	**0,0**	**0,0**	**25,0**	**0,0**	**0,0**	**25,0**	**16,7**	**0,0**	**0,0**	**0,0**
Средний Днестр												
Бакота	7	1	0	0	5	0	0	1	0	0	0	0
Иванковцы	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Козлов	6	5	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Оселивка	24	17	0	0	5	0	0	0	1	0	0	1
Романковцы	6	4	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
Добринивци I	2	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Теремци	3	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**50**	**29**	**0**	**0**	**17**	**0**	**0**	**1**	**1**	**1**	**0**	**1**
%	**100**	**58,0**	**0,0**	**0,0**	**34,0**	**0,0**	**0,0**	**2,0**	**2,0**	**2,0**	**0,0**	**2,0**

Продолжение табл. 2
Continue of table 2

Памятник	Σ	A111a	A111b	A112	A121a	A121b	A122	A131	A132	A211	A212	A22
Восточная Украина												
Билопилля	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Боромля, м., п.	11	5	0	0	6	0	0	0	0	0	0	0
Войтенки, м.	40	32	0	0	7	0	0	0	0	0	0	1
Войтенки, п.	26	20	0	0	5	0	0	0	0	0	0	1
Воскресенське 1	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Головино 1	18	14	0	0	2	0	0	0	0	0	0	2
Дубина 1	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Родной Край I	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Савченкив Яр 1	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сумы	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Успенка	9	7	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**116**	**88**	**0**	**1**	**23**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**4**
%	**100**	**75,9**	**0,0**	**0,9**	**19,8**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**3,4**
Причерноморье												
Александровка	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Беленькое	16	7	0	1	8	0	0	0	0	0	0	0
Гавриловка	12	7	0	0	4	0	0	0	0	0	0	1
Каборга	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Каменка-Анчекрак, м., п.	6	5	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Коблево	3	1	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
Луговое	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Фурмановка	3	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**44**	**26**	**0**	**1**	**16**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**1**
%	**100**	**59,1**	**0,0**	**2,3**	**36,4**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**2,3**

Окончание табл. 2
End of table 2

Памятник	Σ	A111a	A111b	A112	A121a	A121b	A122	A131	A132	A211	A212	A22
Молдова												
Будешты, м.	46	31	0	0	8	0	0	4	2	1	0	0
Будешты, п.	9	5	0	0	0	0	0	1	3	0	0	0
Бырлад—Валя Сяке, м.	49	40	0	1	7	0	1	0	0	0	0	0
Бырлад—Валя Сяке, п.	5	3	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0
Данчены	12	5	1	0	5	0	1	0	0	0	0	0
Лецкань	4	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Михэлэшень	61	37	1	1	16	0	0	1	4	1	0	0
Слобозия-Кишкэрень (Лазо)	6	5	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Ханска-Лутэрия	8	7	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**200**	**136**	**2**	**2**	**39**	**0**	**2**	**6**	**10**	**2**	**0**	**1**
%	**100**	**68,0**	**1,0**	**1,0**	**19,5**	**0,0**	**1,0**	**3,0**	**5,0**	**1,0**	**0,0**	**0,5**
Мунтения												
Индепенденца	3	1	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
Могошань	11	8	0	0	2	0	0	0	1	0	0	0
Спанцов	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Тыргшор	16	11	0	0	2	0	0	2	1	0	0	0
Σ	**33**	**23**	**0**	**0**	**6**	**0**	**0**	**2**	**2**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**69,7**	**0,0**	**0,0**	**18,2**	**0,0**	**0,0**	**6,1**	**6,1**	**0,0**	**0,0**	**0,0**
По всем регионам												
Σ	**736**	**492**	**8**	**6**	**169**	**2**	**5**	**15**	**23**	**7**	**2**	**7**
%	**100**	**66,8**	**1,1**	**0,8**	**23,0**	**0,3**	**0,7**	**2,0**	**3,1**	**1,0**	**0,3**	**1,0**

Таблица 3. Прясла вида B. Распределение по типам и вариантам

Table 3. Spindlewhorls of species B. Spreading according to types and variants

Памятник	Σ	B111a	B111b	B112a	B112b	B113a	B113b	B121a	B121b	B122a	B122b	B211	B212	B213	B221	B222
Центральная Украина																
Великая Бугаевка, п., м.	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Велика Снитинка	2	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Легедзино	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Малополовецкое-2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Привольное	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**6**	**0**	**0**	**2**	**0**	**1**	**2**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**1**	**0**	**0**
%	**100**	**0,0**	**0,0**	**33,3**	**0,0**	**16,7**	**33,3**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**16,7**	**0,0**	**0,0**
Северо-Западная Украина																
Петрикивцы	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Чернелив-Русский	3	1	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Σ	**4**	**1**	**0**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**1**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**25,0**	**0,0**	**25,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**25,0**	**25,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**
Верхний Днестр																
Бовшив	4	1	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Демьянив	4	0	0	0	2	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Куропатники	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Рипнив-II	4	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Черепин	3	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0
Шкло-2	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**18**	**4**	**0**	**2**	**4**	**2**	**2**	**1**	**0**	**0**	**0**	**1**	**1**	**1**	**0**	**0**
%	**100**	**22,2**	**0,0**	**11,1**	**22,2**	**11,1**	**11,1**	**5,6**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**5,6**	**5,6**	**5,6**	**0,0**	**0,0**

Продолжение табл. 3
Continue of table 3

Памятник	Σ	B111a	B111b	B112a	B112b	B113a	B113b	B121a	B121b	B122a	B122b	B211	B212	B213	B221	B222
Средний Днестр																
Одая	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Оселивка	4	1	0	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Добринивци I	3	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Теремци	2	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0
Σ	**10**	**1**	**0**	**1**	**0**	**3**	**2**	**1**	**0**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**1**
%	**100**	**10,0**	**0,0**	**10,0**	**0,0**	**30,0**	**20,0**	**10,0**	**0,0**	**10,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**10,0**
Восточная Украина																
Билопилля	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Войтенки, м.	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Войтенки, п.	5	0	0	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	0	0	1
Σ	**7**	**0**	**0**	**0**	**0**	**1**	**0**	**0**	**1**	**3**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**1**
%	**100**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**14,3**	**0,0**	**0,0**	**14,3**	**42,9**	**14,3**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**14,3**
Причерноморье																
Беленькое	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0
Σ	**2**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**1**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**50,0**	**50,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**

Окончание табл. 3
End of table 3

Памятник	Σ	B111a	B111b	B112a	B112b	B113a	B113b	B121a	B121b	B122a	B122b	B211	B212	B213	B221	B222
Молдова																
Будешты, п.	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Бырлад—Валя Сяке, м.	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Бырлад—Валя Сяке, п.	5	4	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Данчены	2	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**9**	**4**	**1**	**0**	**1**	**3**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**44,4**	**11,1**	**0,0**	**11,1**	**33,3**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**0,0**
Мунтения																
Дрэгенешть-Олт	4	2	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0
Тыргшор	5	0	1	0	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0
Σ	**9**	**2**	**1**	**0**	**0**	**1**	**0**	**3**	**0**	**1**	**0**	**0**	**1**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**22,2**	**11,1**	**0,0**	**0,0**	**11,1**	**0,0**	**33,3**	**0,0**	**11,1**	**0,0**	**0,0**	**11,1**	**0,0**	**0,0**	**0,0**
По всем регионам																
Σ	**65**	**12**	**2**	**6**	**5**	**11**	**6**	**5**	**1**	**6**	**3**	**2**	**2**	**2**	**0**	**2**
%	**100**	**18,5**	**3,1**	**9,2**	**7,7**	**16,9**	**9,2**	**7,7**	**1,5**	**9,2**	**4,6**	**3,1**	**3,1**	**3,1**	**0,0**	**3,1**

Таблица 4. Прясла видов C, D, E, F. Распределение по типам и вариантам

Table 4. Spindlewhorls of species' C, D, E, F. Spreading according to types and variants

Памятник	Вид											
	C					D			E	F		
	Σ	C11	C12	C21	C22	Σ	D1	D2	Σ	Σ	F1	F2
Центральная Украина												
Великая Бугаевка, п., м.	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Велика Снитинка	5	2	0	2	1	0	0	0	0	0	0	0
Деревяна	3	0	0	2	1	1	0	1	0	0	0	0
Каменка-Днепровская	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Канев	1	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	1
Компанийцы	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0
Косаново	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
Легедзино	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Леськи	1	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Обухов-1, 1а, п., м.	0	0	0	0	0	2	2	0	1	0	0	0
Переяслав-Хмельницкий	2	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0
Привольное	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Соснова, м., п.	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Черкассы-Центр	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Σ	**17**	**4**	**0**	**7**	**6**	**7**	**3**	**4**	**3**	**1**	**0**	**1**
%	**100**	**23,5**	**0,0**	**41,2**	**35,3**	**100**	**42,9**	**57,1**	**100**	**100**	**0**	**100**

Продолжение табл. 4
Continue of table 4

Памятник	Вид											
	C					D			E	F		
	Σ	C11	C12	C21	C22	Σ	D1	D2	Σ	Σ	F1	F2
Северо-Западная Украина												
Кобилля	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Малашивци	1	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0
Ружичанка	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Чернелив-Русский	6	0	0	4	2	0	0	0	0	4	4	0
Σ	**7**	**0**	**0**	**5**	**2**	**3**	**0**	**3**	**0**	**4**	**4**	**0**
%	**100**	**0,0**	**0,0**	**71,4**	**28,6**	**100**	**0**	**100**	**0**	**100**	**100**	**0**
Верхний Днестр												
Бовшив	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Куропатники	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Черепин	3	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**5**	**0**	**2**	**0**	**3**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**0**	**40**	**0**	**60**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
Средний Днестр												
Бакота	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
Козлов	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Одая	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Оселивка	2	1	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Добринивци I	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
Теремци	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Σ	**3**	**1**	**1**	**1**	**0**	**4**	**2**	**2**	**0**	**1**	**0**	**1**
%	**100**	**33,3**	**33,3**	**33,3**	**0,0**	**100**	**50**	**50**	**0**	**100**	**0**	**100**

Продолжение табл. 4
Continue of table 4

Памятник	Вид											
	C					D			E	F		
	Σ	C11	C12	C21	C22	Σ	D1	D2	Σ	Σ	F1	F2
Восточная Украина												
Билопилля	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Боромля, м., п.	3	0	0	2	1	1	1	0	0	0	0	0
Войтенки, м.	2	0	0	2	0	0	0	0	0	3	0	3
Войтенки, п.	6	0	1	4	1	2	0	2	0	0	0	0
Головино 1	0	0	0	0	0	1	0	1	2	0	0	0
Родной Край 1	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Успенка	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**13**	**0**	**1**	**9**	**3**	**5**	**1**	**4**	**2**	**3**	**0**	**3**
%	**100**	**0,0**	**7,7**	**69,2**	**23,1**	**100**	**20**	**80**	**100**	**100**	**0**	**100**
Причерноморье												
Гавриловка	2	0	0	2	0	1	1	0	0	0	0	0
Каборга	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0
Коблево	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Σ	**2**	**0**	**0**	**2**	**0**	**2**	**2**	**0**	**1**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**0**	**0**	**100**	**0**	**100**	**100**	**0**	**100**	**0**	**0**	**0**

Окончание табл. 4
End of table 4

Памятник	Вид											
	C					D			E	F		
	Σ	C11	C12	C21	C22	Σ	D1	D2	Σ	Σ	F1	F2
Молдова												
Будешты, м.	1	0	0	0	1	4	1	3	0	0	0	0
Будешты, п.	1	0	1	0	0	3	2	1	0	0	0	0
Бырлад—Валя Сяке, м.	1	0	0	0	1	1	0	1	0	1	1	0
Бырлад—Валя Сяке, п.	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Данчены	2	0	0	2	0	1	0	1	0	0	0	0
Лецкань	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Михэлэшень	5	0	0	2	3	3	1	2	0	0	0	0
Σ	**11**	**0**	**1**	**5**	**5**	**13**	**4**	**9**	**0**	**1**	**1**	**0**
%	**100**	**0,0**	**9,1**	**45,5**	**45,5**	**100**	**30,8**	**69,2**	**0**	**100**	**100**	**0**
Мунтения												
Могошань	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Спанцов	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Σ	**2**	**0**	**1**	**0**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
%	**100**	**0**	**50**	**0**	**50**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
По всем регионам												
Σ	**60**	**5**	**6**	**29**	**20**	**34**	**12**	**22**	**6**	**10**	**5**	**5**
%	**100**	**8,3**	**10,0**	**48,3**	**33,3**	**100**	**35,3**	**64,7**	**100**	**100**	**50**	**50**

Таблица 5. Прясла вельбарской и пшеворской культур. Распределение по видам, принятым для черняховской культуры

Table 5. Spindlewhorls of Wielbark and Przeworsk cultures. Spreading of the species' which are accepted for the Chernyakhov culture

Памятник	Литература	Σ, виды A—F	Вид						Уникальные формы
			A	B	C	D	E	F	
Вельбарская культура									
Брест-Тришин	Кухаренко 1980	13	11	0	1	1	0	0	0
Брулино-Коски	Kempisty 1966—1967	5	4	0	1	0	0	0	0
Веклице	Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011	66	55	3	2	6	0	0	0
Венсёры	Kmieciński e.a. 1966	13	10	0	1	2	0	0	2
Гжибница	Hahuła, Wołągiewicz 2001	8	5	0	3	0	0	0	0
Грудек	Kokowski 1993	23	19	1	1	2	0	0	0
Дравско	Wołągiewicz M.D. 1967	6	6	0	0	0	0	0	0
Любовидз	Wolągiewicz 1995	29	25	0	3	1	0	0	0
Неданово	Ziemlińska-Odojowa 1999	24	21	0	0	2	1	0	0
Пруц Гданьски	Pietrzak 1997	38	33	1	4	0	0	0	1
Цецеле	Jaskanis 1996	40	33	1	4	2	0	0	2
Σ, виды A—F		**265**	**222**	**6**	**20**	**16**	**1**	**0**	**5**
%		**100**	**83,8**	**2,3**	**7,5**	**6,0**	**0,4**	**0,0**	**—**
Пшеворская культура									
Вымыслово	Jasnosz 1952	60	52	2	3	2	1	0	0
Добродзень	Szydłowski 1974	21	15	0	5	1	0	0	0
Дрохлин	Kaczanowski 1987	29	25	1	0	3	0	0	0
Каменьчик	Dąbrowska 1997	93	78	1	6	8	0	0	3
Крупице	Jaskanis 2005	23	6	12	2	1	0	2	0
Надколе 2	Andrzejowski 1998	65	51	6	2	3	1	2	0
Неданово	Ziemlińska-Odojowa 1999	82	72	2	6	1	0	1	0
Ольштын	Szydłowski 1974	36	33	0	2	1	0	0	0
Опатув	Madyda-Legutko e. a. 2011	103	89	2	7	3	2	0	0
Спицимеж	Kietlińska, Dąbrowska 1963	30	23	1	5	1	0	0	0
Хмелюв Пясковски	Godłowski, Wichman 1998	31	29	0	0	2	0	0	1
Чебловице Дуже	Dzięgielewska, Kulczyńska 2008	34	23	0	5	5	1	0	0
Σ, виды A—F		**607**	**496**	**27**	**43**	**31**	**5**	**5**	**4**
%		**100**	**81,7**	**4,4**	**7,1**	**5,1**	**0,8**	**0,8**	**—**

Таблица 6. Прясла вельбарской и пшеворской культур. Соотношение форм, аналогичных черняховским вариантам A111a и A121a

Table 6. Spindlewhorls of Wielbark and Przeworsk cultures. Correlation of forms which are analogical to the chernyakhov's variants A111a and A121a

Вельбарская культура				Пшеворская культура			
Памятник	Σ	A111a	A121a	Памятник	Σ	A111a	A121a
Брест-Тришин	11	1	10	Вымыслово	51	44	7
Брулино-Коски	4	2	2	Добродзень	15	14	1
Веклице	49	31	18	Дрохлин	25	24	1
Венсёры	9	8	1	Каменьчик	75	69	6
Гжибница	4	3	1	Крупице	6	5	1
Грудек	18	6	12	Надколе 2	47	38	9
Дравско	3	2	1	Неданово	72	63	9
Любовидз	23	11	12	Ольштын	31	25	6
Неданово	20	11	9	Опатув	87	74	13
Прущ Гданьски	24	11	13	Спицимеж	21	15	6
Цецеле	33	12	21	Хмелюв Пясковски	29	26	3
Σ	**198**	**98**	**100**	Чебловице Дуже	23	20	3
%	**100**	**49,5**	**50,5**	**Σ**	**482**	**417**	**65**
—	—	—	—	**%**	**100**	**86,5**	**13,5**

РИСУНКИ

Рис. 1. Черняховские прясла подгруппы А11 и аналогии к ним

Fig. 1. Chernyakhov's spindlewhorls of subgroup A11 and analogies to them

Черняховская культура:
1, 14, 19, 21, 24 — Легедзино [Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010, рис. 13, *16*; 26, *5, 6, 8*];
2 — Сумы [Махно 1967, рис. 3, *2*];
3, 10 — Чернелив-Русский [Ґерета 2013, рис. 75, *5*; 33, *5*];
4, 18 — Легедзино [Магомедов, Диденко 2011, рис. 4, *6, 7*];
5, 7, 9, 16, 20, 22 — Легедзино [Магомедов, Диденко 2009, рис. 21, *5, 7, 9, 11*; 14, *9*; 6, *13*];
6, 13, 17 — Великая Снитинка [Магомедов 1992, рис. 14, *1—3*];
8, 35 — Хлопков [Некрасова 1988, рис. 7, *25, 28*];
11, 12, 25, 26, 33 — Великая Снитинка (фонды ФКМ; рис. А.С. Милашевского);
15 — Гавриловка [Сымонович 1955, рис. 13, *6*];
23 — Деревяна [Кравченко и др. 2007, с. 367, рис. 24, *2*];
27, 42 — Бырлад—Валя Сяке (Bârlad—Valea Seacă) [Palade 2004, fig. 78, *4*; 158, *4*];
28 — Будешть (Budeşti) [Vornic 2006, fig. 7, *7*];
29 — Компанийцы [Некрасова 2006, рис. 56, *23*];
30 — Переяслав-Хмельницкий [Гончаров, Махно 1957] (рис. А.Н. Некрасовой);
31, 39 — Соснова [Махно, Сикорский 1989] (рис. А.Н. Некрасовой);
32, 41 — Михэлэшень (Mihălăşeni) [Şovan 2005, Pl. 109, *4*; 119, *5*];
34 — Данчени [Рафалович 1986, табл. XVII, *9*];
36 — Барбара [Башкатов, Милашевський, Бітковська 2011, рис. 7, *7*; 2013];
37 — Романово Село [Строцень 2008, рис. 80, *7*];
38 — Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 120, *7*];
40 — Успенка [Некрасова 2006, рис. 43, *24*].

Аналогии:
43, 44, 46 — Цецеле (Cecele) [Jaskanis 1996, Taf. XL/344, *1*; XX/142, *11*; II/9, *4*];
45, 52 — Любовидз (Lubowidz) [Wołągiewicz R. 1995, Taf. VIII/25; VIII/30, *7*];
47, 48, 50 — Хринники [Козак 2012, рис. 51, *6, 20, 26*];
49, 53 — Веклице (Weklice) [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011, pl. CLXXXI/402, *16*; CLXXXVIII/423, *17*];
51 — Дитиничи [Смішко, Свєшніков 1961, рис. 2, *3*];
54, 56 — Неданово (Niedanowo) [Ziemlińska-Odojowa 1999, Taf. CXXVII/343, *4*; I/2, *4*];
55, 57—59, 61, 63 — Опатув (Opatów) [Madyda-Legutko, Rodzińska-Nowak, Zagórska-Telega 2011, Taf. CDXXXII, *500*, *512*; CCLIII/703, *9*; CDXXXI, *491*; CDXXXIII, *518*; CCXLV/666, *13*];
60 — Хмелюв Пясковы (Chmielów Piaskowy) [Godłowski, Wichman 1998, Taf. LI/34, *28*];
62 — Надколе (Nadkole) [Andrzejowski 1998, pl. VIII/9, *6*]

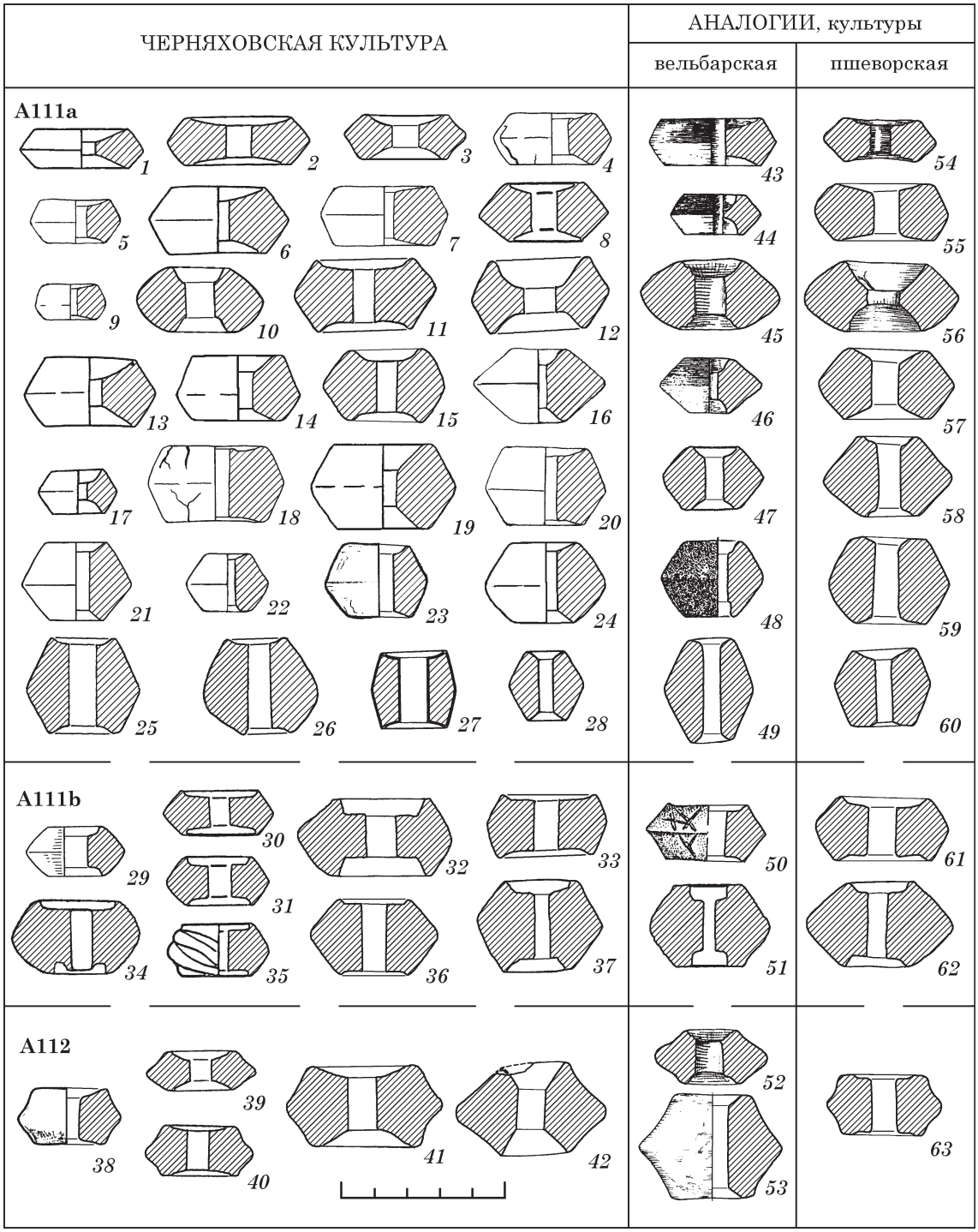

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
вельбарская
пшеворская
A111a
A111b
A112

Рис. 2. Черняховские прясла подгруппы А12 и аналогии к ним

Fig. 2. Chernyakhov's spindlewhorls of subgroup A12 and analogies to them

Черняховская культура:
1 — Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 193, *8*];
2 — Козлов [Магомедов 1998, рис. 14, *6*];
3 — Романковци [Никитина 2008, рис. 20, *12*];
4, 13, 25, 27 — Чернелив-Русский [Ґерета 2013, рис. 127, *10, 11*; 137, *6*; 35, *2*];
5 — Оселивка [Никитина 1988, табл. 42, 6];
6, 14 — Великая Снитинка (фонды ФКМ; рис. А.С. Милашевского);
7 — Боромля [Некрасова 2006, рис. 10, *13*];
8, 15, 26 — Черкассы-Центр [Куштан, Петраускас 2011, рис. 23, *6*; 19, *10*; 14; *13*];
9—11 — Легедзино [Магомедов, Диденко 2009, рис. 14, *8*; 21, *13*; 13, *9*];
12 — Шершни [Магомедов, Гудим-Левкович 1991, рис. 2, *7*];
16 — Пряжев [Винокур 1960, табл. VI, *4*];
17 — Михэлэшень [Şovan 2005, Pl. 248, *2*];
18, 28 — Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 201, *8*; 240, *6*];
19 — Демъянив [Баран, Гопкало 2006, рис. 11, *5*];
20 — Данчени [Рафалович 1986, табл. XXXI, *13*];
21, 22 — Хлопков [Некрасова 1988, рис. 7, *32, 33*];
23 — Обухов 1а [Кравченко и др. 2007, с. 396; рис. 4, *3*];
24 — Обухов 1 [Кравченко и др. 2007, с. 315; рис. 93, *6*].

Аналогии:
29, 32, 35 — Любовидз [Wołągiewicz R. 1995, Taf. XXVII/253, *6*; XXVIII/268, *17*; XXIV/198, *7*];
30, 31 — Цецеле [Jaskanis 1996, Taf. II/9, *3*; LX/491A, *8*];
33 — Прущ Гданьский (Pruszcz Gdański) [Petrzak 1997, CXLVI/497, *3*];
34 — Хринники [Козак 2012, рис. 51, *16*];
36, 37 — Ульяновка [Терпиловский 2004, рис. 56, *7, 8*];
38 — Неданово [Ziemlińska-Odojowa 1999, Taf. CLXIX/459, *7*];
39—41 — Опатув [Madyda-Legutko, Rodzińska-Nowak, Zagórska-Telega 2011, Taf. CDXXXI, *498*; CDXXXIV, *543*; XVII/33, *12*];
42 — Вымыслово (Wymysłowo) [Jasnosz 1952, rys. 250, *1*]

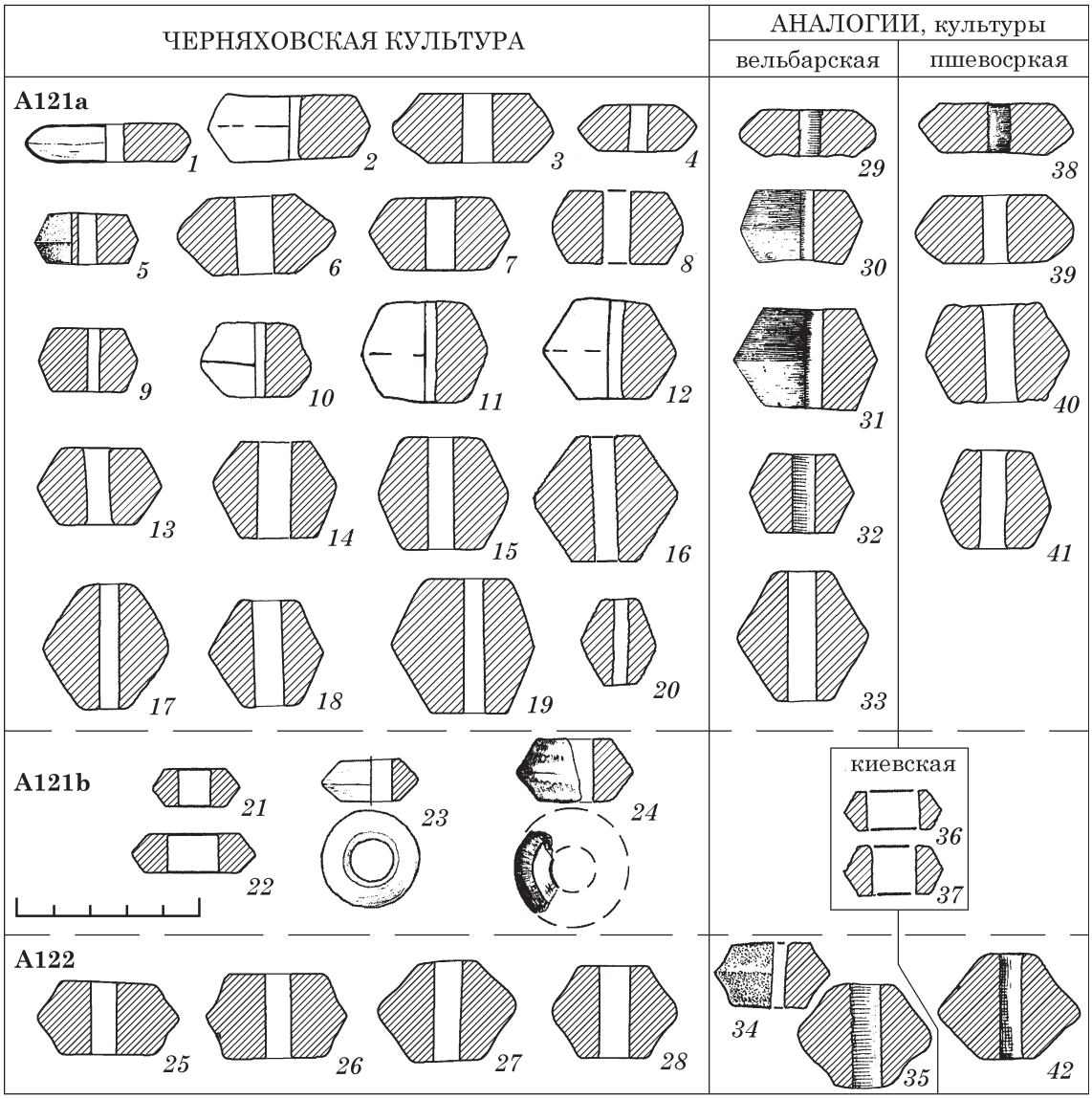

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
вельбарская
пшевосркая
A121a
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
29
30
31
32
33
38
39
40
41
A121b
21
22
23
24
киевская
36
37
A122
25
26
27
28
34
35
42

Рис. 3. Черняховские прясла подгруппы А13 и группы А2 и аналогии к ним

Fig. 3. Chernyakhov's spindlewhorls of subgroup A13 and group A2 and analogies to them

Черняховская культура:
1 — Яссы-Фабрика (Iaşi-Fabrica) [Ioniță 1972, fig. 7, *2*];
2, 9—11, 13, 18 — Будешть [Vornic 2006, fig. 16, *1, 2;*108, *2,3, 12, 13*];
3 — Синица [Кропоткин, Нахапетян 1976, рис. 1, *4*];
4 — Хлопков [Некрасова 1988, рис. 7, *26*];
5, 14, 21 — Чернелив-Русский [Ґерета 2013, рис. 28, *6, 7, 14*];
6 — Тыргшор (Torgşor) [Diaconu 1965, pl. CXXIV, *9*];
7, 17 — Черепин [Баран 1961, табл. XIV, *8, 13*];
8, 19, 20 — Обухов 1 [Кравченко и др. 2007, с. 313, рис. 91, *5, 6*; с. 315, рис. 93, *2*];
12 — Михэлэшень [Şovan 2005, Pl. 25, *3*];
15 — Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 56, *7*];
16 — Могошань (Mogoşani) [Diaconu 1969, Abb. 16, *2*];
22 — Деревяна [Кравченко и др. 2007, с. 367, рис. 24, *10*];
23 — Кобилля [Строцень 2008, рис. 61, *9*];
24 — Журавка [Обломский 2010, рис. 75, *13*];
25, 28 — Великая Снитинка [Магомедов 1992, рис. 14, *9, 10*];
26 — Добринивци [Войнаровський 1999, рис. 12, *31*];
27 — Легедзино [Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010, рис. 13, *15*];
29 — Гавриловка [Сымонович 1960, табл. XII, *13*];
30 — Оселивка [Никитина 1988, табл. 11, *12*];
31 — Лецкань (Leţcani) [Bloşiu 1975, fig. 26, *4*];
32 — Войтенки [Любичев и др. 2006, рис. 56, *3*];
33 — Головино [Обломский 2001—2002, рис. 23, *20*].

Аналогии:
34, 37, 39 — Веклице [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011, pl. XXXI/74, *27*; XIII/29/30, *5*; CXCII/426, *5*];
35 — Прущ Гданьский [Petrzak 1997, Taf. XLII/127, *5*];
36 — Хринники [Козак 2012, рис. 51, *4*];
38 — Любовидз [Wołągiewicz R. 1995, Taf. IX/40, *6*];
40 — Городок-Острив [Козак, Оприск, Шкоропад 1999, рис. 37, *6*];
41 — Цецеле [Jaskanis 1996, Taf. XXIX/219, *6*];
42 — Яртыпоры (Jartypory) [Żyrawska 2007, rys. 3, *2*];
43 — Йорданово (Jordanowo) [Wawrzyniak 2007, rys. 8, *4*];
44 — Пидберизци [Козак 2008, рис. 134, *25*];
45 — Сокильники [Козак 2008, рис. 139, *8*];
46 — Крупице (Krupice) [Jaskanis 2005, Taf. XXV/92, *14*];
47, 49 — Мечки-Поземаки (Mieczki-Pozemaki) [Watemborska 2011, ryc. 2, *4*, *6*];
48 — Каменьчик (Kameńczyk) [Dąbrowska 1997, Taf.VI/11, *1*]

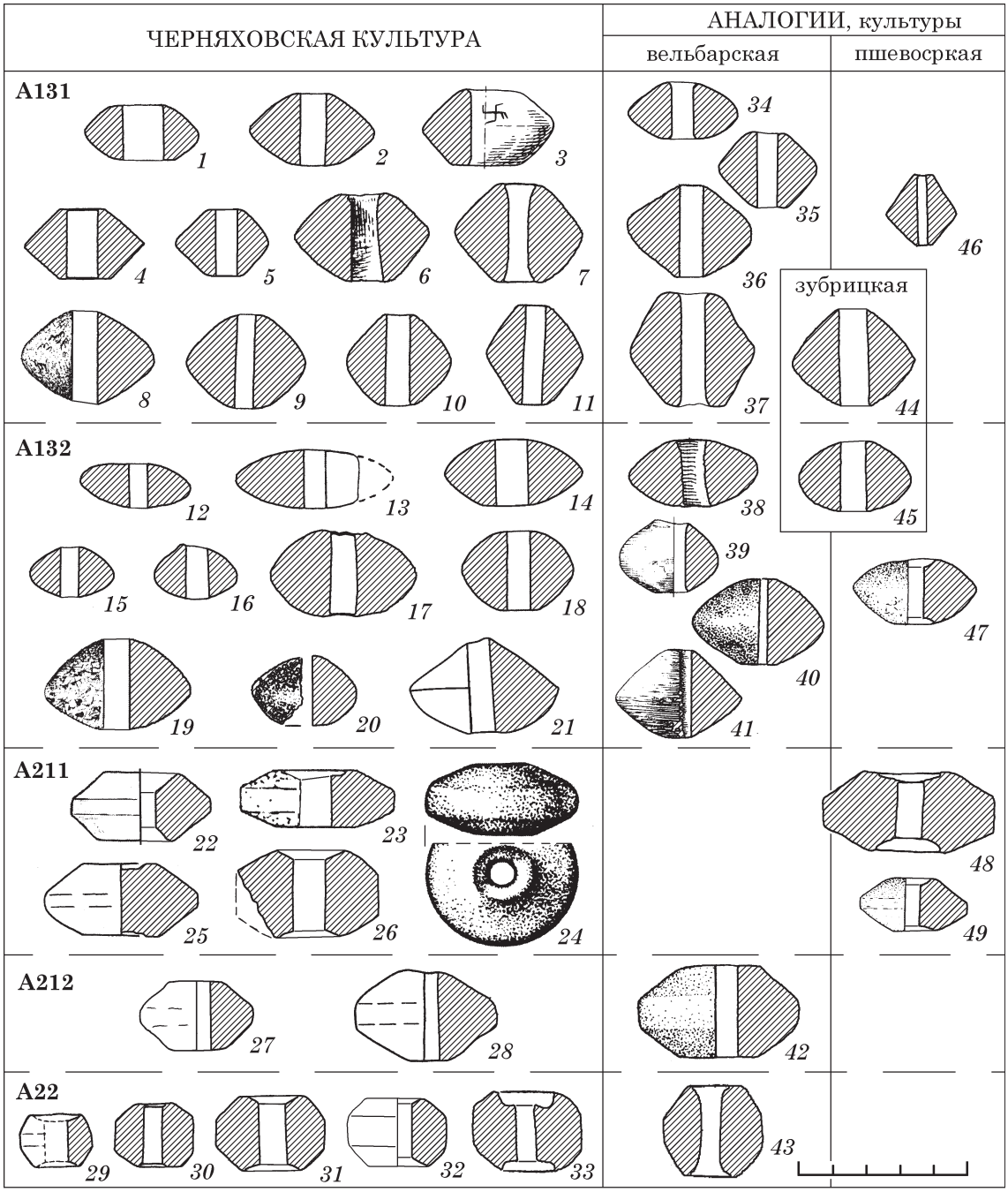

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
вельбарская
пшевосркая
зубрицкая
A131
A132
A211
A212
A22
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49

Рис. 4. Черняховские прясла типа B111 и аналогии к ним

Fig. 4. Chernyakhov's spindlewhorls of type B111 and analogies to them

Черняховская культура:
1 — Оселивка [Никитина 1988, табл. 26, *2*];
2 — Чернелив-Русский [Ґерета 2013, рис. 62, *2*];
3 — Куропатники [Баран, Гопкало 2006, табл. 36, *12*];
4 — Бовшив [Баран, Гопкало 2006, табл. 12, *22*];
5, 6 — Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 2, *3*; 29, *19*];
7 — Будешть [Vornic 2006, fig. 28, *6*];
8 — Тыргшор [Diaconu 1965, pl. XXXIV, *4*];
9 — Бэлтень (Bălteni) [Dragomir 1962, Fig. 3, *2*];

Аналогии:
10 — Надколе [Andrzejowski 1998, pl. LXII/97, *16*];
11 — Крупице [Jaskanis 2005, Taf. LI/180, *6*];
12 — Каменьчик [Dąbrowska 1997, Taf. CXXX/272, *7*];
13 — Пидберизци [Козак 2008, рис. 134, *24*];
14 — Верхня Липица [Цигилик 1975, рис. 50, *13*];
15 — Мэтэсару (Mătăsaru) [Bichir 1984, pl. XXXV, *16*];
16 — Криничное [Федоров 1969, рис.2, *11*];
17 — Васильевка [Субботин, Дзиговский 1990-III, рис. 10, *4*];
18 — Старые Куконешты [Гросу 1990, рис. 17А, *10*];
19 — Ленковцы [Гросу 1990, рис. 12А, *3*]

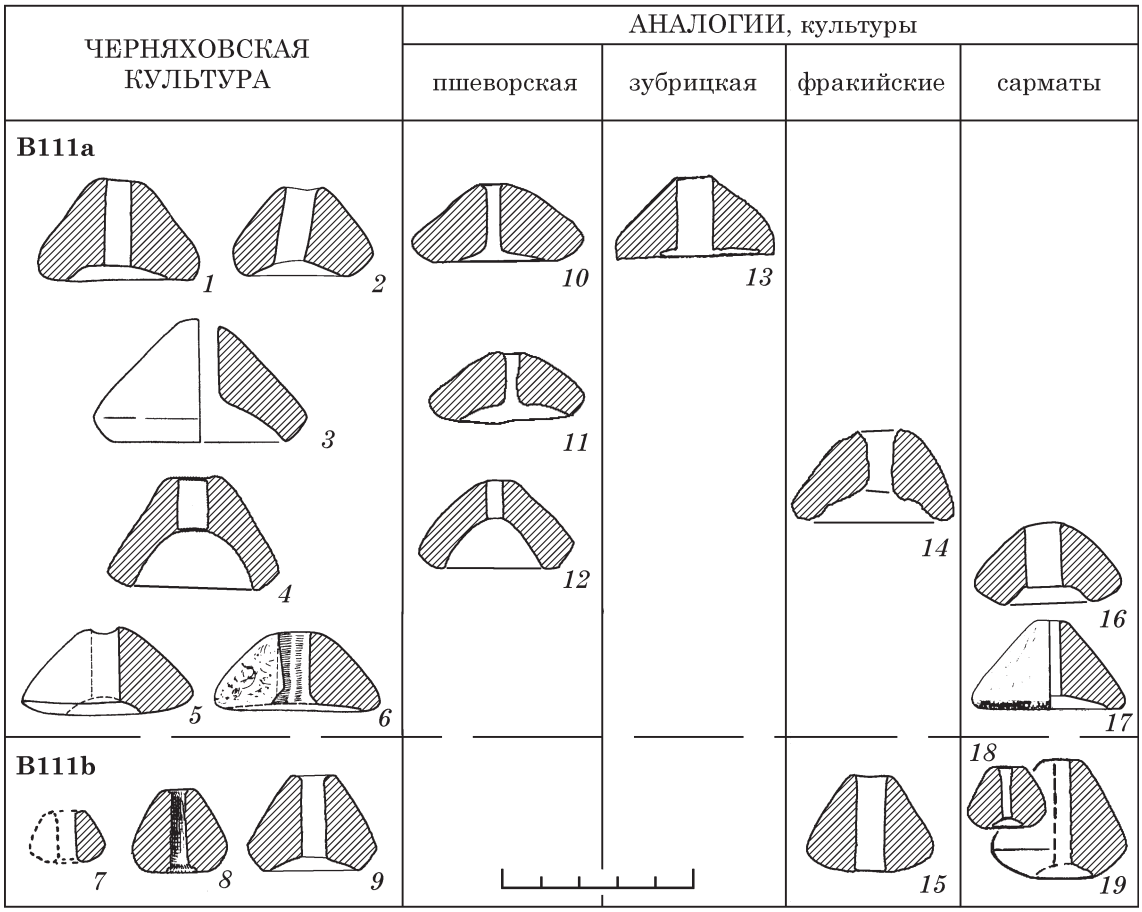

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
пшеворская
зубрицкая
фракийские
сарматы
B111a
1
2
3
4
5
6
10
11
12
13
14
16
17
B111b
7
8
9
15
18
19

Рис. 5. Черняховские прясла типа B112 и аналогии к ним.

Fig. 5. Chernyakhov's spindlewhorls of type B112 and analogies to them

Черняховская культура:
1, 2 — Чорнивка [Войнаровський 1999, рис. 4, *23*; 5, *5*];
3 — Добринивци [Войнаровський 2013, рис. 71, *33*];
4 — Рипнив [Баран 1964, рис. 7, *21*];
5 — Чернелив-Русский [Ґерета 2013, рис. 43, *6*];
6 — Иванковцы [Брайчевский, Довженок 1967, рис. 19,*11*];
7 — Малополовецкое [Кравченко и др. 2007, с. 140, рис. 3, *1*];
8 — Легедзино [Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010, рис. 5, *3*];
9 — Бовшив [Баран, Гопкало 2006, табл. 2, *13*];
10, 11 — Демъянив [Баран, Гопкало 2006, рис. 11, *2,3*];
12 — Черепин [Баран 1961, табл. XIV, *6*];
13 — Рипнив [Баран 1964, рис. 7, *20*];
14 — Бырлад-Валя Сякэ [Palade 2004, fig. 272, *2*].

Аналогии:
15 — Крупице [Jaskanis 2005, Taf. XC/349, *1*];
16 — Надколе [Andrzejowski 1998, pl. LVII/92, *8*];
17—19 — Пидберизци [Козак 2008, рис. 134, *5, 21, 17*];
20 — Хринники [Козак, Прищепа, Шкоропад 2004, рис. 66, *2*];
21 — Мэтэсару [Bichir 1984, pl. XXXV, *7*];
22 — Майдан-Гологирский [Цигилик 1975, рис. 52, *14*];
23 — Васильевка [Субботин, Дзиговский 1990-III, рис. 5, *14*]

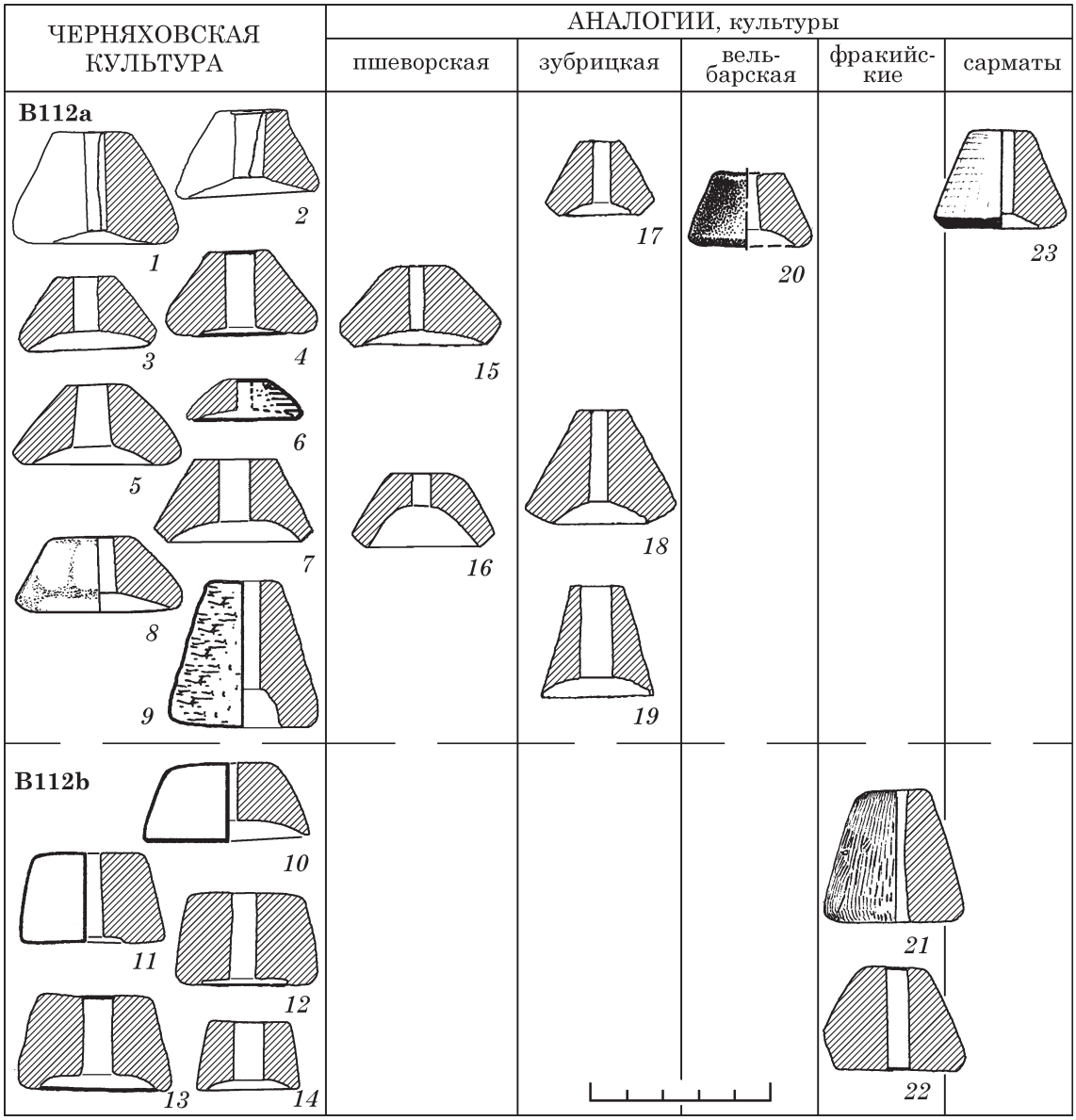

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
пшеворская
зубрицкая
вельбарская
фракийские
сарматы
B112a
1
2
3
4
5
6
7
8
9
15
16
17
18
19
20
23
B112b
10
11
12
13
14
21
22

Рис. 6. Черняховские прясла типа B113 и аналогии к ним

Fig. 6. Chernyakhov's spindlewhorls of type B113 and analogies to them

Черняховская культура:
1, 9, 19 — Оселивка [Никитина 1988, табл. 23, *6*; 42, *3*; 52, *9*];
2 — Одая [Никитина 1996, табл. 4, *21*];
3, 4, 7 — Чорнивка [Войнаровський 1999, рис. 4, *22, 24*; 7, *16*];
5 — Гряда [Войнаровський В., Войнаровський А. 2011, рис. 72, *4*];
6 — Рипнив [Стеблій 2007, рис. 6, *3*];
8 — Тыргшор [Diaconu 1965, pl. XCVIII, *11*];
10, 17 — Бовшив [Баран, Гопкало 2006, табл. 3, *15*; табл. 12, *21*];
11 — Привольное [Кухаренко 1955, табл. I, *11*];
12, 13 — Данчени [Рафалович 1986, табл. XVIII, *5*; XLVII, *5*];
14 — Войтенки [Любичев и др. 2006, рис. 56, *2*];
15 — Барбара [Башкатов 2010, рис. 8, *3*];
16 — Демъянив [Баран, Гопкало 2006, рис. 11, *1*];
18 — Добринивци [Войнаровський 2013, рис. 47, *1*];
20 — Великая Снитинка [Магомедов 1992, рис. 14, *14*];
21 — Великая Снитинка (Фонды ФКМ; рис. А.С. Милашевского);

Аналогии:
22, 23 — Крупице [Jaskanis 2005, Taf. XLI/137, *1*; XLIII/157, *4*];
24 — Надколе [Andrzejowski 1998, pl. LVII/92, *8*];
25, 28 — Загаи [Козак 2008, рис. 175, *11*;177, *8*];
26, 27 — Сокильники [Козак 2008, рис. 139, *7,9*];
29—33 — Родной Край 3 [Башкатов, Дегтярь, Любичев 1997, табл. V, 7] (рис. А.Н. Некрасовой);
34 — Грудек (Gródek) [Kokowski 1993, rys. 48, *7*];
35 — Майдан-Гологирский [Цигилик 1975, рис. 52, *15*];
36 — Мэтэсару [Bichir 1984, pl. XXXV, *16*].

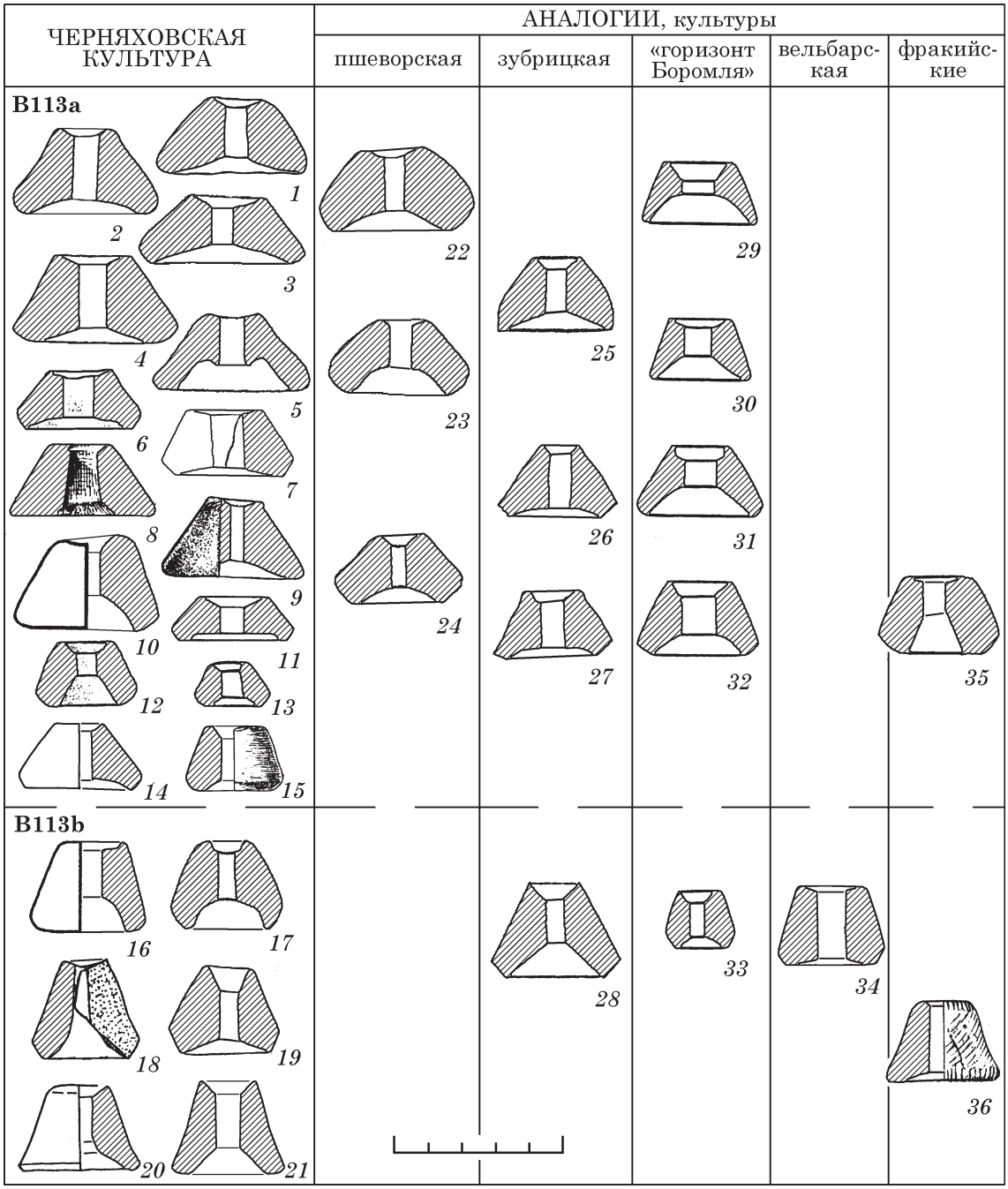

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
пшеворская
зубрицкая
«горизонт Боромля»
вельбарская
фракийские
B113a
B113b

Рис. 7. Черняховские прясла подгруппы B12 и аналогии к ним

Fig. 7. Chernyakhov's spindlewhorls of subgroup B12 and analogies to them

Черняховская культура:
1, 5 — Теремци [Баран 2008, рис. 17, *1*, *2*];
2 — Демъянив [Баран, Гопкало 2006, табл. 26, *32*];
3, 8 — Тыргшор [Diaconu 1965, pl. XXXVI, *3*; XLVIII, *4*];
4, 14 — Войтенки [Любичев и др. 2007, рис. 64, *1, 2*];
6 — Сокол-Острова [Вакуленко, Приходнюк 1984, рис. 18, *8*];
7 — Чернелив-Русский [Ґерета 2013, рис. 40, *8*];
9 — Хохлово (раскопки А.В. Кропоткина; рис. А.Н. Некрасовой);
10 — Билопилля [Некрасова 1994] (рис. А.Н. Некрасовой);
11 — Войтенки [Любичев и др. 2005, рис. 72, *4*];
12 — Войтенки [Любичев и др. 2006, рис. 139, *6*];
13 — Петрикивци [Магомедов, Левада, Абашина 1993, рис. 7, *3*].

Аналогии:
15 — Великая Слобидка [Козак 2008, рис. 90, *9*];
16 — Злота (Złota) [Urbaniak 2008, tabl. LVIII, *4*];
17 — Удень (Udeni) [Bichir 1984, pl. XXXV, *14*];
18 — Дулчанка (Dulceanca) [Dolinescu-Ferche 1974, fig. 29, *1*];
19 — Мэтэсару (Mătăsaru) [Bichir 1984, pl. XXXV, *7*];
20 — Майдан-Гологирский [Цигилик 1975, рис. 52, *14*];
21, 22 — Пробота (Probota) [Bichir 1977, pl. 17, *7, 25*];
23 — Шаболат [Гросу 1990, рис. 27 Д, *16*];
24, 25 — Чертовицкое III [Медведев 1998, рис. 6, *1, 2*];
26 — Щербака [Гросу 1990, рис. 18В, *6*];
27 — Васильевка [Субботин, Дзиговский 1990-III, рис. 4, *3*]

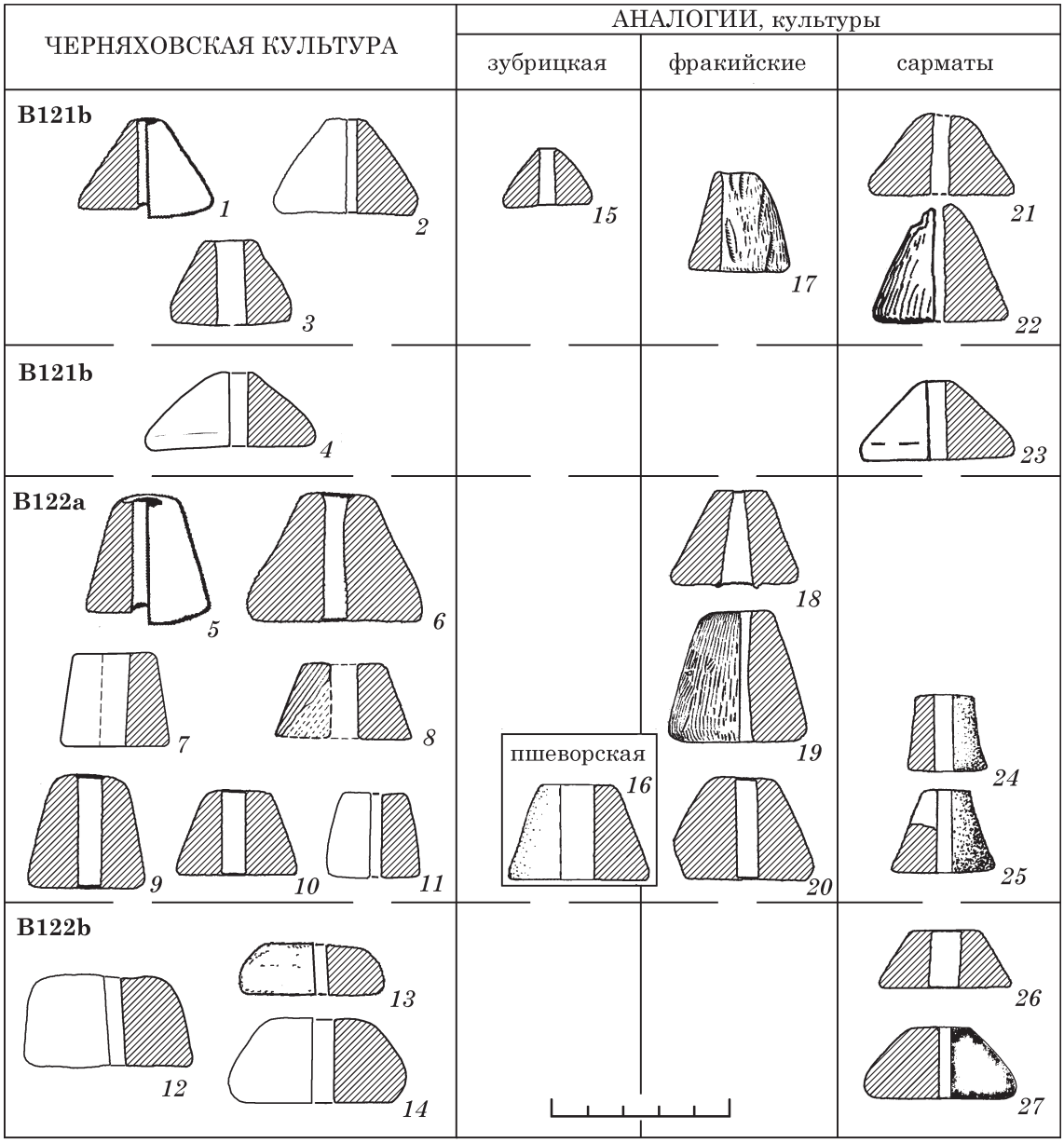

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
зубрицкая
фракийские
сарматы
B121b
1
2
3
15
17
21
22
B121b
4
23
B122a
5
6
7
8
9
10
11
пшеворская
16
18
19
20
24
25
B122b
12
13
14
26
27

Рис. 8. Черняховские прясла группы B2 и аналогии к ним

Fig. 8. Chernyakhov's spindlewhorls of group B2 and analogies to them

Черняховская культура:
1, 5 — Черепин [Баран 1961, табл. XIV, *1, 2*];
2 — Балцата [Федоров 1960, табл. 18, *6*];
3 — Беленькое [Росохацкий 1989, табл. 69, *12*];
4 — Тыргшор [Diaconu 1965, pl. LXVIII, *4*];
6 — Рипнив [Баран 1964, рис. 7, *18*];
7 — Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 193, *7*];
8, 9 — Барбара [Башкатов, Милашевський, Бітковська 2011, рис. 7, *1*];
10 — Войтенки [Любичев и др. 2006, рис. 102, *2*];
11 — Добринивци [Войнаровський 2013, рис. 47, *2*].

Аналогии:
12, 13 — Надколе [Andrzejowski 1998, pl. XLIV/59, *9*; LXXV/121,*9*];
14 — Опатув [Madyda-Legutko, Rodzińska-Nowak, Zagórska-Telega 2011, Taf. CCCXCV, *10*];
15—18 — Пидберизци [Козак 2008, рис. 134, *5, 7, 10, 22*];
19, 21, 22 — Родной Край 3 [Башкатов, Дегтярь, Любичев 1997, табл. V, *5, 6*] (рис. А.Н. Некрасовой);
20 — Боромля II [Некрасова 2006, рис. 33, *5*];
23 — Цецеле [Jaskanis 1996, Taf. XXIV/172, *2*];
24—25 — Веклице [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011, pl. LXXXVII/223, *2*; XLVII/116, *3*];
26 — Васильевка [Субботин, Дзиговский 1990-III, рис. 7, *13*]

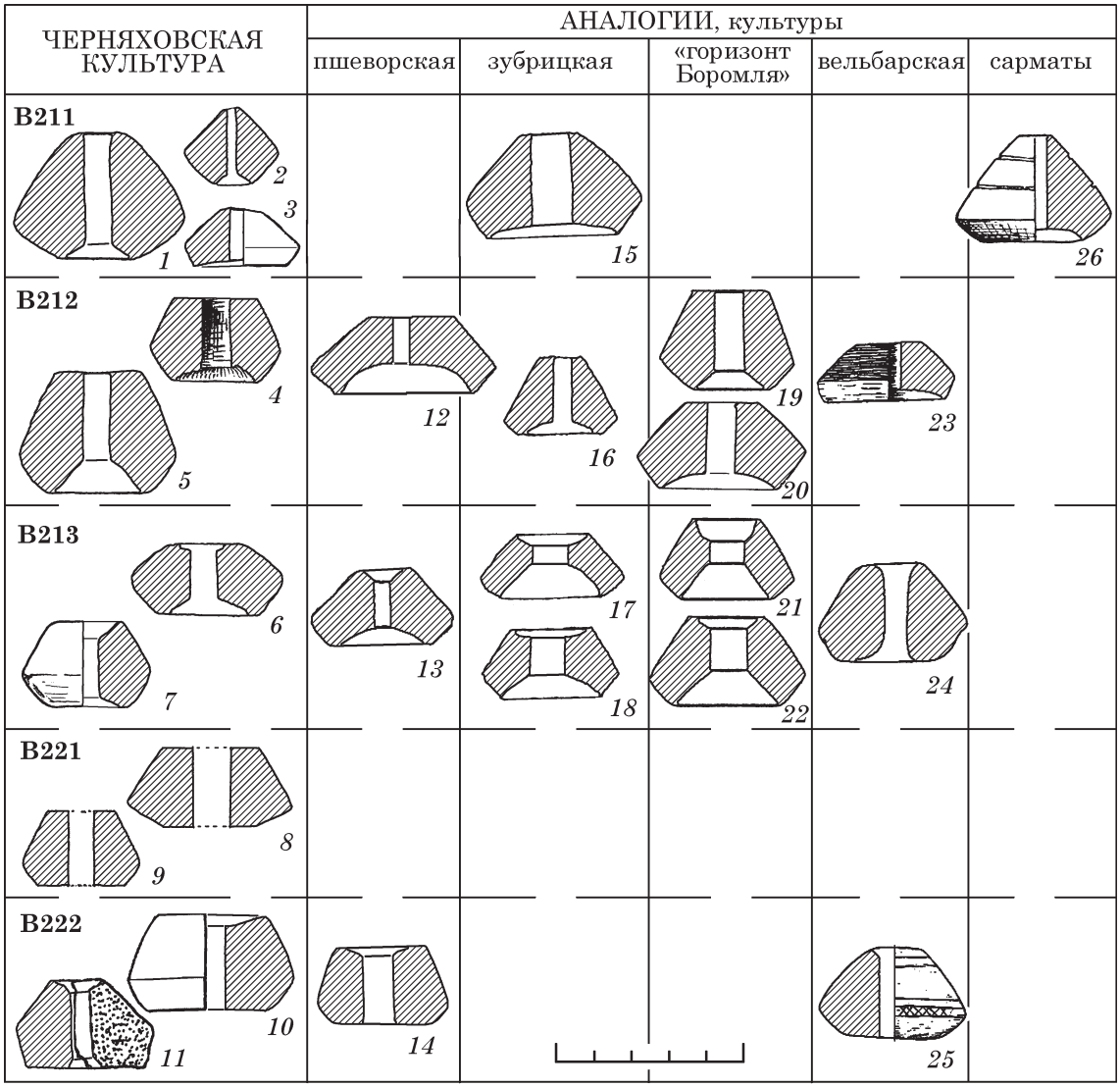

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
пшеворская
зубрицкая
«горизонт Боромля»
вельбарская
сарматы
B211
B212
B213
B221
B222
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

Рис. 9. Черняховские прясла видов C и D и аналогии к ним

Fig. 9. Chernyakhov's spindlewhorls of species C and D and analogies to them

Черняховская культура:
1, 6, 28 — Оселивка [Никитина 1988, табл. 27, *8*; 52, *7, 8*];
2 — Соснова [Махно, Сикорский 1989] (рис. А.Н. Некрасовой);
3, 4, 10 — Великая Снитинка [Магомедов1992, рис. 14, *11—13*];
5 — Могошань [Diaconu 1969, Abb. 16, *7*];
7 — Куропатники [Баран, Гопкало 2006, табл. 40, *3*];
8 — Успенка [Некрасова 2006, рис. 53, *8*];
9 — Будешть [Vornic 2006, fig. 107, *6*];
11 — Канев [Петраускас 1998, рис. 17, *3*];
12, 27 — Деревяна [Кравченко и др. 2007, с. 367, рис. 24, *1, 5*];
13 — Козлов [Магомедов 1998, рис. 14, *5*];
14 — Войтенки [Любичев и др. 2005, рис. 72, *5*];
15, 17 — Великая Снитинка (фонды ФКМ; рис. А.С. Милашевского);
16 — Чернелив Русский [Ґерета 2013, рис. 28, *1*];
18, 26 — Боромля [Некрасова 2006, рис. 16, *9, 10*];
19 — Легедзино [Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010, рис. 13, *17*];
20, 22 — Черепин [Баран 1961, табл. XIV, *9, 12*];
21 — Михэлэшень [Şovan 2005, Pl. 167, *20*];
23 — Компанийцы [Некрасова 2006, рис. 56, *24*];
24, 32 — Хлопков [Некрасова 1988, рис. 7, *29, 31*];
25 — Каборга [Магомедов 1979, табл. XVIII, *7*];
29 — Теремци [Баран 2008, рис. 17, *3*];
30 — Данчени [Рафалович 1986, табл. XLI, *4*];
31 — Барбара [Башкатов, Милашевський, Бітковська 2011, рис. 7, *4*];
33 — Черкассы-Центр [Куштан, Петраускас 2011, рис. 17, *4*].

Аналогии:
34, 41, 42 — Цецеле [Jaskanis 1996, Taf. XIV/96, *5*; XXV/184, *3*; LX/492, *5*];
35, 39 — Хринники [Козак 2012, рис. 51, *22, 23*];
36, 40 — Любовидз [Wołągiewicz R. 1995, Taf. III/7, *3*; IV/12, *9*];
37 — Прущ Гданьский [Petrzak 1997, Taf. LXXVII/214, *6*];
38 — Брулино-Коски [Kempisty 1967, rys. 12e];
43 — Надколе [Andrzejowski 1998, pl. I/3, *4*];
44 — Каменьчик [Dąbrowska1997, Taf. LIV/104, *4*];
45, 49 — Опатув [Madyda-Legutko, Rodzińska-Nowak, Zagórska-Telega 2011, Taf. CDXXXIV, *555*; CDXXXII, *511*];
46 — Вымыслово [Jasnosz 1952, rys. 68, *4*];
47 — Крупице [Jaskanis 2005, Taf. LIX/207, *7*];
48 — Цебловице (Ciebłowice) [Dzięgielewska, Kulczyńska 2008, Taf. LXX/110, 9

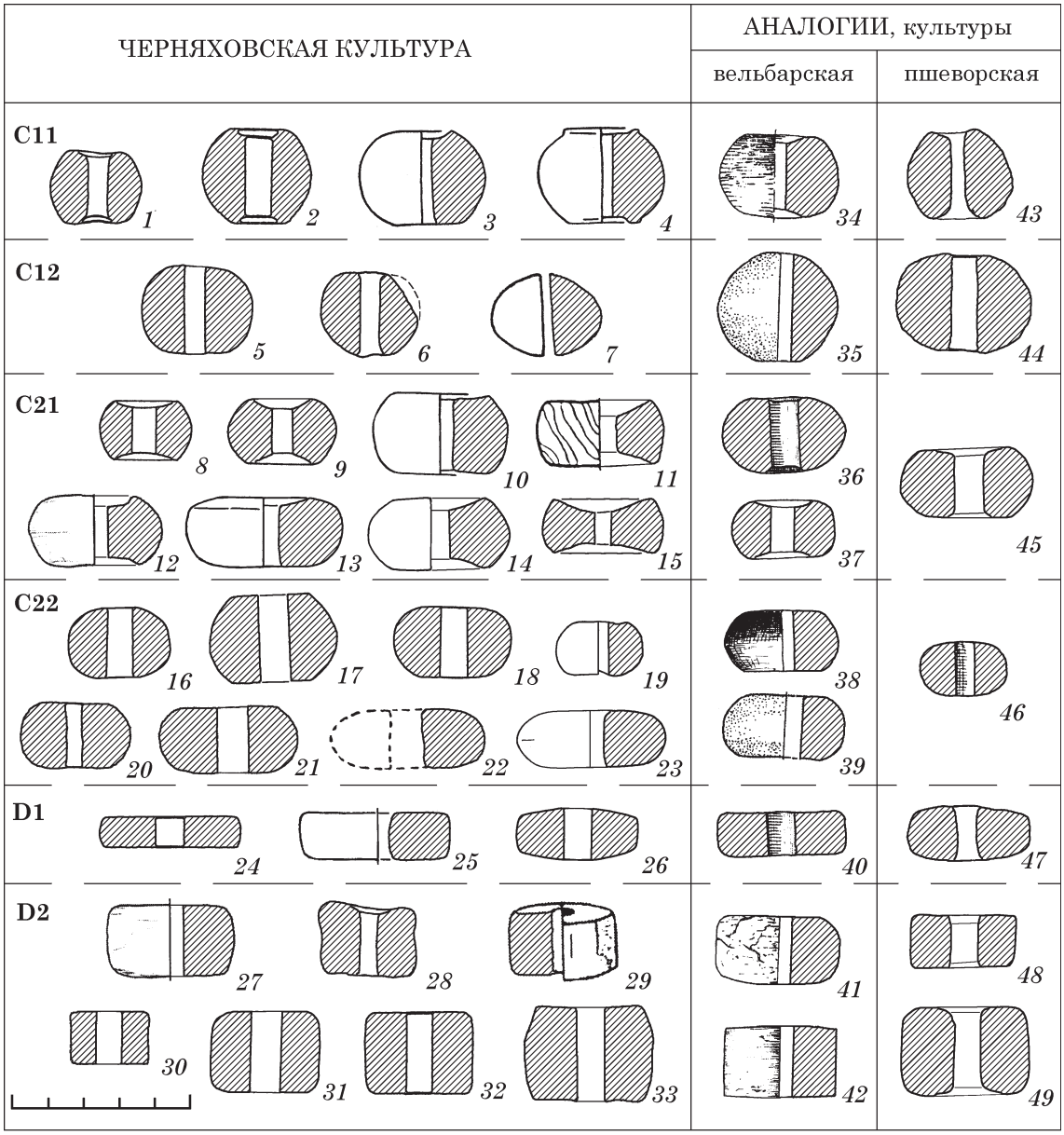

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
вельбарская
пшеворская
C11
1
2
3
4
34
43
C12
5
6
7
35
44
C21
8
9
10
11
12
13
14
15
36
37
45
C22
16
17
18
19
20
21
22
23
38
39
46
D1
24
25
26
40
47
D2
27
28
29
30
31
32
33
41
42
48
49

Рис. 10. Черняховские прясла видов E и F и аналогии к ним

Fig. 10. Chernyakhov's spindlewhorls of species E and F and analogies to them

Черняховская культура:
1, 5 — Головино [Обломский 2001—2002, рис. 23, *18, 19*];
2 — Обухов 1 [Кравченко и др. 2007, с. 301, рис. 79, *4*];
3 — Соснова [Махно, Сикорский 1989] (рис. А.Н. Некрасовой);
4, 7 — Журавка [Обломский 2010, рис. 37, *9*; 71, *19*];
6 — Компанийцы [Некрасова 2006, рис. 76, *5*];
8 — неназванный памятник [Славяне … 1993, табл. LXXI, *49*];
9—11 — Чернелив-Русский [Ґерета 2013, рис. 71, *6;* 73, *3*; рис. 163, *6*; Тиліщак 2013, рис. 30, *10*];
13 — Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 202, *3*];
14 — Одая [Никитина 1996, табл. 11, *6*];
15 — Канев [Петраускас 1998, рис. 17, *4*];
16 — Войтенки [Шультце, Любичев 2012, рис. 35, *2*];
17 — Войтенки [Любичев и др. 2007, рис. 64, *6*];
18 — Хохлово (раскопки А.В. Кропоткина; рис. А.Н. Некрасовой).

Аналогии:
19, 28 — Неданово [Ziemlińska-Odojowa 1999, Taf. CXXV/340, *1*; LXXXIII/257, *8*];
20 — Хринники [Козак, Прищепа, Шкоропад 2004, рис. 67, *3*];
21 — Линив [Козак 2008, рис. 205, *2, 3*];
22, 24 — Опатув [Madyda-Legutko, Rodzińska-Nowak, Zagórska-Telega 2011, Taf. LXXV/218, *8*; CDXXXIV, *557*];
23 — Вымыслово [Jasnosz 1952, rys. 52, *8*];
25, 26 — Крупице [Jaskanis 2005, Taf. III/5, *6*;VI/13, *2*];
27 — Надколе [Andrzejowski 1998, pl. LXII/97, *17*]

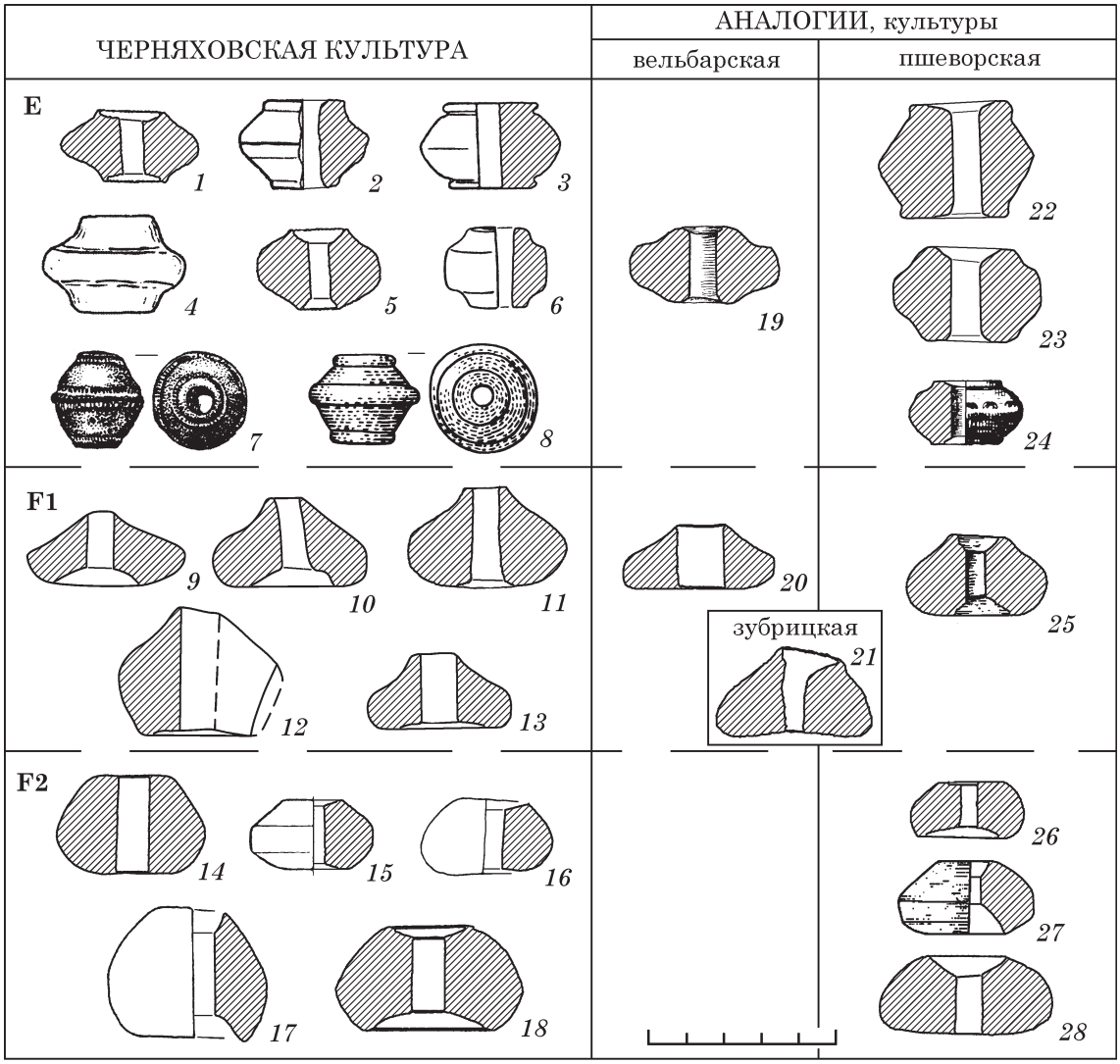

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
вельбарская
пшеворская
E
1
2
3
4
5
6
7
8
19
22
23
24
F1
9
10
11
12
13
20
21
зубрицкая
25
F2
14
15
16
17
18
26
27
28

Рис. 11. Уникальные формы черняховских прясел и аналогии к ним

Fig. 11. Unique forms of chernyakhov's spindlewhorls and analogies to them

Черняховская культура:
1 — неназванный памятник [Славяне … 1993, табл. LXXI, *44*];
2 — Кобылля (раскопки и рис. Б.С. Строценя);
3 — Тыргшор [Diaconu 1965, pl. LXXVII, *6*];
4 — Максимовка (раскопки Е.В. Махно; рис. А.Н. Некрасовой);
5 — Кобылля [Строцень 2008, рис.61, *2*];
6 — Шершни [Магомедов, Гудим-Левкович 1991, рис. 2, *5*];
7 — Войтенки [Любичев и др. 2008, рис. 269, *4*];
8 — Журавка [Обломский 2010, рис. 70, *13*];
9 — Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 198, *23*];
10 — Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 234, *19*].

Аналогии:
11 — Гостково (Gostkowo) [Kasprzak 2013];
12, 13 — Веклице [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011, pl. CXCI/435, *1*; CXXXV/306, *6*];
14 — Вельбарк (Wielbark) [Schindler 1940, Abb. 59, *9*];
15 — Цецеле [Jaskanis 1996, Taf. XVI/112, *4*];
16 — Осова (Osowa) [Jaskanis 1962, tabl. IV, *3*];
17 — Нетта (Netta) [Bitner-Wróblewska 2007, pl. XCIII, *7*];
18 — Боканы [Федоров1960, табл. 18, *3*];
19 — Васильевка [Субботин, Дзиговский 1990-III, рис. 2, *18*];
20 — Каменьчик [Dąbrowska 1997, Taf. C/181, 8];
21 — Иновроцлав-Шимбоже (Inowrocław-Szymborze) [Bednarczyk, Łaszkiewicz 1990,tabl. XLIX/193, *1*];
22 — Неданово [Ziemlińska-Odojowa1999, Taf. XCV/280, *2*]

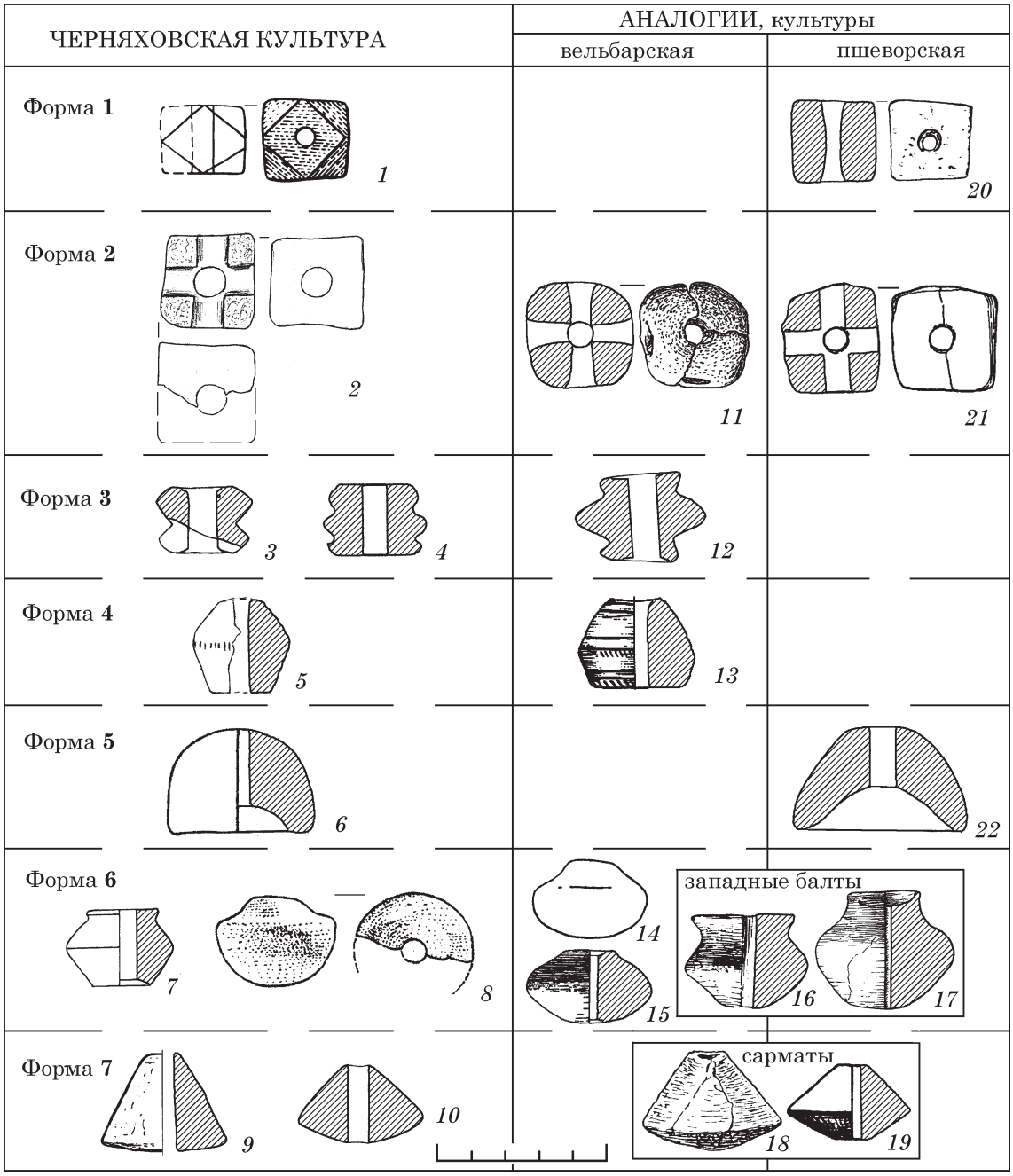

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
АНАЛОГИИ, культуры
вельбарская
пшеворская
Форма 1
1
20
Форма 2
2
11
21
Форма 3
3
4
12
Форма 4
5
13
Форма 5
6
22
Форма 6
7
8
14
15
западные балты
16
17
Форма 7
9
10
сарматы
18
19

Рис. 12. Прясла с графическим декором (*1—21*) и с инкрустацией (*22*)

Fig. 12. Spindlewhorls with graphic decor (*1—21*) and with encrustation (*22*)

1 — Слобозия-Кишкэрень (Лазо) [Левинский 1999, рис. 19, *7*];
2, 5, 7, 12, 13 — Чернелив-Русский [Герета 2013, рис. 58, *5*; 174, *1, 4*; 37, *20*; 61, *5*];
3, 20, 22 — Журавка [Обломский 2010, рис. 18, *2*; 25, *1*; 75, *10*].
4 — Будешть [Vornic 2006, fig. 109, *1*];
6 — Боромля [Некрасова 2006, рис. 10, *13*];
8 — Легедзино [Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010, рис. 26, *3*];
9 — Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 134, *2*];
10 — Малополовецкое [Кравченко и др. 2007, с. 140; рис. 3, *1*];
11 — Тыргшор [Diaconu 1965, pl. XCVIII, *11*];
14 — Хохлово (раскопки А.В. Кропоткина; рис. А.Н. Некрасовой);
15 — Успенка [Некрасова 2006, рис. 45, *8*];
16 — Легедзино [Магомедов, Диденко 2011, рис. 7, *4*];
17 — Синица [Кропоткин, Нахапетян 1976, рис. 1, *4*];
18 — Лецкань [Bloşiu 1975, fig. 30, *2*];
19 — Шершни [Магомедов, Гудим-Левкович 1991, рис. 2, *8*];
21 — Савченкив Яр [Жаров, Терпиловський 2011, рис. 2, *5*]

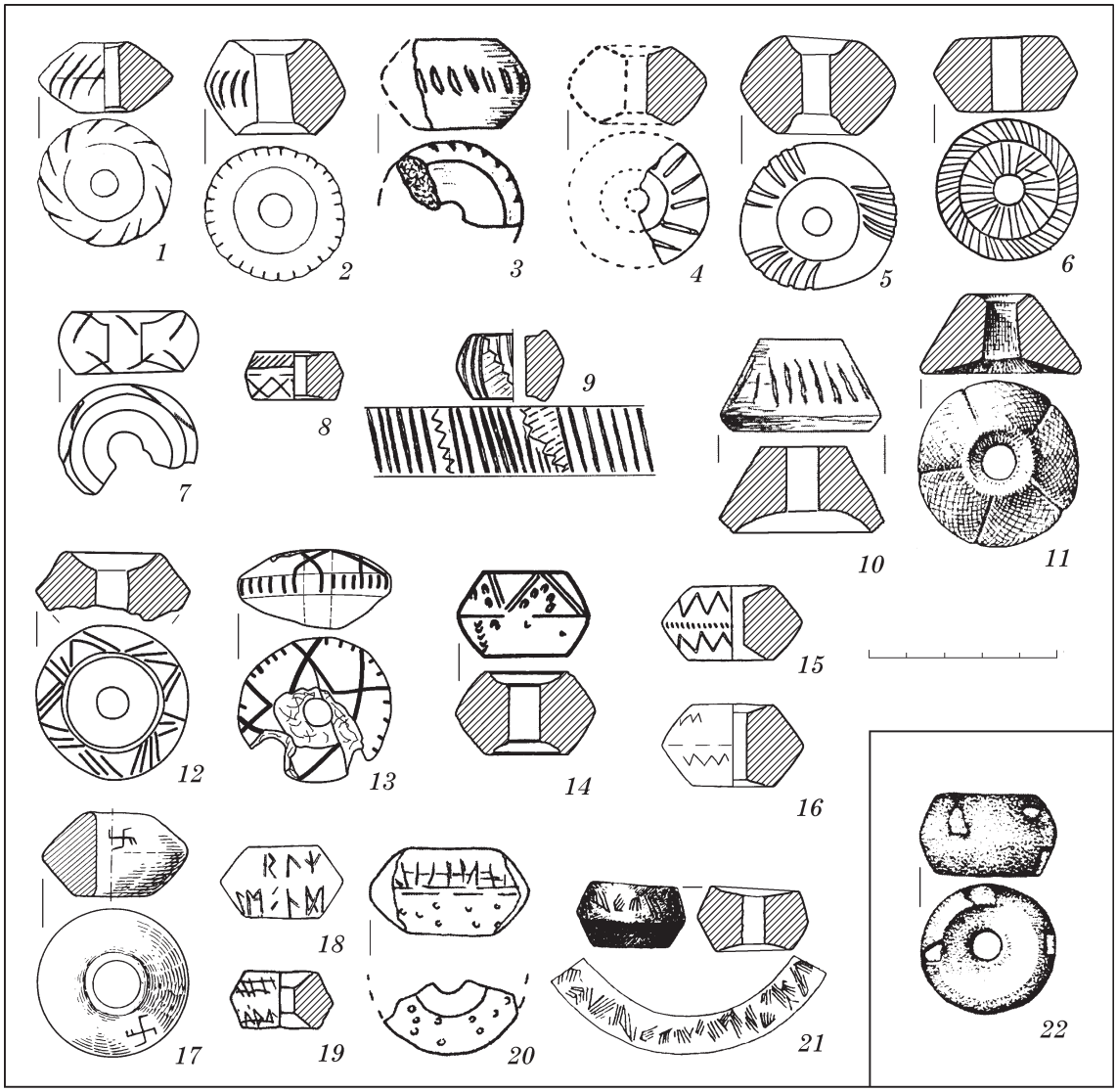

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22

Рис. 13. Прясла со штампованным декором

Fig. 13. Spindlewhorls with pressed décor

1 — Данчени [Рафалович 1986, табл. LIV, *8*];
2 — Козия-Яссы (Cozia-Iaşi) [Ioniță 1982, fig. 29, *1*];
3 — Миоркань (Miorcani) [Ioniță 1977, f. R48b, *6*];
4 — Могошань [Diaconu 1969, Abb. 16, *1*];
5, 6, 13 — Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 202, *4*; 292, *14*; 133, *4*];
7 — Слобозия-Кишкэрень (Лазо) [Левинский 1999, рис. 9, *2*];
8, 18 — Журавка [Обломский 2010, рис. 71, *18*; 72, *12*];
9 — Оселивка [Никитина 1988, табл. 52, *3*].
10 — Чорнивка [Войнаровський 1999, рис. 7, *16*];
11, 12 — Чернелив-Русский [Герета 2013, рис. 30, *7*; 73, *3*];
14, 21 — Козлов [Магомедов 1998, рис. 14, *6, 7*];
15, 16 — Легедзино [Магомедов, Диденко, Кожемяченко 2010, рис. 26, *1, 2*];
17 — Легедзино [Магомедов, Диденко 2009, рис. 21, *4*];
19 — Яссы-Фабрика [Ioniță 1972, fig. 7, *10*];
20 — Хохлово (раскопки А.В. Кропоткина; рис. А.Н. Некрасовой);
22 — Викторовка [Сымонович 1967, рис. 6, *37*];
23 — Фурмановка [Сымонович 1988, рис. 12, *2*];
24 — Великая Бугаевка [Петраускас, Шишкин 2013, рис. 120, *6*];
25 — Обухов 1а [Кравченко и др. 2007, с. 414; рис. 22, *10*];
26 — Соснова [Махно, Сикорский 1989] (рис. А.Н. Некрасовой);
27 — Обухов 1 [Кравченко и др. 2007, с. 252; рис. 30, *7*]

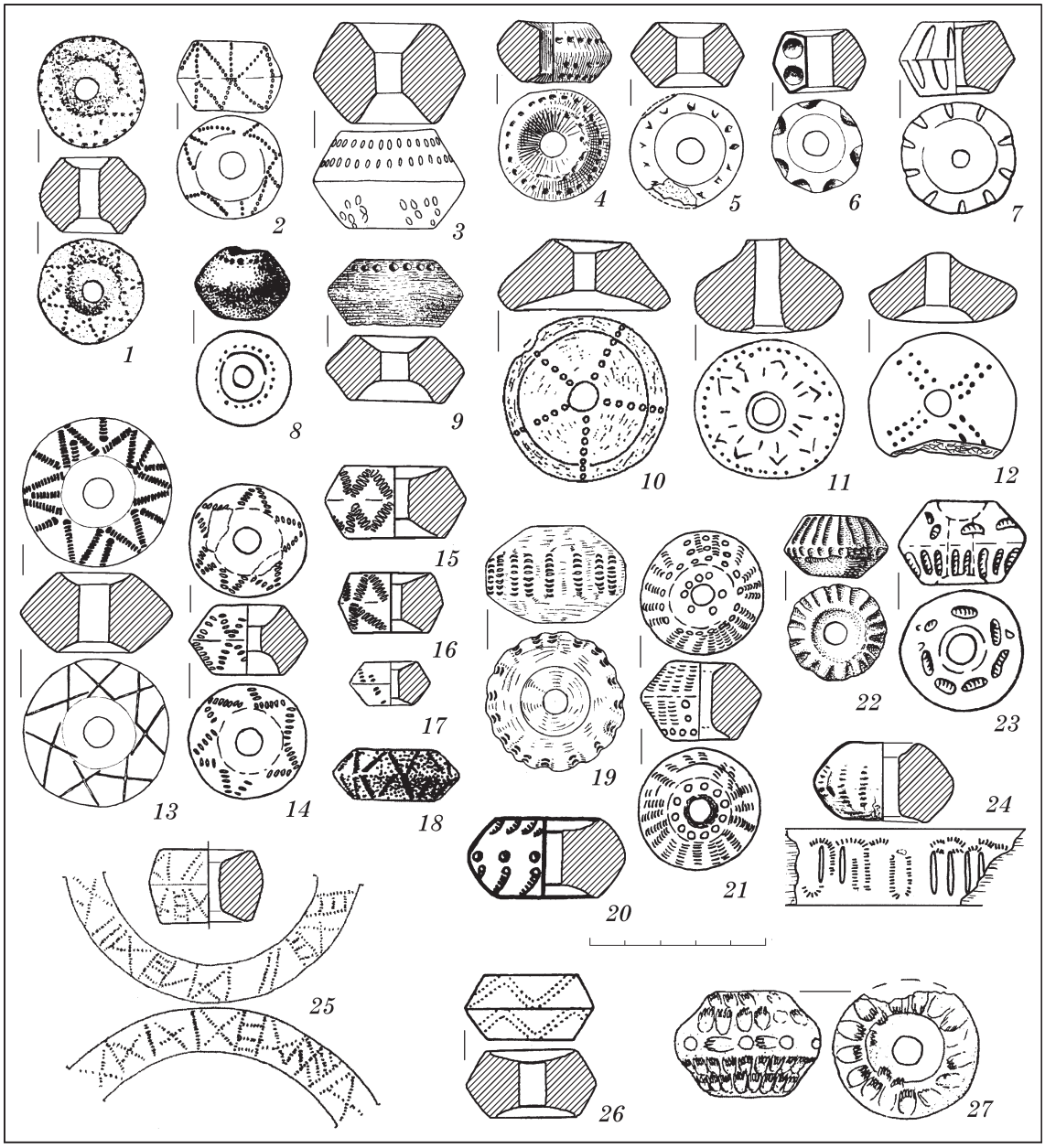
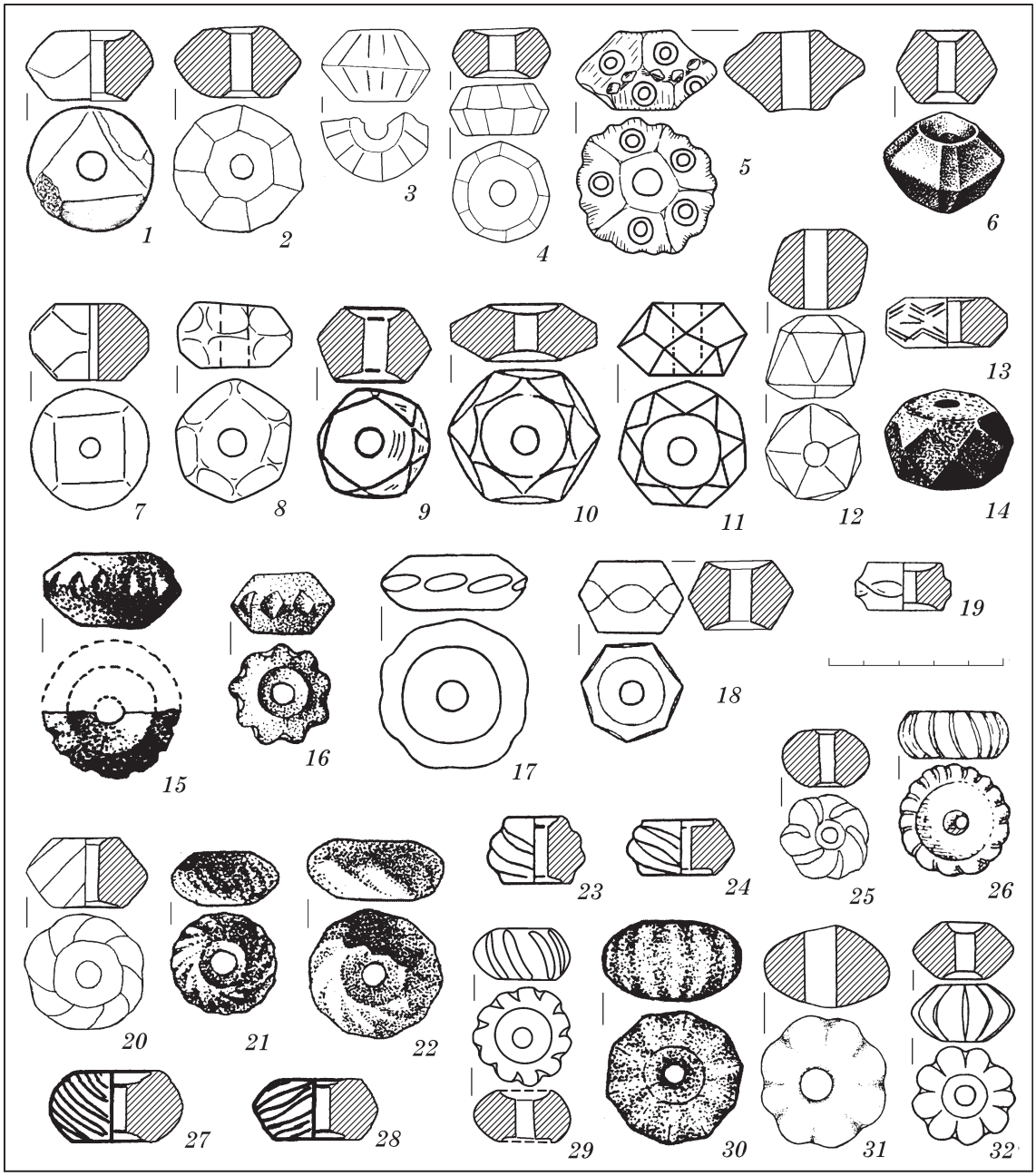

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

Рис. 14. Прясла с пластичным декором

Fig. 14. Spindlewhorls with plastic décor

1 — Плоское [Кравченко и др. 2007, с. 114; рис. 51, *3*];
2, 20, 25 — Михэлэшень [Şovan 2005, pl. 9, *1*; 24, *7*; 112, *72*];
3 — Яссы-Фабрика [Ioniță 1972, fig. 7, *9*];
4, 5, 31 — Бырлад—Валя Сяке [Palade 2004, fig. 103, *2*; 182, *6*; 201, *11*];
6 — Гавриловка [Сымонович 1960, табл. XII, *2*];
7 — Легедзино [Магомедов, Диденко 2013, рис. 4, *16*];
8 — Боромля [Некрасова 2006, рис. 35, *2*];
9 — Лохвица [Березовец, Петров 1960, табл. I, *22*] (рис. А.Н. Некрасовой);
10 — Соснова [Махно, Сикорский 1989] (рис. А.Н. Некрасовой);
11, 29 — Чернелив-Русский [Герета 2013, рис. 174, *6*; 33, *6*];
12, 32 — Будешть [Vornic 2006, fig. 109, *2, 3*];
13, 19 — Успенка [Некрасова 2006, рис. 50, *10*; 53, *9*];
14 — Коблево [Сымонович 1967, рис. 9, *14*];
15, 21, 22, 30 — Журавка [Обломский 2010, рис. 70, *7, 8*; 72, *4, 19*];
16 — Чалык [Щербакова 1990, рис. 9, *10*];
17 — Павлюковка [Шрамко 1979, рис. 3, *8*];
18 — Черкассы-Центр [Куштан, Петраускас 2011, рис. 23, *5*];
23, 24 — Хлопков [Некрасова 1988, рис. 7, *28, 30*];
26 — Каменка-Днепровская [Сымонович 1955, рис. 7, *5б*];
27, 28 — Хохлово (раскопки А.В. Кропоткина; рис. А.Н. Некрасовой)


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32

[I45]

Рис. 15. Аналогии к декоративному оформлению черняховских прясел из других археологических культур.

Fig. 15. Analogies to the decorative design of chernyakhov's spindlewhorls from other archaeological cultures

1 — Цецеле [Jaskanis 1996, Taf. XVI/104, *2*];
2, 3, 6 — Хринники [Козак 2012, рис. 51, *1, 26, 29*];
4, 9, 12 — Веклице [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011, pl. CLXXIX/400, *8*; CL/342, *100*; XXIV/52, *6*];
5, 8 — Масломенч [Kokowski 1995, rys. 15/71; rys. 12/60, *13*];
7, 11 — Брест-Тришин [Кухаренко 1980, табл. XIX, *58е*; XV, *41д*];
10 — Яртыпоры [Andrzejowski 2011, fig. 5a];
13 — Одры [Maik 2012, rys. 86, *d*];
14 — Грудек [Kokowski 1993, rys. 29, *b*];
15—17, 19, 20 — Опатув [Madyda-Legutko, Rodzińska-Nowak, Zagórska-Telega 2011, Taf. CCCXII/881, *5*; CCCXVI/888, *4*; CCCLXXXIX/1229, *16*; CXCII/563, *3*; CXXXII/394, *5*];
18 — Спицымеж (Spicymierz) [Kietlińska, Dąbrowska 1963, tab. V, *18*];
21 — Сокильники [Козак 2008, рис. 139, *10*];
22 — Бухарест-Милитарь (Bucureşti-Militari) [Bichir 1984, pl. XXXV, *21*]

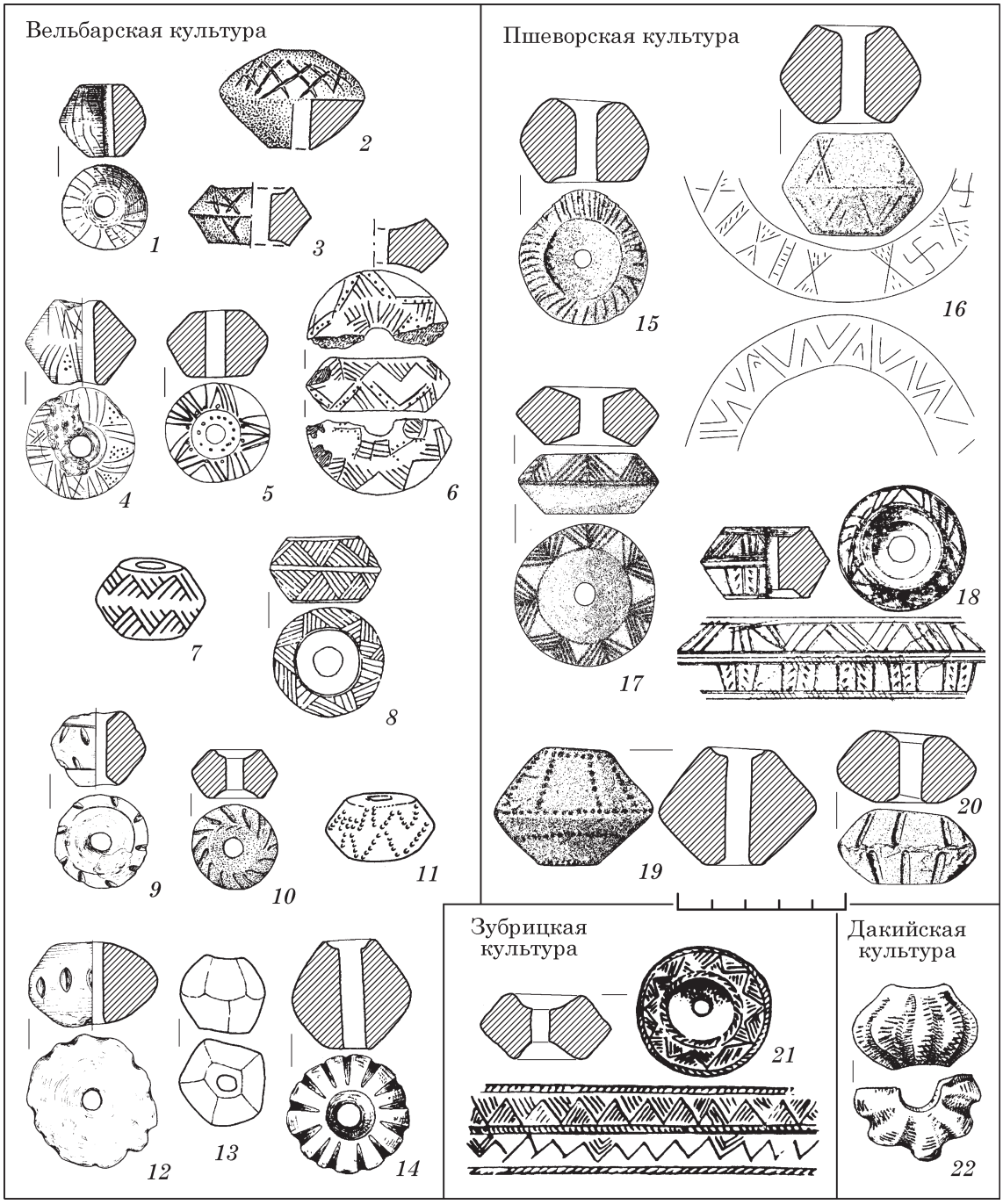

Вельбарская культура
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
Пшеворская культура
15
16
17
18
19
20
Зубрицкая культура
21
Дакийская культура
22

Рис. 16. Распределение черняховских форм прясел по культурно-этническим типам

Fig. 16. Distribution of chernyakhov's forms of spindlewhorls according to the cultural-ethnic types

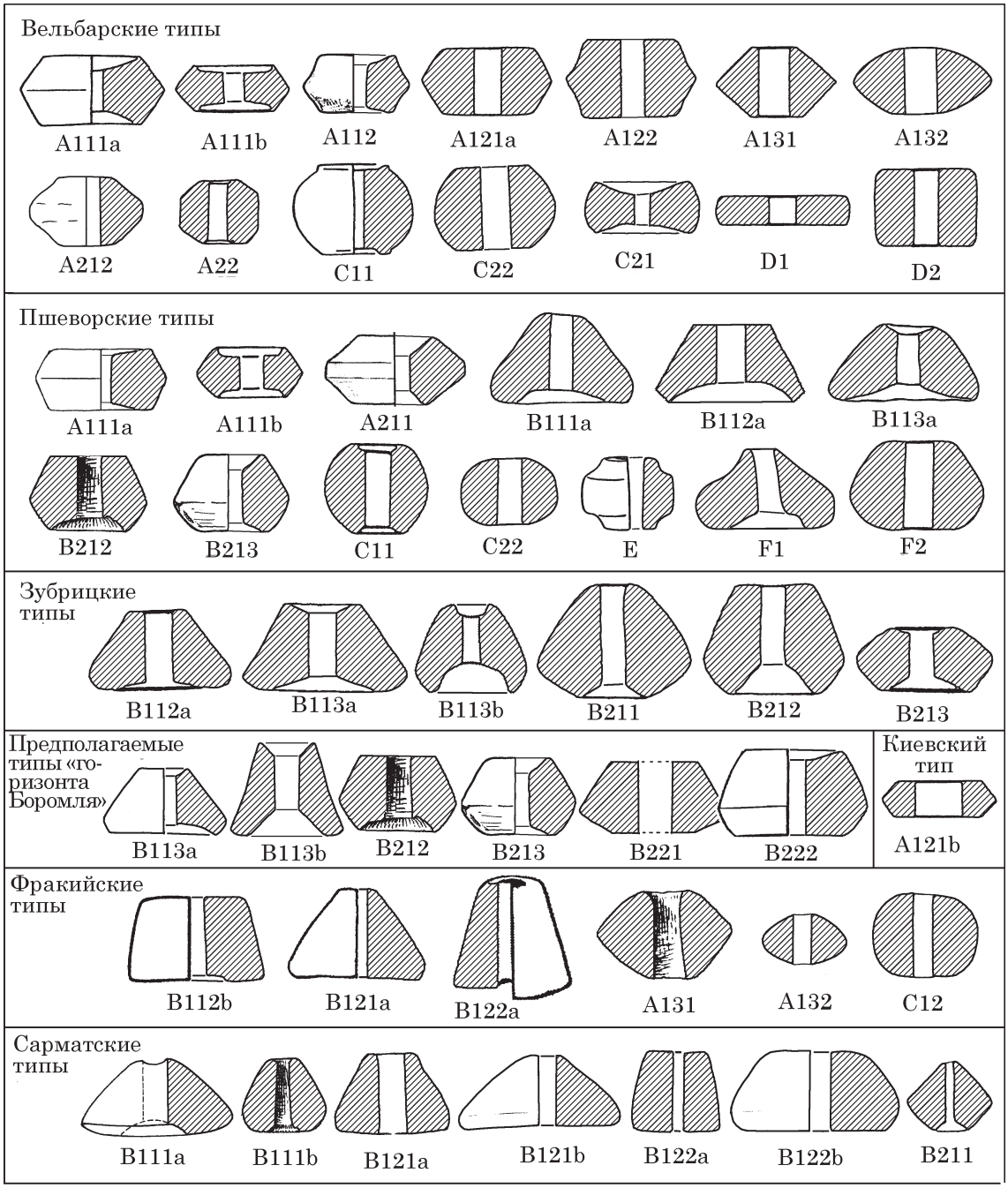

Вельбарские типы
A111a
A111b
A112
A121a
A122
A131
A132
A212
A22
C11
C22
C21
D1
D2
Пшеворские типы
A111a
A111b
A211
B111a
B112a
B113a
B212
B213
C11
C22
E
F1
F2
Зубрицкие типы
B112a
B113a
B113b
B211
B212
B213
Предполагаемые типы «горизонта Боромля»
B113a
B113b
B212
B213
B221
B222
Киевский тип
A121b
Фракийские типы
B112b
B121a
B122a
A131
A132
C12
Сарматские типы
B111a
B111b
B121a
B121b
B122a
B122b
B211

Рис. 17. Карта черняховских памятников с находками прясел, использованных в работе

Сокращения: ВК — вельбарская культура; ПК — пшеворская культура; ККК — культура карпатских курганов; КК — киевская культура. **Условные обозначения**: *a* — памятники черняховской культуры; *b* — античные города; *c* — границы Римской империи в IV в.; *d* — границы археологических культур; *e* — границы регионов черняховской культуры. **Регионы черняховской культуры**: *I* — Центральная Украина; *II* — Северо-Западная Украина; *III* — Верхний Днестр; *IV* — Средний Днестр; *V* — Восточная Украина; *VI* — Причерноморье; *VII* — Молдова; *VIII* — Мунтения; *IX* — Трансильвания

Fig. 17. Map of the chernyakhov's sites with the finds of spindlewhorls used in work

Abbreviations: ВК — Wielbark culture; ПК — Przeworsk culture; ККК — Carpathian barrows culture; КК — Kiev culture. **Conventional signs**: *a* — sites of the Chernyakhov culture; *b* — ancient towns; *c* — borders of the Roman empire in the 4th century; *d* — borders of archaeological cultures; *e* — borders of regions of the Chernyakhov culture. **Regions of the Chernyakhov culture**: *I* — Central Ukraine; *II* — North-Western Ukraine; *III* — Upper Dniester; *IV* — Middle Dniester; *V* — East Ukraine; *VI* — Black Sea Region; *VII* — Moldova; *VIII* — Muntenia (Wallachia); *IX* — Transylvania

Памятники по регионам черняховской культуры:

Верхний Днестр:
1 — Ракобуты;
2 — Шкло-*2*;
3 — Гряда;
4 — Рипнив II;
5 — Черепин;
6 — Куропатники;
7 — Демъянов;
8 — Бовшив.

Средний Днестр:
9 — Сокол-Острова;
10 — Думанов;
11 — Теремци;
12 — Бакота;
13 — Иванковцы (Хмельницкая обл.);
14 — Козлов;
15 — Одая;
16 — Добринивци I;
17 — Чорнивка;
18 — Оселивка;
19 — Романковци.

Северо-Западная Украина:
20 — Малашивци;
21 — Била;
22 — Чернелив-Русский;
23 — Романово Село;
24 — Кобылля;
25 — Лепесовка;
26 — Ружичанка;
27 — Петрикивцы;
28—Иванковцы(Житомирская обл.);
29 — Пряжев 1.

Центральная Украина:
30 — Малополовецкое;
31 — Великая Снитинка;
32 — Великая Бугаевка;
33 — Обухов 1 и 1а;
34 — Деревяна;
35 — Плоское;
36 — Канев;
37 — Курники;
38 — Шершни;
39 — Косаново;
40 — Синица;
41 — Рыжавка;
42 — Легедзино;
43 — Журавка;
44 — Маслово;
45 — Черкассы-Центр;
46 — Леськи;
47 — Успенка (Кировоградская обл.);
48 — Башмачка;
49 — Привольное;
50 — Каменка-Днепровская;
51 — Хлопков;
52 — Переяслав-Хмельницкий;
53 — Соснова;
54 — Жовнин-Пристань;
55 — Максимовка;
56 — Барбара;
57 — Компанийцы.

Восточная Украина:
58 — Заезд-Мост;
59 — Воскресенське 1;
60 — Лохвица;
61 — Савченкив Яр;
62 — Дубина 1;
63 — Успенка (Сумская обл.);
64 — Билопилля;
65 — Сумы;
66 — Боромля;
67 — Хохлово;
68 — Вовчик;
69 — Родной Край I;
70 — Павлюковка;
71 — Головино 1;
72 — Войтенки.

Причерноморье:
73 — Утконосовка;
74 — Фурмановка;
75 — Беленькое;
76 — Коблево;
77 — Луговое;
78 — Викторовка;
79 — Каменка-Анчекрак;
80 — Каборга;
81— Александровка;
82 — Гавриловка.

Молдова:
83 — Миоркань;
84 — Михэлэшень;
85 — Слобозия-Кишкэрень (Лазо);
86 — Лецкань;
87 — Яссы-Фабрика;
88 — Козия-Яссы;
89 — Будешть;
90 — Балцата;
91 — Данчены;
92 — Ханска-Лутэрия;
93 — Бырлад—Валя Сяке;
94 — Чалык.

Мунтения:
95 — Дрэгенешть-Олт;
96 — Могошань;
97 — Тыргшор;
98 — Бэлтень;
99 — Изворул;
100 — Спанцов;
101 — Индепенденца.

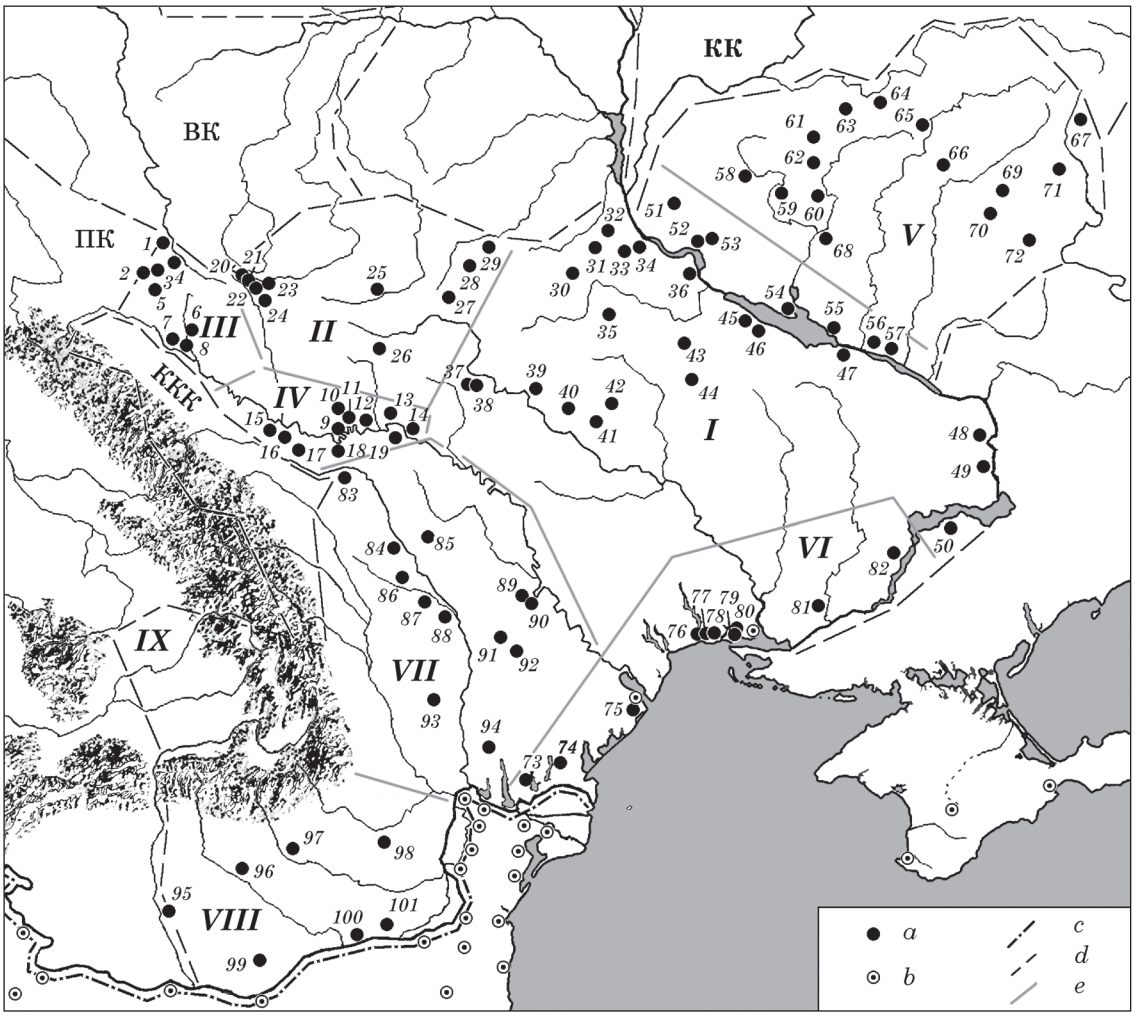

КК
ВК
ПК
ККК
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
a
b
c
d
e

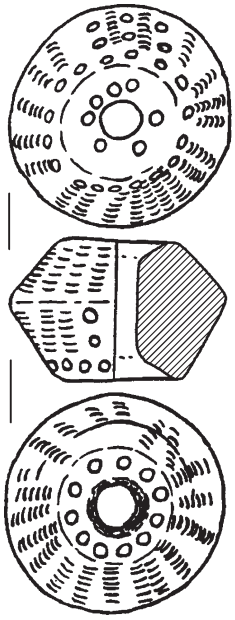
Рис. 18. Карта распространения «местных» культурно-этнических типов черняховских прясел. **Условные обозначения**: *a* — зубрицкие типы; *b* — киевский тип; *c* — фракийские типы; *d* — сарматские типы (остальные обозначения см. на рис. 17)

Fig. 18. Map of the distribution of the «local» cultural-ethnic types of chernyakhov's spindle-whorls. **Conventional signs**: *a* — zubritska's types; *b* — kiev's type; *c* — thracian types; *d* — sarmatian types (other signs see on fig. 17)

1 — Шкло-2;
2 — Гряда;
3 — Рипнив;
4 — Черепин;
5 — Куропатники;
6 — Демъянив;
7 — Бовшив;
8 — Сокол-Острова;
9 — Теремци;
10 — Бакота;
11 — Добринивци;
12 — Чорнивка;
13 — Оселивка;
14 —Чернелив-Русский;
15 — Петрикивци;
16 — Великая Снитинка;
17 — Обухов 1 и 1а;
18 — Хлопков;
19 — Билопилля;
20 — Хохлово;
21 — Войтенки;
22 — Беленькое;
23 — Михэлэшень;
24 — Яссы-Фабрика;
25 — Будешть;
26 — Балцата;
27 — Бырлад—Валя Сякэ;
28 — Дрэгенешть-Олт;
29 — Могошань;
30 — Тыргшор;
31 — Бэлтень;
32 — Изворул.

КК
ВК
ПК
ККК
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
a
b
c
d

ЛИТЕРАТУРА



Авраменко М. Вази в інвентарі жіночих та чоловічих поховань черняхівської культури // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Тези доп. XI міжнар. студ. археол. конф. — Чернігів, 2012. — С. 5—7.

Баран В.Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. — Київ, 1961.

Баран В.Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга // МИА. — 1964. — № 116. — С. 213—252.

Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). — Київ, 1981.

Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). — Киев, 1988.

Баран В.Д. Слов'янське поселення середини I тис. н. е. біля с. Теремці на Дністрі. — Київ, 2008.

Баран В.Д., Гопкало О.В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. — Київ, 2006.

Башкатов Ю.Ю. Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья // Германия-Сарматия II. — Калининград; Курск, 2010. — С. 215—239.

Башкатов Ю.Ю., Дегтярь А.К., Любичев М.В. Селище позднеримского времени Родной Край-3 в бассейне Северского Донца // Древности-1996. — Харьков, 1997. — С. 111—121.

Башкатов Ю.Ю., Милашевський О.С., Бітковська Т.В. Звіт про дослідження багатошарового поселення Барбара I на території м. Комсомольск Полтавської області у 2011 році (продовження досліджень 2005—2006 рр.) // НА ІА НАН України. — 2011.

Башкатов Ю.Ю., Милашевський О.С., Бітковська Т.В. Звіт про дослідження багатошарового поселення Барбара I на території м. Комсомольск Полтавської області у 2013 році // НА ІА НАН України. — 2013.

Березовец Д.Т. Поселения уличей на р. Тясмине // МИА. — 1963. — № 108. — С. 145—208.

Березовец Д.Т., Петров В.П. Лохвицкий могильник // МИА. — 1960. — № 82. — С. 84—99.

Бірбрауер Ф. Готи в I—VII ст.: територія розселення та просування за археоло-

гічними джерелами // Археологія. — 1995. — № 2. — С. 32—51.

Бодянский А.В. Результаты раскопок черняховского могильника в Надпорожье // АИУ за 1967 г. — Киев, 1968. — С. 172—176.

Бодянський О.В. Розкопки в Надпоріжжі в 1969 році // АДУ в 1969 р. — Київ, 1972. — С. 210—214.

Брайчевский М.Ю., Довженок В.И. Поселение и святилище Иванковцы в Среднем Поднестровье // МИА. — 1967. — № 139. — С. 238—262.

Вакуленко Л.В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е. — Київ, 1977.

Вакуленко Л.В. Українські Карпати у пізньоримський час (етнокультурні та соціально-економічні процеси). — Київ, 2010.

Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. — Киев, 1984.

Винокур І.С. Старожитності Східної Волині // Праці комплексної експедиції Черновицького держуніверситету, VIII. Серія історична. — 1960. — № 1. — С. 5—130.

Винокур И.С. Ружичанский могильник // МЧК. — Москва, 1979. — С. 112—135.

Винокур І.С., Горішній П.А. Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. — Кам'янець-Подільський, 1994.

Войнаровський В.М. Нові пам'ятки ранньоримського часу в Буковинському Прикарпатті (до підґрунтя черняхівської культури в регіоні) // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. — 1999. — T. XX. — С. 189—216.

Войнаровський В. Добринівці I — чинбарський комплекс черняхівської культури на Буковині. — Львів, 2013.

Войнаровський В., Войнаровський А. Гряда I. Виробничий осередок IV ст. н. е. поблизу Львова. — Луцьк, 2011.

Гаврилюк Н.А. Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья. — Киев, 1987. — С. 116—130.

Ґерета І.П. Могильник черняхівської культури в с. Біла на Тернопільщині. — Тернопіль, 2007.

Ґерета І.П. Чернелево-Руський могильник. — Київ, 2013 (Oium. — № 3).

Гірник І.П., Білецька О.В., Нерода В.В. Археологічна колекція з могильника черняхівської культури поблизу села Стецівка на Черкащині // Археологічні дослідження на Черкащині. — 1995. — № 1. — С. 92—100.

Гончаров В.К., Махно Є.В. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. — 1957. — **XI**. — С. 127—143.

Гопкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. — Киев, 2008.

Гопкало О.В. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Stratum plus. — 2011. — № 4. — С. 179—207.

Гопкало О.В. Черняховский могильник Ружичанка // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конференция 3. — Тула, 2012. — С. 331—400.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — Ленинград, 1981.

Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1990.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. — Киев, 1984.

Демидко С. Новые данные о Ружичанском могильнике // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конференция 3. — Тула, 2012. — С. 401—408.

Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. Нові пам'ятки черняхівської культури у межиріччі Удаю і Сули // Черняхівська культура: матеріали досліджень. — Київ, 2011. — С. 166—177 (Oium. — № 1).

Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. Нові пам'ятки черняхівської культури Дніпровського лісостепового Лівобережжя // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова. — Київ, 2014. — С. 49—57 (Oium. — № 4).

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. — IV ст. н. е.). — Київ, 1992.

Козак Д.Н. Пам'ятки давньої історії Волині у с. Линів. — Київ; Луцьк; Львів 1994.

Козак Д.Н. Венеди. — Київ, 2008.

Козак Д.Н. Поселення неврів, слов'ян та германців на Стирі. — Київ, 2012.

Козак Д., Оприск В., Шкоропад В. Пам'ятки давньої історії Волині у с. Городок. — Київ, 1999.

Козак Д., Прищепа Б. Шкоропад В. Давні землероби Волині (пам'ятки археології на Хрінницькому водоймищі). — Київ, 2004.

Кравченко Н.М. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко) // МИА. — 1967. — № 139. — С. 77—135.

Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В. Памятники археологии позднеримского времени Правобережной Киевщины. — Киев, 2007.

Кропоткін А.В., Обломський А.М. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону // Археологія. — 1991. — № 1. — С. 75—89.

Кропоткин В.В. Отчет об археологических раскопках Кременчугского отряда Приднепровской экспедиции в 1962 г. // НА ІА НАН України. — 1962/62.

Кропоткин В.В. Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г. // КСИА. — 1964. — Вып. 102. — С. 57—63.

Кропоткин В.В. Отчет об археологических раскопках Кременчугского отряда Приднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1968 г. // НА ІА НАН України. — 1968/82.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). — Москва, 1970 (САИ. — Вып. Д1—27).

Кропоткин В.В. Отчет об археологических раскопках могильника черняховской культуры у с. Думанов Каменец-Подольского района Хмельницкой области в 1981 году // НА ІА НАН України. — 1981/124.

Кропоткин В.В., Нахапетян В.Е. Новый центр железоделательного производства III—IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга // СА. — 1976. — № 3. — С. 317—324.

Кухаренко Ю.В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном // СА. — 1955. — Т. XXII. — С. 125—152.

Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. — Москва, 1980.

Куштан Д.П., Петраускас О.В. Могильник черняхівської культури Черкаси-Центр (за матеріалами розкопок 2000—2003 рр.) // Черняхівська культура: матеріали досліджень. — Київ, 2011. — С. 178—230 (Oium. — № 1).

Левада М., Дудек А. Пшеворское влияние на керамический коплекс черняховской культуры (по материалам Южной Польши, верхнего Днестра и Западного Буга) // Kultura przeworska. — Lublin, 1997. — T. IV. — С. 147—158.

Левинский А.Н. Лазо — могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове // Stratum plus. — 1999. — № 4. — С. 121—166.

Любичев М.В. «Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III — начала IV в. (ступени C1b—C2) // Germania-Sarmatia II. — Калининград; Курск, 2010. — С. 149—178.

Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В.Н. Каразина в 2005 г. // НА ІА НАН України. — 2005/156.

Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. Отчет о работе Германско-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В.Н. Каразина в 2006 г. // НА ІА НАН України. — 2006/70.

Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В.Н. Каразина в 2007 г. // НА ІА НАН України. — 2007/137.

Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В.Н. Каразина в 2008 г. // НА ІА НАН України. — 2008/92.

Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В.Н. Каразина в 2009 г. // НА ІА НАН України. — 2009/147.

Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В.Н. Каразина в 2010 г. // НА ІА НАН України. — 2010.

Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.) // МЧК. — Москва, 1979. — С. 24—62.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1987a.

Магомедов Б.В. Черняховское городище у с. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н. э. — Киев, 1987b. — С. 26—41.

Магомедов Б.В. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. Препринт. — Киев, 1991.

Магомедов Б.В. Велика Снітинка 2 — поселення гребінників III—IV ст. н. е. // Стародавнє виробництво на території України. — Київ, 1992. — С. 94—116.

Магомедов Б.В. Черняховское поселение у села Козлов на Среднем Днестре // Studia Gothica II. — Lublin, 1998. — С. 163—187.

Магомедов Б.В. Черняховский могильник Курники на Южном Буге // Stratum plus. — 1999. — № 4. — С. 102—120.

Магомедов Б.В. Гепіди. Історичні відомості та археологічні реалії // Археологія. — 2001a. — № 2. — С. 70—76.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. — Люблин, 2001b (Monumenta Studia Gothica. — T. I).

Магомедов Б.В. Могильник черняхівської культури Кам'янка-Анчекрак // Археологія ранніх слов'ян. Дослідження і матеріали. — Київ, 2004. — С. 131—164.

Магомедов Б.В. Культуроопределяющее значение черняховской гончарной посуды // Производство керамики в Восточной Европе: позднеримское время — раннее средневековье — новое время. Ostrogothica-Serie. — Харьков, 2013. — Вып. 2. — С. 106—114.

Магомедов Б.В. Декоративное оформление пряслиц черняховской культуры // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова. — Київ 2014a. — С. 72—81 (Oium. — № 4).

Магомедов Б.В. Конічні пряслиця на пам'ятках черняхівської культури // Від венедів до Русі. — Київ, 2014b. — С. 163—178.

Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. Черняховские поселения Шершни и Курники на Южном Буге // Древности Юго-запада СССР. — Кишинёв, 1991. — С. 84—106.

Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. Поселение IV—V вв. у с. Луговое в Николаевской области // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. — Київ, 2003. — С. 32—44.

Магомедов Б.В., Диденко С.В. Могильник черняховской культуры у с. Легедзино. Работы 2008—2009 гг. // Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Менотти Ф., Рыжов С.Н., Толочко Д.В., Чабанюк В.В. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2009 г. — Киев, 2009. — С. 56—92.

Магомедов Б.В., Диденко С.В., Кожемяченко В.Б. Могильник черняховской культуры у с. Легедзино. Работы 2010 года // Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Менотти Ф., Рыжов С.Н., Черновол Д.К., Чабанюк В.В. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2010 г. — Киев, 2010. — С. 32—93.

Магомедов Б.В., Диденко С.В. Могильник черняховской культуры у с. Легедзино. Работы 2011 г. // Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н., Черновол Д.К., Чабанюк В.В. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2011 г. — Киев, 2011. — С. 86—105.

Магомедов Б.В.,Диденко С.В. Исследования могильника черняховской культуры у с. Легедзино в 2008—2011 гг. // Stratum plus. — 2013. — № 4. — С. 235—243.

Магомедов Б.В., Левада М.Е., Лобай Б.И. Отчет о раскопках могильника черняховской культуры в с. Петрикивцы в 1992 г. // НА ІА НАН України. — 1992/35.

Магомедов Б.В., Левада М.Е., Абашина Н.С. Отчет о раскопках могильника черняховской культуры Петриковцы-I в 1993 г. // НА ІА НАН України. — 1993/20.

Магомедов Б., Рудич Т. Некоторые антропологические аспекты черняховской культуры // The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period. — Lublin, 2008. — **I**. — С. 249—260.

Махно Е.В. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА. — 1960. — № 82. — С. 9—83.

Махно Е.В. Могильник черняховского типа в городе Сумы // МИА. — 1967. — № 139. — С. 28—34.

Махно Е.В., Сикорский М.И. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы на левобережье Днепра // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. — Lublin, 1989. — Т. 2. — С. 249—262.

Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. — Воронеж, 1998. — С. 42—84.

Милашевський О.С. Північно-західний компонент черняхівської культури (за матеріалами ліпної кераміки): Дис. канд. іст. наук. — Київ, 2015.

Мошкова М.Г. О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. — Москва, 2012. — С. 338—351 (Тр. ГИМ. — Вып. 191).

Некрасова Г.М. Поселення черняхівської культури Хлопків I на Київщині // Археологія. — 1988. — № 62. — С. 70—82.

Некрасова А.Н. О хронологических различиях черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // VI Междунар. конгр. слав. археологии: Тез. докл. советской делегации. — Москва, 1990a. — С. 62—64.

Некрасова А.Н. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990b. — С. 150—151.

Некрасова Г.М. Черняхівське поселення біля м. Білопілля // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Матеріали наук. конф. — Білопілля 1994. — С. 3—4.

Некрасова А.Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. — Киев, 2006. — С. 87—200.

Никитина Г.Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. // МЧК. — Москва, 1988. — С. 5—97.

Никитина Г.Ф. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. — Москва, 1996.

Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). — Москва, 2008.

Никулицэ И.Т., Рикман Э.А. Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н. э. (Молдавия) // КСИА. — 1973. — Вып. 133. — С. 116—123.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. — Москва; Сумы, 1991.

Обломський А.М. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація) // Археологія. — 1999. — № 4. — С. 76—88.

Обломский А.М. Новый черняховский памятник на территории России// Stratum plus. — 2001—2002. — № 5. — С. 27—52.

Обломский А.М. Глава 2. Замятино-8. Материалы раскопок 1998—2000 гг. Глава 16. Замятинский археологический комплекс — «перекресток этнокультурных традиций» // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. — Москва, 2004. — С. 16—36, 148—163 (РСМ. — Вып. 6).

Обломский А.М. Глава 2. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. — Москва, 2007. — С. 73—132 (РСМ. — Вып. 9).

Обломский А.М. Материалы поселения Журавка Ольшанская // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. — Москва, 2010. — С. 144—260 (РСМ. — Вып. 13).

Пелещишин М.А. Поселення III—IV ст. у Розточчі // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. — Київ; Львів, 1999. — С. 204—216.

Петраускас О.В. Могильник черняховской культуры в г. Каневе — ул. Пушкина // Studia Gothica. — Lublin, 1998. — **II**. — S. 189—220.

Петраускас О.В., Шишкин Р.Г. Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка (археологический источник). — Киев, 2013 (Oium. — № 2).

Петрашенко В.О. Слов'янські пряслиця VIII—X ст. з Правобережжя Середнього Дніпра // Археологія. — 1988. — № 62. — С. 24—32.

Петренко Е.Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж, 1991. — С. 10—26.

Петров В.П. Масловский могильник на р. Товмач // МИА. — 1964. — № 116. — С. 118—167.

Післарій І.О. Про ткацтво в добу міді—бронзи та раннього заліза // Археологія. — 1982. — № 38. — С. 70—81.

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I — II в. н. э.). — Москва, 2010 (РСМ. — Вып. 12).

Приходнюк О.М. Новые данные о пеньковской культуре // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. — Москва, 1990. — С. 75—108.

Приходнюк О.М. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности Юго-Запада СССР. — Кишинёв, 1991. — С. 106—124.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследований. — Воронеж, 1998.

Рафалович И.А. Сосуд со штампованными знаками из Данченского могильника черняховской культуры // АИМ (1974—1976 гг.). — Кишинев, 1981. — С. 116—125.

Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. — Кишинев, 1986.

Росохацкий А.А. Отчет о раскопках периферийного отряда Белгород-Тирской экспедиции ОАМ АН УССР в 1988 г. // НА ІА НАН України. — 1988/51.

Росохацкий А.А. Отчет о работе Шаболатской археологической экспедиции в 1989 году // НА ІА НАН України. — 1989/262.

Росохацкий А.А. Отчет Шаболатского отряда Одесского охранного археологического центра в 1991 г. // НА ІА НАН України. — 1991/237.

Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — Москва, 1982 (Археология СССР).

Скрипкин А.С. Материалы Сусловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. — 1998. — Вып. 1. — С. 104—124.

Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. — Москва, 1993 (Археология СССР).

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — Киев, 1990.

Смиленко А.Т. Городище Башмачка III—IV в. н. э. — Киев, 1992.

Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю. Черняховские поселения в с. Леськи близ города Черкассы // МИА. — 1967. — № 139. — С. 35—61.

Смирнова Г.И. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры // МИА. — 1964. — 116. — С. 196—212.

Смішко М.Ю., Свєшніков І.К. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області // МДАПВ. — 1961. — Вип. 3. — С. 89—114.

Стеблій Н. Охоронно-рятівні роботи на черняхово-празькому поселенні Ріпнів-II у 2003 р. // Вісник Інституту археології. — Львів, 2007. — Вип. 2. — С. 88—112.

Строцень Б. Черняхівська культура Західного Поділля. — Тернопіль, 2008.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. I. Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II. Препринт. — Киев 1990.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильни-

ки Васильевский и Кубей. Препринт. — Киев 1990.

Сымонович Э.А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА. — 1955. — Т. 24. — С. 282—316.

Сымонович Э.А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // МИА. — 1960. — № 82. — С. 192—238.

Сымонович Э.А. Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской обл. // КСИА. — 1962. — Вып. 90. — С. 69—73.

Сымонович Э.А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА. — 1967. — № 139. — С. 205—237.

Сымонович Э.А. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // МЧК. — Москва, 1979. — С. 63—111.

Сымонович Э.А. Придунайский могильник Фурмановка // МЧК. — Москва, 1988. — С. 143—163.

Сымонович Э.А. Букреевка 2 — селище второй четверти I тыс. н. э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. — Курск, 1990. — С. 78—110.

Терпиловський Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. — Люблин, 2004 (Monumenta Studia Gothica. — **III**).

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). — Киев, 1992.

Тиліщак В.С. Чернелево-Руський могильник черняхівської культури: Дис. … канд. іст. наук. — Київ, 2013.

Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — Моква, 1960 (МИА. — № 89).

Федоров Г.Б. Позднесарматский могильник у с. Криничное // МИА. — 1969. — № 169. — С. 248—253.

Цигилик В.Н. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери (племена липицької культури). — Київ, 1975.

Шарова О.А. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н. э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. — Калуга, 2004. — С. 65—72.

Шрамко Б.А. Могильник у с. Павлюковка // МЧК. — Москва, 1979. — С. 9—12.

Шультце Э., Любичев М. Хронология могильника черняховской культуры Войтенки I (Восточная Украина) (по материалам раскопок 2005—2009 гг.) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. — Тула, 2012. — С. 409—463.

Щербакова Т.А. Могильник черняховской культуры у с. Чалык // АИМ в 1985 г. — Кишинев, 1990. — С. 141—162.

Щербань А.Л. Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII — початку III століття до н. е. (за глиняними виробами). — Київ, 2007.

Щукин М.Б. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. — Lublin, 1989. — Т. 2. — С. 195—215.

Andrzejowski J. Nadkole 2. A Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland. — Kraków, 1998 (MAB. — T. V).

Andrzejowski J. Out of the Social Structure? A Late Roman Period Female Grave from Jartypory, Eastern Poland // Weibliche eliten in der frühgeschichte. — Mainz, 2011. — P. 185—199.

Bednarczyk J., Łaszkiewicz T. Cmentarzysko z okresu wpływyw rzymskich w Inowrocławiu-Szymborzu, woj. bydgoskie, stanowisko 1. — Inowrocław, 1990.

Bichir Gh. Cultura carpica. — Bucureşti, 1973.

Bichir Gh. Les Sarmates au Bas-Danube // Dacia. — 1977. — **XXI**. — P. 167—197.

Bichir Gh. Geto-dacii din Muntenia în epoca romana. — Bucureşti, 1984.

Bitner-Wróblewska A. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. — Warszawa, 2007 (MAB. — T. XII).

Bloşiu C. Necropola din secolul al IV-lea e. n. de la Leţcani (jud. Jaşi) // AM. — 1975. — **VIII**. — P. 203—280.

Chytrá H. Přesleni jako součást výbavy hrobů doby římské v Čechách, na Moravě a

na Jihozapádním Slovensku // Archeologie barbarů 2010: Hroby a pohřebiště germánů mezi Labem a Dunajem. — Olomouc, 2011. — S. 389—394 (Studia Archaeologica Suebica. — **I**).

Dąbrowska T. Uwagi o ornamentyce ceramiki przeworskiej z wczesnego okresu wpływow rzymskich // Studia Gothica. — Lublin, 1996. — **I**. — S. 111—120.

Dąbrowska T. Kameńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. — Kraków, 1997 (MAB. — T. III).

Dąbrowski K. Osada z okresów późnolateńskiego i rzymskiego we wsi Piwonice, pow. Kalisz // WA. — 1970. — T. XXXV, z. 3. — S. 347—392.

Diaconu Gh. Tîrgşor. Necropola din secolele III—IV e. n. — Bucureşti, 1965.

Diaconu Gh. Das Gräberfeld von Mogoşani (Kreis Dombovița) // Dacia. — 1969. — **13**. — S. 367—402.

Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. — Berlin, 1983. — Bd. II.

Dolinescu-Ferche S. Aşezări din secolele III şi VI e. n. in sud-vestul Munteniei. Cercetările de la Dulceanca. — Bucureşti, 1974.

Domański G. Kultura Luboszycka między Labą a Odrą w II—IV wieku. — Wrocław etc., 1979.

Domański G. Cmentarzysko w Luboszycach (II—IV w.). — Wrocław, 1982.

Dragomir I.T. Săpăturile arheologice înterprinse la Bălteni // Materiale si cercetari arheologice. — 1962. — T. VIII. — P. 11—23.

Dzięgielewska M., Kulczyńska M. Ciebłowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien. — Warszawa, 2008 (MAB. — T. XIV).

Godłowski K. The Chronology of the late roman and early migration periods in Central Europe. — Kraków, 1970.

Godłowski K. Kultura przeworska // Prahistoria Ziem Polskich. — Wrocław i in., 1981. — T. V. — S. 57—135.

Godłowski K., Wichman T. Chmielów Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokrzyskie-Gebirge. — Kraków, 1998 (MAB. — T. VI).

Hahuła K. Cmentarzysko kultury wielbarskiej w Nowym Łowiczu na Pojezijerzu Drawskim w świetle dotychczasowych badań (kurhany 52 i 56) // Barbaricum. — Warszawa, 1994. — T. 3. — S. 131—148.

Hahuła K., Wołągiewicz R. Grzybnica. Ein Gräberfeld mit Steinkreisen der Wielbark-Kultur in Pommern. — Warszawa; Koszalin, 2001 (MAB. — T. VIII).

Ioniță I. Aşezarea de tip Sîntana de Mureş—Cerneahov de la Iaşi-Fabrica de caramizi // AM. — 1972. — **7**. — P. 267—306.

Ioniță I. La nécropole du IVe siecle de n. e. a Miorcani. — Bucureşti, 1977 (Inventaria archaeologia. Roumanie. — F. 8).

Ioniță I. Din istoria şi civilizația dacilor liberi. — Iaşi, 1982.

Ioniță I. Eine scheibengedrehte Schale mit Sonnensymbolen bei Tăcuta // 20 lat archeologii w Maslomęczu. — Lublin, 1998. — T. II. — S. 55—60.

Jaskanis J. Wyniki badań cmentarzyska kurhanowego we wsi Osowa, pow. Suwałki w latach 1960—1961 // Rocznik Białostocki. — 1962. — T. III. — S. 233—336.

Jaskanis J. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. — Kraków, 1996 (MAB. — T. II).

Jaskanis J. Krupice. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Ostpolen. — Warszawa, 2005 (MAB. — T. X).

Jasnosz S. Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Wymysłowie, pow Gostyń // Fontes Praehistorici. Annales Musei Archaelogici Posnaniensis. — 1952. — Vol. II. — S. 1—284.

Kasprzak A. Cmentarzysko kultury oksywskiej i kultury wielbarskiej w Gostkowie, pow. Bytowski (maszynopis) // Archiwum Fundacji Monumenta Archaeologica Barbarica w Warszawie. — 2013.

Kaczanowski P. Drochlin, ciałopalne cmentarzysko kultury przeworskiej z okresu wpływów rzymskich. — Kraków, 1987 (Prace archeologiczne. — Z. 40).

Kempisty A. Birytualne cmentarzysko z późnego okresu rzymskiego w miejscowości Brulino-Koski, pow. Ostrów Mazowiecka // WA. — 1966—1967. — T. XXXII, z. 3—4. — S. 409—450.

Kietlińska A., Dąbrowska T. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, Powiat Turek // Materiały starożytne. — 1963. — T. IX. — S. 143—254.

Kmieciński J., Blombergowa M., Walenta K. Cmentarzysko kurhanowe ze starszego okresu rzymskiego w Węsiorach w pow. kartuskim // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. — 1966. — № 12. — S. 37—122.

Kokowski A. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej. — Lublin, 1993. — T. 1—3.

Kokowski A. Grupa maslomęcka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. — Lublin, 1995.

Kokowski A., Stasiak M., Strocen' B. Osady z młodszego okresu rzymskiego w miejscowościach Iwankivci i Malašiwci na zachodnim Podolu (Ukraina) // Studia Gothica. — Lublin, 1998. — II. — S. 131—162.

Koster J. Handloom Construction: A Practial Guide for the Non-Expert. — Mount Rainier, 1979.

La Baume W. Die Entwicklung des Textilhandwerks in Alteuropa. — Bonn, 1955 (Antiquitas. — **2/2**).

Leube A. Die römische Kaiserzeit im Oder-Spree-Gebiet. — Potsdam, 1975 (Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. — **9**).

Madyda-Legutko R., Rodzińska-Nowak J., Zagyrska-Telega J. Opatów Fpl. 1. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im nordwestlichen Kleinpolen. — Warszawa; Kraków, 2011 (MAB. — T. XV/2).

Magomedov B. Conical spindlewhorls in Chernyakhov culture. — in print.

Maik J. Włókiennictwo kultury wielbarskiej. — Łódź, 2012.

Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea on Muntenia. — Bucureşti, 1966.

Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J. Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984—2004). — Warszawa, 2011 (MAB. — T. XVII).

Nowakowski Z. Cmentarzysko kultury przeworskiej w Żdżarowie, pow. Sochaczewski // Wiadomości archeologiczne. — 2002—2003. — **LVI**. — S. 283—379.

Palade V. Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă (sfârşitul sec. al III-lea — a doua jumătate a sec. al V-lea). — Bucureşti, 2004.

Petrauskas O.V. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungsitten und ethnokulturellen Besonderheiten // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. — 2003. — **84**. — S. 223—351.

Petrzak M. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kuitur in Ostpommern. — Kraków, 1997 (MAB. — T. IV).

Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefäße. — Leipzig, 1940.

Schultze E., Strocen' B. Keramik mit ovalen Facetten. Eine Untersuchung zur Chronologie der Cernjachov-Kultur // Eurasia Antiqua. — 2008. — **14**. — S. 267—332.

Şovan O.L. Necropola de tip Sântana de Mureş—Černjachov de la Mihălăşeni (jud. Botoşani). — Târgovişte, 2005.

Szydłowski J. Trzy cmentarzyska typu dobrodzienskiego. — Bytom, 1974.

Teodor S. Săpăturile de la Cucorăni (jud. Botoşani) // AM. — 1975. — **8**. — P. 121—201.

Trohani G., Zorzoliu T. O necropolă din sec. al IV-lea e.n. descoperită la Drăgăneşti-Olt // Cercetări arheologice. — 1983. — **6**. — P. 209—223.

Urbaniak A. Osada kultury przeworskiej i kultury wczesnosłowiańskiej na stanowisku 3 w Złotej powiat Sandomierz. — Łódź, 2008.

Vornic V. Aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Budeşti. — Chişinău, 2006.

Watemborska K. Zabytki z cmentarzyska kultury przeworskiej z miejscowości Mieczki-Pozemaki, pow. Ostrołęcki // WA. — 2011. — **62**. — S. 243—246.

Wawrzyniak P. Wstępne wyniki badań cmentarzyska birytualnego ludności kultury wielbarskiej w Jordanowie, gm.

Świebodzin, woj. Lubuskie // Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. — Gdańsk, 2007. — S. 527—553.

Werner J. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den «Reichtumzentren» auf Fünen // Bonner Jahrbücher. — 1988. — **188**. — S. 241—286.

Wielowiejski J. Zagadnienie przeslic z czasow cesarstwa rzymskiego // Archeologia. —-1993 (1994). — **44**. — S. 69—75.

Wołągiewicz M.D. Cmentarzysko z okresu pyźnolateńskiego i rzymskiego w Drawsku Pomorskim // Materiały zachodniopomorskie. — 1967. — T. XIII. — S. 7—76.

Wołągiewicz R. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. — Szczecin, 1993.

Wołągiewicz R. Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kuitur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr. — Kraków, 1995 (MAB. — T. I).

Ziemlińska-Odojowa W. Wstępne wyniki badań na wielokulturowym stanowisku w Młotecznie (gmina Braniewo) // Archeologia bałtyjska. Materiały z konferencji. — Olsztyn 1991. — S. 100—119.

Ziemlińska-Odojowa W. Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien. — Kraków, 1999 (MAB. — T. VII).

Żórawska A. Pochówki cząstkowe z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Jartyporach na Podlasiu // Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. — Gdańsk, 2007. — S. 457—471.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ — Археологічні дослідження на Україні

АИМ — Археологические исследования в Молдавии

АИУ — Археологические исследования на Украине

НА ІА НАН України — Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МЧК — Могильники черняховской культуры

ОАМ — Одесский археологический музей

РСМ — Раннеславянский мир

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

ФКМ — Фастовский краеведческий музей

ХНУ — Харьковский Национальный университет

AM — Arheolologia Moldovei

MAB — Monumenta archaeologica barbarica

WA — Wiadomości archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

ГЛАВА I. КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ И ДЕКОРАТИВНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПРЯСЕЛ I5

I.I. Типологическая схема прясел . . . I7

I.2. Виды декоративного оформления прясел 28

ГЛАВА 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПРЯСЕЛ 35

2.I. Региональные особенности распространения прясел 35

2.2. Культурно-типологические связи форм прясел 37

2.3. Культурно-этнические компоненты черняховского комплекса прясел 40

ГЛАВА 3. ПРОЦЕСС СЛОЖЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОГО КОМПЛЕКСА ПРЯСЕЛ 5I

ВЫВОДЫ 59

РЕЗЮМЕ. *МАГОМЕДОВ Б.В.* КЕРАМІЧНІ ПРЯСЛИЦЯ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ 63

SUMMARY. *MAGOMEDOV B.V.* CERAMIC SPINDLEWHORLS of CHERNYAKHOV CULTURE 8I

ТАБЛИЦЫ 99

РИСУНКИ II9

ЛИТЕРАТУРА I57

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ I67

Наукове видання

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

МАГОМЕДОВ Борис Вікторорович

КЕРАМІЧНІ ПРЯСЛИЦЯ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

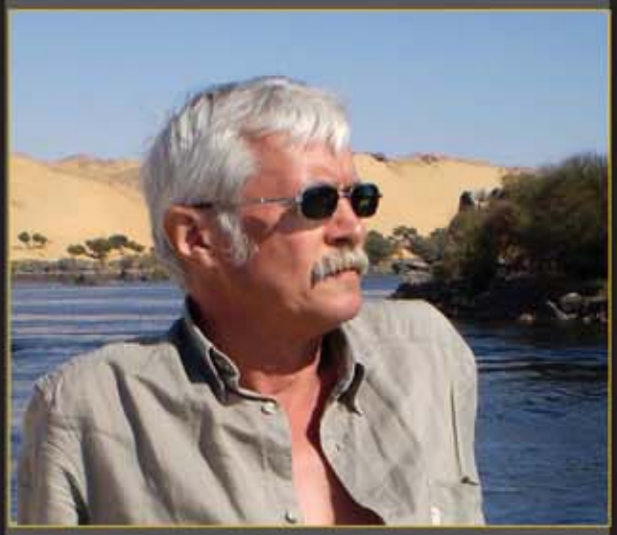
Монографія російською мовою

Друкується в авторській редакції
Рисунки *авторські*
Комп'ютерна верстка *С.А. Горбаненка*

Підписано до друку 15.09.2015. Формат 84 × 108/16. Папір офс. № 1.
Гарнітура Century Schoolbook. Друк офс. Ум.-друк. арк. 17,85.
Обл.-вид. арк. 13.
Наклад 300 прим. Зам. №

Тираж віддруковано ТОВ «Майдан»,
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59. Тел.: (057) 700-37-30

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців
і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 1002
від 31.07.2002 р.



МАГОМЕДОВ Борис Викторович –
доктор исторических наук. Выпускник Киевского университета. Работает в Институте археологии НАН Украины с 1969 года. Основные научные интересы – археология и история позднеримского периода и эпохи переселения народов в Восточной Европе. Автор более 200 научных работ. Лауреат Государственной премии Украины 1991 г. Член-корреспондент Германского археологического института.

MAGOMEDOV Boris –
Doctor of History. Graduated from the Kiev university. Works in Institute of Archaeology of Ukrainian National Academy of Sciences since 1969. Basic scientific interests are archaeology and history of Late Roman and Migration Period in Eastern Europe. Author of more than 200 publications. Laureate of the State Prize of Ukraine 1991. Corresponding Member of the German archaeological institute (DAI).